

OBSAH / TABLE OF CONTENTS

ČLÁNKY / ARTICLES

- 5 *Иво Поспишил*: Русская диаспора и русистика в чешской среде: несколько размышлений
The Russian Diaspora and Russian Studies in the Czech Environment: Some Reflections
- 23 *Ольга Геращенко*: Фігури слів у житомирському списку літопису Григорія Граб'янки
Verbal Figures in the Zhytomyr Redaction of Hryhory Hrabyanka's Chronicle
- 33 *Martin Pukanec*: Slovanské božstvo Perún z etymologického hľadiska
The Slavic Deity Perun from an Etymological Point of View
- 45 *Алима Штырова*: Концепция мира и человека в творчестве Л. Петрушевской: схизис как норма жизни
The Concept of the World and Man in L. Petrushevskaya's Works: Schisis as a Norm of Life
- 58 *Jana Sokolová – Ján Gallo*: Odborná recenzia ako žáner a komunikát
Academic Review as a Genre and Part of Communication

ROZHĽADY / SURVEYS

- 78 *Eva Tučná*: „Na počiatku bolo Slovo...“
„In the Beginning Was the Word...“

RECENZIE / BOOK REVIEWS

- 84 Tibenská, E.: Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov. Slovački jazyk u zrcalu unutrašnjih i vanjskih odnosa (*Juraj Vaňko*)
- 87 Sokolová, J.: Tri aspekty verbálneho textu (*Mária Valentová*)

MENNÝ REGISTER / INDEX OF NAMES

AUTORI ČÍSLA / AUTHORS

Pokyny na formálnu úpravu príspevkov
Требования к оформлению статей

РУССКАЯ ДИАСПОРА И РУСИСТИКА В ЧЕШСКОЙ СРЕДЕ: НЕСКОЛЬКО РАЗМЫШЛЕНИЙ

Иво Поспишил

THE RUSSIAN DIASPORA AND RUSSIAN STUDIES IN THE CZECH ENVIRONMENT: SOME REFLECTIONS

Abstract: The author of the present contribution deals with some general features of the impact of the Russian academic diaspora upon the Czech Russian studies stressing some personalities including Roman Jakobson and the complicated procedure of his habilitation in Brno covering the problems of the so-called *vota separata* which the author of the contribution commented upon in several of his articles, and Sergii Vilinskii's participation in the formation of the Czech Russian studies with his research of medieval Russian literature and modern Russian prose (M. Ye. Saltykov-Shchedrin) and Bulgarian literature (Petko Todorov) linked with his Brno Masaryk University stay. The author accentuates the tendency towards the team work in Jakobson's case, his modernization of the methodology of philology as such, and the delicate sensitiveness of Sergii Vilinskii for the permeation of medieval and modern literary creations which seems to be very topical just nowadays when taking into account the contemporary general drift of literary scholars to the revitalization of ancient, medieval, modern and postmodern poetic patterns.

Russian intellectual and academic diaspora and its impact upon the Czech Russian studies, Roman Jakobson, Sergii Vilinskii, plurality of methods.

Роль русской диаспоры в XX веке связана прежде всего с политической миграцией после Октябрьской революции. Отношение чешской политической и культурной среды к русским эмигрантам обозначалось определённым своеобразием – с одной стороны чехословацкие русские легионеры, по своим политическим воззрениям консерваторы, либералы, но зачастую и некоммунистические левые и коммунисты (Я. Гашек, вдохновлённые русской большевистской революцией, напротив русская эмиграция, в межвоенной Чехословакии поддерживаемые масариковской Русской акцией, с влиянием концепции евроазиатства и, рядом с этим, центральноевропейская специфика, исходящая из геополитического пространства бывшей Австро-Венгрии.

Характерная расслоённость и разломленность среднеевропеизма (Pospíšil, 2006) часто приносила самые разные виды аксиологизации спозиции своих автономных и подчинённых частей, т.е. преимущественно

национальных литератур, которые утилитарно редуцировали этот центризм – в особенности в экзистенциальные, судьбоносные моменты развития – до вопроса исторического выбора культурной ориентации. В чешском пространстве сложность центральноевропейского центризма, вследствие историко-географических детерминант, была упрощена до проблематики чешско-немецких соотношений. Именно вышеупомянутый Рене Веллек/Уэллек уже в середине 20-х гг. полагал, что для развития этих отношений определяющей является не дихотомия «больших» и «малых» литературы и народа, а культурный уровень воспринимающей среды, наша позиция, живая отечественная традиция, способная позитивно трансформировать самые разные импульсы эпохи.

На явлении среднеевропеизма можно продемонстрировать многоуровневость культурных феноменов, их противоречивый характер. Среднеевропеизм противостоит западноевропеизму, или «немецкости», но, кроме того, и югу и востоку; в то же время он неминуемо содержит в себе все эти элементы. Он, таким образом, складывается из того, что сам как центр отрицает, против чего создаёт свои центры. Структурно он определяется перемещением особого значения на отдельные компоненты целого: здесь он противопоставляет славянский элемент усиливающемуся пангерманизму, здесь он добивается своего среднеевропеизма, немецкости, пражской немецкости и еврейства, противопоставленных растущему давлению славянского востока, показывая, что он хотя и тоже славянский, но не только; но притом всё же славянский, т. е. западнославянский. Это перемещение, непрестанное внутреннее переустройство феномена среднеевропеизма – его дезинтегрирующее, слабое место. Однако такая шаткость, оказывающая разлагающее воздействие, одновременно является и его стабильностью: то, что непрочно и нечётко установлено, то, что не имеет определённой территориальной, этнической, идеологической формы, что подвижно и смутно, столь же сложно полностью и бесследно уничтожить. Дело в том, что отдельные компоненты центральноевропейского центризма не становятся альтернативными параллелями по отношению друг к другу: они дивергентно воздействуют друг на друга, но один не способен подавить другой. Несмотря на распад Австро-Венгрии, подунайской монархии, о которой так вдохновенно пишет К. Магрис, несмотря на возникновение преемственных государств, среди которых была и Чехословакия, феномен среднеевропеизма не перестал функционировать как стрелка на весах. Невозможно было полностью подавить феномен Австро-Венгрии, ставший – пусть

и неудавшейся, насильственной и деформированной – попыткой конституирования неустойчиво стабильного, равновесного состояния центрально-европейского центризма. Классическим примером является здесь культурный и литературный феномен центральноевропейского бидермейера, который как литературное направление, или течение, вообще был связан с проблематикой переходных эпох и который, кроме своего югонемецкого тыла, модифицировался в альтернативную стилевую тенденцию.

Отношение Центральной Европы к России и русским относится к ключевым. В особенности важно отношение к среднеевропейским, т. е. западным, славянам: поэтому здесь мы сосредоточимся именно на перипетиях чешско-русских отношений (Pospíšil, 2002 – 2009). В качестве иллюстрации диаспоры, русского внедрения в центр Европы и его сложных перипетий можно привести личность и его брненскую судьбу потому, что именно он как бы воплотил это проникновение первоначально чуждого элемента в среднеевропейскую литейную форму, казавшуюся слишком по-австро-венгерски закоснелой, негибкой, доведя её до состояния понимания, прочувствования и созвучия, так что слова Якобсона, произнесённые им в 1968 и 1969 гг. о том, что он чувствует себя чехом, вытекают из логики вещей и событий: от виллы Терезы, Пражского лингвистического кружка, самоубийства Маяковского, боя с брненской доцентурой и профессурой, бегства в Данию, Норвегию, Швецию и США – до мирового признания и славы. Впрочем, внедрение русских формалистов и их структуралистский период не касаются одного только Якобсона: для Словакии, например, намного важнее фигура Петра Богатырёва, для Брно значим традиционалистский медиевист Сергей Вилинский (см. далее), так же как для Вены и Брно – Николай Дурново (Pospíšil, 2000, 2002). Короче говоря, мы стоим перед проблемой русского межвоенного «нашествия» (в хорошем смысле этого слова) на Центральную Европу, ядром которой была межвоенная Чехословакия с тремя университетами в Праге, Брно и Братиславе, где между ними кипело персональное и идейное сотрудничество (Франк Воллман и его перемещения между Братиславой, Брно и Прагой, так же – Ян Мукаржовский, Альберт Пражак и т.п.). Это мирное и плодотворное нашествие, хотя и оно не протекало – как мы увидим – без насилия, является свидетельством не только того, что Россия имеет отношение к Европе, но ещё и того, что Центральная Европа – это пространство, которое хотя и имеет своё территориальное и геополитическое ядро, но с точки зрения культуры является силовым полем, втягивающим в себя Запад и Восток; итак, вопрос не стоит таким образом, что Центральная Европа – это некий славный и бесславный

пешеходный мост: вопрос и в том, что она была эпицентром истории и почему сегодня им не является или почему опять не могла бы им стать. Впрочем, это предполагает больше независимости, самобытности, выносливости и способности к гибкой стойкости, т. к. это культурное пространство дразнит как Восток, так и Запад (этой проблемой я занимаюсь в рамках другой своей работы).

Три брненских *vota separata* были избраны мною потому, что они представляют не только не идиллический, но наоборот конфликтный и неприятный эпизод из жизни Романа Якобсона, а поскольку о них было известно, то о них и писалось. Здесь я отталкиваюсь от компетентного исследования проф. Дануше Кшицовой и её дипломантов, а также Милоша Зеленки в 90-х гг., который неоднократно описывал и анализировал данный эпизод. Мой взгляд, в сущности исходящий из тех же материалов, является в какой-то степени иным, не будучи в отношении предшествующих точек зрения полемическим: речь идёт лишь о смещении акцентов и даже скорее об иной «установке» исследования – в большей степени реферативно, чем рефлексивно, скорее с позиций Якобсона, его жизненного пути и методологии его и Пражского лингвистического кружка, и в меньшей степени – с точки зрения принимающей среды.

Жизненный путь Романа Якобсона на территории межвоенной Чехословакии не был лёгким, хотя сегодня он сознательно идеализируется. Он проходил буквально между жерновами событий, таких, как неудача в попытке добиться пражской профессуры; переговоры по поводу поста профессора по договору в Брно; звание доцента и его подводные камни; исключительная профессура; попытка стать представителем штатной профессуры; снятие с должности заведующего Семинаром славянской филологии и *de facto* бессрочная пенсия по причине существовавшего тогда расового законодательства Третьего Рейха; после окончания Второй мировой войны – расторжение трудовых отношений с юридически законным, но по сути политическим подтекстом; наконец, после долгих лет – почётная докторантура в брненском Университете Яна Евангелиста Пуркине. Курьёз заключается в том, что кое-где одни и те же люди действовали прямо противоположно: например, Франтишек Травничек присвоил Якобсону звание доцента и контрассигнировал положительный отзыв о защите, а потом в качестве ректора подписался под отставкой Якобсона – хотя тогда в самом деле не было иного выхода. С удивительными перипетиями в 40 – 90-х гг. столкнулись и другие действующие лица, которые так или иначе стали частью брненской судьбы Якобсона. И необходимо осознать, что здесь

начиная с 30-х годов существовал сильный политический фон, который у нас всегда и порой полностью определяет жизнь людей. Я бы сказал, что чешская судьба Яковсона, с годами изъятая из бури гнева, видится, скажем так, идиллически, и кажется, что так её понимал и сам Яковсон, т. е. с американской высоты и расстояния.

Прежде всего перед нами – если взглянуть хронологически – предложение об учреждении профессуры по русской филологии и о назначении доктора философии Романа Яковсона профессором русской филологии по договору: машинопись, которая нам предоставлена Архивом Университета им. Масарика, переполнена опечатками и прочими ошибками. В целом в ней обосновывается, почему такая профессура на договорной основе необходима; причины вызывают улыбку, т. к. их стратегия напоминает сегодняшнюю: они не только научные, но, главное, непосредственно практические. Специальность русской филологии, а вовсе не русский язык, обоснована своими широкими рамками, т. е. изучением языка – а также и культуры, этнографии и т. п. Следующий аргумент заключается в том, что нас не должны обогнать другие неславянские народы; и, наконец, в данной «кадровой» ситуации неизбежно, чтобы кандидатом договорной профессуры был иностранец, русский. Далее следует curriculum vitae Яковсона и оценка его научной работы. На проекте поставили свои подписи профессуры Гавранек, Травничек и Соучек.

Ядро проекта как две капли воды похоже на отзыв на доцентскую диссертацию и прочую существующую научную деятельность доктора Романа Яковсона, который на этот раз поддержали профессуры Гавранек, Травничек и Воллман. Отзыв о поданной диссертации, однако, насчитывает на неполных полторы страницы больше, чем шестистраничный отзыв. Первая часть включает в себя краткое резюме с описанием чешского анабазиса Яковсона, в том числе вынесения его кандидатуры на пост профессора по договору; далее выделена его первая работа, т. е. рецензия на карты русских диалектов, труд о поэтике и метрике, из которых вытекает – как это показано Зелинским, Виноградовым и Томашевским – что эти работы Яковсона являются основными трудами русской формальной школы; затем, среди них названы работы по чешской литературе, а конкретно – *Základy českého verše* (1926), где допускается негативный критический отклик, и исследование *Vliv revoluce na ruský jazyk* (1921) с критикой А. Мазона. Собственно диссертация *Remarques sur l'évolution phonologique du russe*, которая вышла в серии *Travaux du CLP*, считается успешной, хотя отзыв на неё показывает, как сами авторы «боролись» с формулировками:

первоначальную критическую часть они предпочли вычеркнуть, причём давили на то, что Якобсон, собственно говоря, использует результаты Трубецкого. Из всей структуры отзыва становится очевидно, что тут скорее, нежели фонологический труд Якобсона, принимается во внимание целый комплекс разнообразных текстов, часто выходящих за пределы лингвистики в направлении к стиховедению и поэтике.

Из профессорского хора затем прозвучали три негативных высказывания, так называемые *vota separata*. Первое из них представил профессор английской филологии Франтишек Худоба (1878 – 1941), сконцентрировавшийся на разборе взглядов Якобсона из статьи *O dnešním brusičství českém*, который потом вышел в книге *Spisovná čeština a jazyková kultura* (1932). *Votum separatum* Худобы часто отбрасывается как проявление старомодности, консерватизма, национализма и ксенофобии, но всё-таки обратим внимание – *sine ira et studio* – на его смысловое ядро. Худоба, в первую очередь, озадачен тем фактом, что Якобсон как «иностранец, только-только научившийся говорить по-чешски» (*“cizinec, který se teprve nedávno naučil poněkud česky”*), высказывается по поводу современного чешского языка и «обескураживает своей неуместной резкостью, а иногда и скрытой насмешкой» (*„zaráží svou nemístnou příkrostí a někdy i zastřeným posměchem“*). Автор, которому принадлежит вотум, указывает прежде всего на волюнтаризм Якобсона: Йозефа Зубатого, некогда главного редактора журнала *Naše řeč*, тот называет «гениальным художником на ниве чешской филологии» (*“geniálním umělcem na poli české filologie”*), но «его очищающее творчество он подрывает и приводит к несерьёзности» (*„jeho očistné dílo podřívá a uvádí v nevážnost“*). Следующие страницы своего вотума Худоба посвящает тому, чтобы продемонстрировать стремление Зубатого к чистоте чешского языка. Одновременно он опровергает высказывания Якобсона о том, что так называемое «онемечивание» чешского языка является одной лишь демонстрацией, националистической политикой, для которой более подходящим определением был бы расизм. Худоба отвергает такое обозначение, а с ним и то, что с призраком германизации покончено. *„Dr. Jakobson, který je naprostý cizinec, česky se sotva naučil a českého jazykového citu mít nemůže a nemá, jak ukazují některé jeho práce, jichž neupravoval český odborník jako jeho stať O dnešním brusičství českém (prof. B. Havránek), zapomíná, že my Čechové nejsme jenom Němci mluvící česky a že nám nemůže být jedno, je-li naše řeč bídnou hatmatilkou česko-německou, jak nedávno prof. Trávníček nazval chatrnou češtinu některých našich přírodovědců. Zapomíná také, že není jeho právem ani úkolem vměšovat*

se takovýmto způsobem do našich snah po očistě a vytříbení naší řeči mateřské. Takového vměšování by nesnesl žádný vzdělaný národ, který jako národ za něco stojí, ani kdyby smělý cizinec znal jeho řeč mnohem důkladněji, nežli jak Dr. Jakobson zná česky, a své názory mu vnucoval příjemnějším způsobem, nežli činí on“. Вслед за тем Худоба указывает на неточности и взаимоотрицающие утверждения в критике Jakobsona в отношении редактора журнала *Naše řeč*, Йиржи Галлера. Если обобщить суть *votum separatum* Худобы, то мы придём к выводу, что автор с моральной и профессиональной точки зрения лишает Jakobsona права компетентно высказываться по поводу чешской языковой политики, что он сомневается в бесспорности его научного метода (в сущности, он упрекает его в волюнтаризме, манипулировании цитатами, в аргументационной непоследовательности) и ловко приплетает сюда профессоров, бывших членами научного совета, и ставит их *via facti* в позицию против Jakobsona (Травничек, Гавранек как чешский корректор работ Jakobsona).

К *votumu* Худобы присоединяется *votum* профессора германистики Антонина Беера (1881 – 1950) от того же дня. Он в свою очередь отмечает модность лингвистической терминологии Jakobsona, то, что некоторые труды тот знает лишь «из вторых рук», а притом критикует их, не зная их истоков (например, у младограмматиков). На обоих авторов *votuma* произвело плохое впечатление и то, что Jakobson пишет в Праге по-немецки, хотя сам считает себя русским, что вышеупомянутую аспирантуру он закончил в немецком пражском университете, защитив написанную по-немецки работу о десятерце, а также и то, что он работает в редакции немецкого издания *Slavische Rundschau*.

Третий *votum separatum* подписал классический филолог Франтишек Новотный (1881 – 1964), обратившийся к научному совету с просьбой установить гражданство доктора Романа Jakobsona. Уже во вступлении читаем: „Dr. Jakobson je státním příslušníkem SSSR. Mimořádné poměry, které nastaly v Rusku po revoluci, zasáhly několika různými způsoby do života ruské inteligence a zejména ruských učenců. Z těch, kteří zůstali v Rusku, žije část ve větší nebo menší svobodě podle toho, jakou měrou se přizpůsobili k programu vládnoucí strany; mnozí byli zastřeleni, jiní jsou vězněni. Z těch, kteří žijí mimo Rusko, byli někteří z Ruska vypovězeni, většinou však odešli do emigrace dobrovolně, aby unikli nové moci. Dr. Jakobson nenáleží k žádné z těchto uvedených kategorií. Žije už léta mimo hranice svého státu, ale není ani exulant ani emigrant“. После этого фактографического введения с амбивалентным подтекстом следует процедурально самое важное, т. к., хотя порядок защиты диссертации этого прямо не содержит,

„mezi naším státem a SSSR není vzájemnosti v takových věcech, jako je studium a učitelská činnost. Nelze si představit případ, že by člen našeho čl. moskevského zastupitelstva byl na svou žádost připuštěn za docenta na některou universitu sovětského Ruska, a to jedině po prozkoumání své vědecké způsobilosti“. Этими вескими аргументами Новотный завершает третий, а для нас последний, votum separatum с тем же негативным заключением.

Текст профессора Ф. Новотного приводит нас к биографическим сведениям о Р. Якобсоне, например, в той форме, в какой они указываются в уже цитированном выше заключении о защите. Из этого следует, что 10-го июля 1920 г. Р. Якобсон приехал в Прагу „jako spolupracovník sovětské misse Červeného kříže“ (как сотрудник советской миссии Красного креста; очевидно, здесь имеет место плохой перевод с русского языка: вместо „spolupracovník“ здесь должно было бы быть „pracovník“, рус. «сотрудник»); в октябре 1921 г. он уезжает оттуда, в 1920/1921 учебном году, с позволения соответствующих профессоров прослушивает лекции в Карловом университете (Гуйер, Травничек); в конце 1921 г. он стал референтом советской миссии, где пробыл до 1. 11. 1928, когда был освобождён от службы. 9-го апреля в пражском немецком университете он был провозглашён доктором философии на основании диссертации *Zur vergleichenden Forschung über die slavischen Zehnsilber*.

Брненское резюме Якобсона продолжается деловым письмом из Министерства образования и народного просвещения от 23. 5. 1939, которое отправляет Якобсона в бессрочный отпуск в конце марта месяца 1939 г.; одновременно с этим его отстраняют от должности руководителя Семинара славянской филологии. В конце июня 1939 краевому ведомству в Брно было велено приостановить выплату служебного заработка и ассигновать от 1-е июля 1939 г. законную компенсацию в размере последнего жалования, «с условием Вашего постоянного пребывания на территории Протектората Чехии и Моравии». Якобсон в то время на этой территории уже не находился. Судьбы Р. Якобсона в Чехословакии после Второй мировой войны лишь подчёркивают их гротескность и абсурдность (Pospíšil, 2000, 2002).

Однако ещё существеннее то, что «дело Якобсона» в брненских 30-х гг. обнажает всю сложность и противоречивость литейной формы Центральной Европы, ядром которой была межвоенная Чехословакия: оно демонстрирует формирование филологических методологий и их оборотных сторон. Формалистские, отечественные чешские формистские и немецкие корни структурализма на нашей почве сталкивались с иными традициями, в том числе с позитивистскими и духоведческими,

временами и с религиозными и даже непосредственно католическими. По сути, они вносили в другую культурную и научную среду ещё и австро-венгерское движение, научную общность (русское «кружковство»), но во многом также нетерпимость, излишнюю и поверхностную полемичность, журнализм и поспешность выводов, которые не всегда были подкреплены фактическим материалом, а иногда и манипулирование аргументами и политизацию. Кроме того, они нечутко вступили в ту среду, где ещё слышались последние отзвуки чешско-немецкой политической, культурной и языковой борьбы: в какой-то степени в случае Якобсона здесь отражается позиция представителя великого народа, языку которого ничто не угрожает; а что касается недостаточного сочувствия, то его больше проявлял Рене Веллек (1903-1995): хотя он и был критиком близорукого чешского национализма, у него как у мультилингвального жителя Вены, по сути, выходца из чешской семьи высокопоставленного императорского чиновника, этот вопрос порождал больше чувств; тем не менее, и он прослушал курс германистики не только в чешском пражском университете, но и в немецком, и не единожды был обвинён – и по праву – в слабом владении чешским языком (впрочем, его плохо знал в молодости и будущий президент Масарик, о чём свидетельствует, между прочим, и его любовная переписка) и непатриотичности (Pospíšil – Zelenka, 1996).

Центральная Европа в начале прошлого столетия, ещё в 20-е и 30-е гг., была в определённом смысле перекрёстком идейных течений, включая и сферу литературоведения. При этом здесь сталкивались, соперничали между собой и влияли друг на друга как традиционный позитивизм, так и направления, исходящие из филологического метода, немецкая наука о духе (*Geisteswissenschaft*) и психологические течения и технологические подходы: формизм, формализм, а позднее – структурализм (Pospíšil – Zelenka, 1996). Выясняется, что противоречия между технологическими и психологическими методами (Pospíšil, 2003), в том числе интуитивизмом, а также между русской формальной школой, феноменологией и структурализмом не были столь острыми, как некогда утверждалось; что в творчестве отдельных авторов эти подходы переплетались и формировали комплементарное целое. Это доказывает, например, и внутреннее развитие русской формальной школы и Пражского лингвистического кружка. Относительно автономный ярус в литературоведческом исследовании в межвоенной Чехословакии составляли классические филологические подходы, когда-то связанные с религиозной основой. В ареале Центральной Европы пересекались

формистские и формалистские методы, структурализм, феноменология и психологизм.

В эту относительно сложную ситуацию, когда в межвоенной Чехословакии значительную роль играли и направления с религиозной ориентацией (католицизм), вступает в первой половине 20-х гг. . В его личности складывается система восточно-западного и северо-южного движения мысли, т. е. то, что множество явлений, которые ныне воспринимаются как связанность русско-французско-американская, зародилось в центральноевропейском культурном пространстве. Сергей Вилинский, экстраординарный, а позже ординарный профессор и проректор Новороссийского университета в Одессе, русский медиевист, в течение недолгого времени (в 1913 г.) был преподавателем Михаила Бахтина, который сначала поступил в одесский Новороссийский университет и лишь потом перевёлся в Санкт-Петербург. Михаил Бахтин со своей концепцией художественного произведения как эстетического объекта и, конечно, с разработкой понятий «карнавализация», «хронотоп», «диалог» и «полифонический роман» был близок феноменологии (можно также отметить его связь с неоидеализмом – Сёрен Кьеркегор, Фридрих Ницше). Война и революция в России привели к тому, что деятельность Сергея Вилинского в качестве медиевиста была прервана: через Болгарию он отправляется в Брно по приглашению чешских богемистов, где становится так называемым профессором по договору. Материалы, касающиеся деятельности Сергея Вилинского в университете им. Масарика в Брно, находятся в архивах этого университета (Pospíšil, 1996, 2000, 2012).

Из автобиографии С. Вилинского, написанной им по-чешски и датированной 24-м марта 1935 г. (в связи с подачей заявления о сдаче строгих докторских экзаменов, ибо его титул доктора русской словесности, присвоенный ему в Одессе в 1914 г., по законам того времени не мог быть использован у нас), мы узнаём, что он родился в Кишинёве (Бессарабии, Молдавии, тогда части Российской империи, на момент написания автобиографии – части Румынского королевства) 3-го сентября 1876 г. Он учился в 1-й классической гимназии в Кишинёве, которую закончил в 1895 г. (с золотой медалью, т. е. с отличием). С августа 1895 по 19-е января 1896 г. он был студентом санкт-петербургского историко-филологического факультета, откуда затем ушёл по собственному желанию. Осенью 1896 г. он поступил на славяно-русское отделение историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе (во время обучения – в 1897

и 1899 году – он получил особую премию за две свои работы). После сдачи выпускных экзаменов в 1900 г. по рекомендации проф. В. Истрина и проф. П. Лаврова он был избран профессорским стипендиатом, т. е. кандидатом университетской профессуры по русскому языку и литературе. К получению учёной степени доктора наук Вилинский готовился в 1902 – 1903 гг. в московских и петербургских архивах и на семинарах проф. М. Соколова в Москве и И. Шляпкина в Санкт-Петербурге. После присвоения доцентского звания в 1904 г., 8-го мая того же года, он вошёл в преподавательский состав Одесского университета в качестве приват-доцента. С этого момента, по его словам, он по несколько раз в год, вплоть до 1917 г., работал в архивах в России и за рубежом (Санкт-Петербург, Москва, Киев, Казань, Сергиев Посад, Афон, София) и занимался изучением древнерусских рукописей. В марте 1907 г. Вилинский защитил свою диссертацию *Послание старца Артемия (XVI века)* и получил титул магистра русской словесности (литературы). В 1909 г. он был избран экстраординарным профессором русской литературы одновременно в двух университетах: в Одессе и в Казани – и его выбор был сделан, наконец, в пользу Одессы. В сентябре 1912 г. он стал проректором Одесского университета; эту должность он занимал вплоть до марта 1917 г. В феврале 1914 г. Вилинский защитил докторскую диссертацию *Житие св. Василия Новаго* по русской литературе и стал доктором русской словесности (литературы), а в марте 1914 г. был именован профессором русской литературы в Одесском университете. Эту функцию Вилинский выполнял до 7-го февраля 1920 г., когда он эмигрировал. Параллельно он работал в нескольких средних и высших средних школах (так называемые Одесские высшие женские курсы, Сергиевская артиллерийская школа, мужская и женская гимназии). С 1910 по 1920 гг. он был председателем Историко-филологического общества при Одесском университете, а также членом ряда других научных сообществ и собраний единомышленников (Русское географическое общество, Одесское общество истории и древностей, Одесский кружок по изучению искусства и др.).

После отъезда из Одессы (по словам Вилинского, когда он покидал Россию в 1920 г., в порту у него украли все личные вещи, в том числе и книги, так что и свои собственные публикации ему пришлось впоследствии покупать), в апреле 1920 г., он получил место учителя русского языка в гимназии в Плевне, а в 1921 г. был переведён в качестве учителя латинского языка в 1-ю женскую гимназию в Софии (одновременно с этим он работал и в софийской русской гимназии). После 1922, когда в Болгарии, как пишет Вилинский, началось преследование

русских эмигрантов, его перевели в гимназию в Пловдиве, однако от этой должности он отказался и стал безработным. В ноябре 1922 г. он получил место счетовода в Болгарском банке. Тем временем – летом 1921 г. – проф. Вацлав Вондрак пригласил его читать лекции по русской литературе в недавно основанном (1919) университете им. Масарика. Уже в ноябре 1921 г. в этом университете Вилинского избрали профессором по договору, а в апреле 1923 г. он был им назначен. Кроме профессорских обязанностей в университете им. Масарика в Брно, он преподавал русскую литературу в русском педагогическом университете в Праге вплоть до 1927 г., когда этот университет был расформирован.

Научной сферой деятельности Сергия Вилинского в России была древнерусская литература. Его работы, в особенности *Сказания о создании храма св. Софии цареградской* (Санкт-Петербург, 1903), являются примером филологического метода: сопоставление рукописных редакций, их публикация, определение авторства и происхождения. Например, в упомянутой книге речь идёт о продолжении исследования, которое Вилинский начал в 1900 г. и опубликовал в работе *Византийско-славянские сказания о создании храма св. Софии цареградской* (Одесса, 1900), а также о реакции на две статьи Ф. Преджера, опубликованные в *Byz. Zeitschrift* (X, 1901) и в Лейпциге (1901). Эмиграция в Болгарию, где Вилинскому пришлось трудиться не только на университетском поприще, заставила его прервать свою работу медиевиста. За границей – в Болгарии и в Чехословакии – он вынужден был писать скорее о современных литературах и включиться в жизнь эмигрантской общины. Тем не менее, даже в межвоенной Чехословакии интерес Вилинского к медиевистике не угасает полностью. В некотором смысле ему навстречу пошёл журнал *Apoštolát sv. Cyrila a Metoděje*, выпускающийся в Оломоуце, который напечатал несколько его научно-популярных статей. В Брно Вилинский возвращался к медиевистике ещё в нескольких маргиналиях. Кроме того, в своих исследованиях, посвящённых новейшей литературе, он пытался найти древнерусские архетипы. Например, в написанной по-чешски работе *Národní prvky v tvorbě I. S. Turgeněva* он показывает, что в своём творчестве Тургенев отражал магию. В рассказе *Живые мощи* (*Živé ostatky*) Лукерье сняты сны, которые Вилинский интерпретирует сквозь призму фольклора и древнерусской литературы (легенды Пролога), а также ссылается на свою статью *Opera superrogatoria* и на одесскую публикацию о Василии Новом. В чешском исследовании из сборника брненского романиста П. М. Гашковца *K otázce francouzsko-bulharských literárních styků* Вилинский присоединился к компаративистским усилиям

чешского литературоведения того времени, а в особенности брненских компаративистов с ведущей личностью Франка Воллмана, автора книги *Slovesnost Slovanů* и важного труда, который вышел в 1936 г. – *Kmethodologii srovnávací slovesnosti slovanské*. В статье о француско-болгарских связях Сергей Вилинский полемизирует с некоторыми взглядами из книги Николая Дончева *Influences étrangères dans la littérature bulgare* (София, 1934). Автора он упрекает в том, что он слишком сосредоточен на сравнении отдельных писателей и подчиняется механистической «влияниелогии». Прежде всего Вилинский рассматривает влияние Альфреда де Виньи на Петко Тодорова, последним из которых он систематически занимался. Не отрицая очевидного воздействия французского автора, чьи произведения Тодоров читал, учась в средней школе во Франции, Вилинский отказывается от механистического переноса влияния и демонстрирует, как Петко Тодоров по-новому разрабатывал французскую основу и использовал её в иных ситуациях (Вилинский, 1900, 1901, 1906, 1913, 1928, 1929, 1932, 1933).

Пребывание в другой стране, которая в рамках изучения русской литературы делала акцент скорее на её новейшей стадии развития, заставило Сергея Вилинского изменить не только тему своей научной работы, но и её методологию. Отсюда две его книги: о болгарском и о русском писателях классического реалистического периода (см. далее). Надо всем этим возвышается эстетика и религиозная надстройка, заданная в какой-то степени уже самим характером предмета изучения.

В этом Вилинский близок автору первой чешской истории русской литературы – А. Г. Стину (настоящее имя – Алоис Августин Врзал, 1864 – 1930), переводчику Н. С. Лескова и других русских авторов на чешский язык (Mandát, 1971; Pospíšil, 1992, 1993, 2000, 1996; Vrzal, 1891 – 1897, 1899, 1912, 1926).

Кроме интересных с точки зрения материала, написанных по-русски воспоминаний о трёх годах, проведённых в Болгарии, Сергей Вилинский издал в Брно две книги на чешском. Первая из них тематически возвращается к его болгарскому источнику вдохновения, вторая повествует о классике русской литературы.

Книга о Петко Тодорове (1879 – 1916) была написана, в том числе, благодаря возможности побывать в 1930 и в 1931 гг. на стажировке в Болгарии, содействие чему оказали министерство образования и просвещения и Славянский институт в Праге. Речь идёт о дескриптивном литературно-историческом труде, в котором Вилинский снова обращается к филологическому методу, в особенности в главе *Zvláštnosti tvorby P. Todorova* (язык, словарь, так называемая

художественная сторона языка, средства выразительности, символика, национальный характер и др.). Исследованию о П. Тодорове, которое Вилинский завещал профессору университета им. Масарика в Брно Вацлаву Вондраку (1859 – 1925) и в котором с благодарностью вспоминает и тогдашнего декана Станислава Соучека (1870 – 1935), предшествует книга о Салтыкове-Щедрине (1826 – 1889), которая ещё более показательна с точки зрения избранного метода. Книга, к сожалению, является неудачным чешским переводом с русского языка (Pospíšil, 2012).

Вилинский здесь применяет как научную биографию (*Rysy osobnosti M. J. Saltykova*), так и литературную социологию (*M. Saltykov a ruská skutečnost jeho doby*), что приводит к мотивистическому изучению общечеловеческих элементов и к поэтике Салтыкова, включая место, занимаемое этим автором в русской литературе (внутренняя компаративистика). Из этого, однако, не следует делать вывод, что метод Вилинского эклектичен: скорее, перед нами предстаёт естественным образом согласованный комплекс приёмов, с которыми Вилинский сталкивался в России своего времени и которыми обычно пользовался; позитивистские пассажи об общественной обстановке и остальных тэновских факторах (*race, moment, milieu*) здесь уравновешены морфологическим исследованием, известным нам по раннему Александру Веселовскому и по его немецким предшественникам (*Stoffgeschichte*).

Хотя в межвоенной Чехословакии С. Вилинский и вынужден был перейти к новой теме и новому методу (Pospíšil, 2012), его медиевистическая подготовка всё-таки проявляется и здесь: от филологического метода он постепенно переходит к поэтологии, изучает поэтику языка Салтыкова-Щедрина, его отношение к фольклору и древнерусской литературе. В этом он понемногу становится предшественником литературоведческой мифологии, теории архетипов и мифопоэтики, интертекстуальности (понимаемой, правда, скорее в позитивистском ключе) и поэтологической связи, пусть и только в зачаточном, ограниченном позитивизмом контексте.

В отличие от социологических критиков, или русских радикальных позитивистов – от так называемых революционных демократов до народников и психологов литературы, следующих традициям А. А. Потебни, – Вилинский идёт скорее по линии А. Веселовского: т. е. по линии интеграции компаративистики, исторической поэтики и социального фона, называемого подобным образом ориентированными английскими исследователями «*social background*». То, что Вилинский выбрал автора

столь непростого, сложного для понимания и трудно вводимого именно в чешскую и центральноевропейскую среду, свидетельствует о его намерении познакомить эту среду с тем, чего ей недоставало, что было для неё экзотическим и что не находило здесь ни одной явной опоры в национальной традиции. Так Вилинский примкнул к тем литературоведам, которые в чешской среде разрабатывали скорее теорию фазовых переходов, нежели сближение русского и европейского.

Впрочем, брненская литературоведческая русистика исходила из этого и позднее: а именно в том, что Вилинский указывал на русскую специфичность, а не только на то, что связывало русскую традицию с чешской и что в России было европейским, – и этим она несколько отличалась от своей пражской сестры – русистики, ориентированной на политические и общественные аспекты русской литературы и на то, что объединяло русскую литературу с европейскими, что вдохновляло её или чем вдохновляла она: на модернизм и авангард. Это порождало у брненских русистов интерес к подходам и явлениям, которые когда-то не относились к мейнстриму: к литературным направлениям и жанрам, специфическому пониманию русского модернизма, авангарда, романа у Лескова и т. д. Именно в Брно появились две единственные чешские книги, посвящённые Салтыкову-Щедрину: первая вышла из-под пера Сергия Вилинского, вторая принадлежит преждевременно трагически скончавшейся Власте Влашиновой (1925 – 1977) – *Satira okřídlená fantazií* (Vlašínová, 1975).

Роль русской послереволюционной диаспоры в чешской среде была специфической, несмотря на противоположные методологические предпосылки и стремления обоих упомянутых учёных. Это было, прежде всего, тяготение к коллективному пониманию научного труда, методологическая инновация, открытая система приёмов, идейная гибкость и динамичность и, после некоторого колебания, способность преемственности в связи с русскими корнями литературоведения, но и с чешским состоянием литературной и филологической науки. В этом смысле большую меру отзывчивости проявлял скорее С. Вилинский, чем Р. Якобсон, который был в этом отношении методологически слишком односторонним и зачастую, в особенности на первом этапе своего пребывания в межвоенной Чехословакии, доктринёрским. Однако обоснование новой специальности – русской филологии, которая сосуществовала с традиционной широкой славистикой, засвидетельствовало не только возрастающий интерес к русскому языку, но и к СССР с его возрастающим международным значением, а также новую геополитическую ситуацию к концу тридцатых годов

XX века в Центральной Европе и в Европе вообще. Одновременно это демонстрировало и новые, более современные попытки возобновления бывшего филологического единства на современной методологической основе. В этом смысле Р. Якобсон был их почти идеальным представителем.

Автор опирался, между прочим, на результаты своих работ, приведённых в ниже помещённом списке.

ЛИТЕРАТУРА

- MANDÁT, J.: *Потерянные письма русских писателей*. In: Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity, 17 – 18, 1971, s. 247 – 248. Bez ISBN.
- POSPÍŠIL, I.: *Střední Evropa a Slované. Problémy a osobnosti*. Brno: Ústav slavistiky, Masarykova univerzita, 2006. 246 s. ISBN 80-210-4174-9.
- POSPÍŠIL, I.: *Kulturní dialog a areálová studia (několik poznámek o spojitosti pojmů)*. Dialog kultur III. Sborník příspěvků z vědecké konference s mezinárodní účastí pořádané ve spolupráci se Společností Franka Wollmana při FF MU v Brně a Českou asociací rusistů. Hradec Králové 26. 10. 2004. Ústí nad Orlicí: Oftis 2005, s. 17 – 24. ISBN 80-86845-15-X.
- POSPÍŠIL, I. – MOSER, M. – NEWERKLA, S. M.: *Litteraria Humanitas XIII. Austrian, Czech and Slovak Slavonic Studies in Their Central European Context*. Brno: Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity, 2005. 226 s. ISBN 80-210-3897-7.
- POSPÍŠIL, I. – MOSER, M.: *Comparative Cultural Studies in Central Europe*. Brno: Ústav slavistiky Filozofické fakulty Masarykovy univerzity. 2004. 203 s. 80-210-3374-6.
- POSPÍŠIL, I. (ed.): *Areál – sociální vědy – filologie*. Brno: Kabinet integrované žánrové typologie, Ústav slavistiky, Filozofická fakulta Masarykovy univerzity, 2002. 94 s. ISBN 80-210-2835-1.
- POSPÍŠIL, I. (ed.): *Litteraria Humanitas XI, Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Перекрестки культуры: Средняя Европа*. Brno: Masarykova univerzita, 2002. 319 s. ISBN 80-210-2812-2.
- POSPÍŠIL, I. – ZELENKA, M. (eds): *Česko-slovenské vztahy v slovanských a středoevropských souvislostech*. Brno: Ústav slavistiky FF MU, 2003. 212 s. ISBN 80-210-3111-5.
- POSPÍŠIL, I. – ZELENKA, M. (eds): *Česko-slovenské vztahy, Evropa a svět*. Brněnské texty k slovakistice VI. Brno: Slavistická společnost Franka Wollmana a Ústav slavistiky FF MU, 2004. 218 s. ISBN 80-210-3111-5.
- POSPÍŠIL, I.: *Areál a jeho vztahy*. In: Novaja rusistika, 2009, 2, s. 70 – 78. ISSN 1803-4950.
- POSPÍŠIL, I.: *Slavistika na křižovatce*. Brno: Regiony, 2003. 395 s. ISBN 80-86735-01-X.
- POSPÍŠIL, I.: *Ареальные исследования: между Центральной Европой и Россией*. In: Kultura rosyjska w ojczyźnie i diasporze. Księga jubileuszowa dedykowana profesorowi Lucjanowi Suchankowi. Pod redakcją Lidii Liburskiej. Kraków:

- Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007, с. 49 – 57. ISBN 978-83-233-2328-0.
- POSPÍŠIL, I.: Изменение темы и метода – Сергей Вилинский в Университете им. Масарика. Русский язык как инославянский, выпуск IV, Современное изучение русского языка и русской культуры в инославянском окружении. Славистическое общество Сербии, Beograd 2012, s. 7-19. ISSN 1821-3146.
- POSPÍŠIL, I.: *Literary History, Poststructuralism, Dilettantism, and Area Studies*. In: *Writing Literary History. Selected Perspectives from Central Europe*. Frankfurt am Main – Berlin – Bern – Bruxelles – New York – Oxford – Wien: Peter Lang Verlag, 2006, p. 141 – 152. ISBN 3-631-53433-7.
- POSPÍŠIL, I.: *Literaturwissenschaftliche Technologie, Psychologie und Rezeptionsästhetik: die tschechische und slowakische Situation*. In: *Wissenschaft und Systemveränderung. Rezeptionsforschung in Ost und West – eine konvergente Entwicklung?* Herausgegeben von Wolfgang Adam, Holger Dainat, Gunter Schandera. Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2003. S. 245 – 258. ISBN 3-8253-1491-X.
- POSPÍŠIL, I.: *Pátřání po nové identitě. Rusistické a vztahové reflexe*. Brno: SvN Regiony, Středoevropské centrum slovanských studií, 2008. 273 s. ISBN 80-86735-15-X.
- POSPÍŠIL, I.: *Problema slavizmov i njegov kontekst*. In: *Primerjalna književnost*, 2005, 2, с. 17 – 32. ISSN 0351-1189.
- POSPÍŠIL, I.: *Razance a citlivost: K fenoménu Střední Evropy v meziválečném období (tři vybraná vota separata k brněnské habilitaci Romana Jakobsona)*. In: *Slovensko-české vztahy a svislости. Zborník referátov a koreferátov z medzinárodnej vedeckej konferencie*. Bratislava: FF UK, 2000, s. 49 – 60. Нем. вариант *Rasanz und Feingefühl: Zum Phänomen Mitteleuropa in der Zwischenkriegszeit*. In: *Litteraria Humanitas XI. Crossroads of Cultures: Central Europe, Kreuzwege der Kulturen: Mitteleuropa, Křižovatky kultury: Střední Evropa, Перекрестки культуры: Средняя Европа*. Brno: Masarykova univerzita, Filozofická fakulta, Ústav slavistiky, 2002, с. 265 – 278. ISBN 80-210-2812-2.
- POSPÍŠIL, I. – ZELENKA, M.: *René Wellek a meziválečné Československo. Ke kořenům strukturální estetiky*. Brno: Masarykova univerzita. 1996. 211 s. ISBN 80-210-1433-4.
- POSPÍŠIL, I.: *Alois Augustin Vrzal: A Catholic Vision of Slavonic Literatures*. In: *Slovak Review* 1992, 2, p. 166 – 171. ISSN 1335-0544.
- POSPÍŠIL, I.: *Alois Augustin Vrzal: Koncepce a dokumenty*. In: *Sborník prací filozofické fakulty brněnské univerzity*, 40, 1993, s. 53 – 62. ISBN 80-210-1545-4.
- POSPÍŠIL, I.: *Dva moravští slavisté: Alois Augustin Vrzal a Sergij Grigorovič Vilinskij*. In: *Slavia Occidentalis*, 57, Poznań, 2000, s. 219 – 233. ISSN 0081-0002.
- POSPÍŠIL, I.: *O strukturalismu, Československu a Americe. Rozhovor s T. G. Winnerem*. TVAR. 1996, 4, s. 9.
- POSPÍŠIL, I.: *Sergij Vilinskij an der Masaryk-Universität in Brünn: Fakten und Zusammenhänge*. Wiener Slavistisches Jahrbuch, Bd. 42, 1996, s. 223 – 230. ISBN 978-3-7001-7147-8.
- POSPÍŠIL, I.: *Srdce literatury. Alois Augustin Vrzal, 1864 – 1930*. Brno: Albert. 1993. 45 s. ISBN 80-85834-02-2.

- SUS, O.: *Geneze sémantiky hudby a básnictví v moderní české estetice*. K vydání připravili Ladislav Soldán a Dušan Jeřábek, pův. studie Rudolf Pečman. Brno: Masarykova univerzita, 1992. 84 s. ISBN 80-210-0485-1.
- VILINSKIJ, S.: *Národní prvky v tvorbě I. S. Turgeněva*. Sborník družiny literární a umělecké k padesátým narozeninám p. Emanuela Masáka, v Olomouci MCMXXXIII, s. 119 – 127. Bez ISBN.
- VILINSKIJ, S.: *O literární činnosti M. J. Saltykova-Ščedrina*. Brno: Masarykova universita, 1928. 246 s. Bez ISBN.
- VILINSKIJ, S.: *Petko Jur. Todorov. Život a dílo*. Brno: Masarykova universita, 1933. 151 s. Bez ISBN.
- VILINSKIJ, S.: *Послание старца Артемия XVI века*. Одесса. 1906. 1390 s. Bez ISBN.
- VILINSKIJ, S.: *Сказание черноризца Храбра о письменех славянских*. Одесса. 1901. 56 s. Bez ISBN.
- VILINSKIJ, S.: *В Болгарии в 1920 – 1923 гг. (Из эмигрантских переживаний)*. Jubilejní sborník Svazu ruských studentů v Brně, 1932. Bez ISBN.
- VILINSKIJ, S.: *Византийско-славянские сказания о создании храма св. Софии царградской*. Одесса, 1900. 111 s. Bez ISBN.
- VILINSKIJ, S.: *Житие св. Василия Нового в русской литературе*. Одесса, 1913. 354 s. Bez ISBN.
- VILINSKIJ, S.: *Dílo P. Augustina Vrzala*. Archa, roč. XVII, Olomouc 1929, sv. 3, s. 229 – 238. Bez ISBN.
- VLAŠÍNOVÁ, V.: *Satira okřídlená fantazií*. Praha: Lidové nakladatelství. 1975. 166 s. Bez ISBN.
- VRZAL, A.: *Alexandr Sergejevič Puškin. Jeho život a literární činnost*. „Hlídky“ 1899. Bez ISBN.
- VRZAL, A.: *Historie literatury ruské XIX. století dle A. M. Skabičevského a jiných literárních historikův i kritikův upravil A. G. Stín*. Velké Meziříčí: Šašek a Frgal. 1891 – 1897. 952 s. Bez ISBN.
- VRZAL, A.: *Nábožensko-mravní otázky v krásném písemnictví ruském*. „Hlídky“ 1912. 222 s. Bez ISBN.
- VRZAL, A.: *Přehledné dějiny nové literatury ruské*. V Brně 1926. 284 s. Bez ISBN.

ФІГУРИ СЛІВ У ЖИТОМИРСЬКОМУ СПИСКУ ЛІТОПISY ГРИГОРІЯ ГРАБ'ЯНКИ

Ольга Геращенко

VERBAL FIGURES IN THE ZHYTOMYR REDACTION OF HRYHORY HRABYANKA'S CHRONICLE

Abstract: Figures of speech are very interesting and creative part of style of Ukrainian baroque writers. There are many verbal figures in the Zhytomyr redaction of Hryhory Hrabynka's chronicle, all of their groups are presented, but his favourite ones clearly stand out, as our research shows. Among the most used by Hrabynka there are such figures as paronomasia, synanthroism, and anastrophe. Rather common figures are: polyptoton, polysyndeton, synonymia, hyperbaton, homoioteleuton. Rare figures are: anadiplosis, anaphora, epiphora with dialyton, antistasis, auxesis, ellipsis, homeoptoton, and anthropodosis. We may see also combined figures of speech, represented in symbiosis, but the author consistently avoids heaping them excessively.

Keywords: Ukrainian baroque, Cossack chronicles, rhetoric, rhetorical elocutio, figures of speech, figures of adding, figures of subtracting, figures of disposition.

Українська барокова література давно вже стала об'єктом вивчення вітчизняної філологічної науки. У поле зору дослідників потрапили різні жанри – як поетичні, так і прозові й драматичні. На сьогодні є зрозуміло, що вимоги барокової естетики не тільки впливали на ідеологічні, філософські, релігійні, образотворчі настанови, а й, насамперед, визначали суто художні особливості пам'яток бароко.

Хоча бароко як стиль охоплювало всі жанри українського красном письменства, лише нещодавно вчені почали вивчати українську історіографічну прозу в естетичному аспекті. Під сучасну пору відомі такі спроби з боку літературознавців. Уперше такий підхід проголосив (але без конкретного аналізу) Д. Чижевський (подаємо за Луценко, 1990, с. Іvii). Деякі сучасні дослідники останніх десятиріч ХХ ст., передусім В. Кречотень, також розглядали козацькі літописи як барокові твори (Кречотень, 2004). Однак загалом так звані «козацькі літописи» вивчали не в бароковому контексті й у відриві від тогочасної риторичної традиції. Щасливим винятком стали праці Ю. Луценка, у яких докладно розглянуто барокову поетику літопису Григорія Граб'янки – див., наприклад, (Луценко, 1990; Луценко, 1989). Серед зарубіжних науковців

першою українські історичні писання у зв'язку з риторикою (власне, теоретичними поглядами Ф. Прокоповича) вивчала Пауліна Левін – подаємо за (Луценко, 1990, с. Іviii). У 2004 році з'явилася двотомне дослідження «Українське бароко», у першому томі якого окремий розділ (автор – В. Крекотень) присвячено прозовим творам, а серед них велика увага надається пам'яткам козацької історіографії (Крекотень, 2004).

На жаль, досі немає жодного ґрунтовного мовознавчого дослідження, присвяченого «козацьким літописам». Учені давали лише коротку характеристику мови цих пам'яток, котрі, як не прикро, залишилися на периферії лінгвістичних студій (Житецький, 1987; Луценко, 1988; Мойсієнко, 2001; Плющ, 1985; Франко, 1983; Шевельов, 2002). Окрім того, на сьогодні склалися передумови вивчення їх у мовно-стилістичному аспекті – у зв'язку з тогочасною риторикою: такий зв'язок уже визнано у вітчизняному літературознавстві, як і необхідність та плідність проведення філологічних досліджень літературних пам'яток бароко у риторичному контексті. Це й зрозуміло, адже риторика була обов'язковою дисципліною у школах середнього й високого рівня, у котрих здобували освіту українці в XVI–XVIII ст., саме вона вчила, як писати твори. Риторика фактично була тогочасною стилістикою (Прокопович, 1979; Яковенко, 1997, с. 231).

У нашій статті ми проаналізуємо реалізацію настанов риторичної *elocutio* на рівні фігур слова у житомирському списку відомого «козацького літопису» Григорія Граб'янки «Дѣйствія презѣльной... брани Богдана Хмельницького».

Усталені моделі спеціальних риторичних засобів організації тексту на формальному рівні дістали назву фігур слова. Вони можуть виступати матеріальними засобами реалізації фігур думки або самостійними стилістичними прийомами. З античних часів серед вербальних фігур традиційно виділяють: фігури додавання, фігури віднімання та фігури розміщення (Кашета, 2007, с. 66). Усі вони вживаються в «Дѣйствіях презѣльной... брани...».

1. Фігури додавання

Фігури цього типу є засобами вербальної ампліфікації, а також можуть бути засобами реалізації змістової ампліфікації. Групу фігур додавання складають фігури повтору та фігури підкріплення.

До фігур повтору, застосованих Граб'янкою, належать різні види контактних і дистантних повторів. Поодинокі використовує Граб'янка

таку фігуру контактного повтору, як **анадиплозу** (гр. anadiplosis, лат. reduplicatio) – дублювання кінцевого елемента одного відтинка мовлення на початку наступного відтинка (за схемою **a ... b, b ... c**): *яко в уничиженіє прииде Росіискіи скипетръ и **о(т) ца(р)ствия** во княженіе, **а о(т) княженія** во **воеводство** премѣнися* (Гісторія, 2001, с. 47). У цій фразі анадиплоза входить до складу фігури підкріплення – **ауксезису** (див. про неї нижче).

Спеціальною групою дистантних повторів є повтори періодичного характеру: анафора, епіфора. Їх у житомирському списку Граб'янчиного літопису вдалося нам знайти небагато. Як відомо, **анафора** (гр. anaphorē) – «єдинопочаток», повтор слова чи звороту на початку кожного з суміжних відтинків мовлення (за схемою **a ... , a ...**): *не **требѣ** ну(ж)дою собирати, яко по нихъ чужоземскихъ странахъ творахъ, **не требѣ** великого наиму обѣщавати* (Гісторія, 2001, с. 51). **Епіфора** в «Дѣйствіяхъ презлїной... брани...» виступає в симбіозі з **діалітоном** (гр. dialyton, лат. disiunctio) – періодичним повтором спільного члена речення (найчастіше – присудка): *есте козакии воины хра(б)ри; мечъ **имате**, силу **имате*** (Гісторія, 2001, с. 69) – у складі прозопопеї, *между Руссю воєводи, каштеляни, и инніе о(т) **благочестивихъ** туболци **да будутъ**, воискозапорожское, якъ много е(ст) по всеи Украинѣ при своихъ волностаняхъ **да будетъ*** (Гісторія, 2001, с. 93).

Серед повторів Граб'янка особливо полюбляє **парономазію** (гр. paronomasia, лат. adnominatio) – уживання слів подібного звучання й подібного значення (тобто однокореневих лексем) чи подібного звучання й зовсім різного значення (тобто омонімів, паронімів). У літописі вона може бути:

а) контактною: *зміи **вселука вселукавій*** (Гісторія, 2001, с. 55), *и **смутися смущеніємъ** неутѣшимъ, православная церковъ* (Гісторія, 2001, с. 56), *Хмельницькій **посла посла** помощи прося* (Гісторія, 2001, с. 71), *у(с)луги воисковіе явніе **свѣту освѣтчали*** (Гісторія, 2001, с. 82), ***врачъ уврачивывіи** болѣзнь* (Гісторія, 2001, с. 104) – реалізує риторичне порівняння та ширше – прозопопею – див. вище, ***по(с)ланника посла...** помощи просяще* (Гісторія, 2001, с. 114);

б) дистантною: ***тяжчае** турецко(го) **отягощени** игомъ* (Гісторія, 2001, с. 81), *не **устрашайтеся** гордо(ст)ной лядскои сили, не убоитеся свирипства, ни ихъ **страшилищъ*** (Гісторія, 2001, с. 73) – в останній фразі присутня ще й синонімія, *до(б)ро е(ст) **конецъ** брани смо(т)рители, аще **праведно** востаніе ея, а чія не(р)віе **правда** е(ст), яко **праведень** судія, тому буди **помогаи*** (Гісторія, 2001, с. 104).

Цікавим є приклад симбіозу парономазії з синонімією: *ляховъ **осмѣ** тисячъ, кромѣ **слугъ** и **служаковъ*** (Гісторія, 2001, с. 77). Особливо

ж вишукано виглядають кілька дистантних парономазій, ужитих в одному реченні: *о(т)далишася о(т) **благочестивія** вѣри, и **разврасишася** в лукъ **развращеннии**, яко о(т) **благочестія** о(т)падаше, присташа к римскому костелу* (Гисторія, 2001, с. 61), *то таковими **муками** ихъ казняху, яко ни же погане таковихъ смишляху **мучении**, и тако в ка(з)нехъ сихъ ... сихъ излишніе пребирающе мѣру невѣрнихъ превосходяду **мучителствомъ*** (Гисторія, 2001, с. 68).

Як бачимо, улюбленими парономазіями Граб'янки є ті, у яких послаблюється тотожність між повторюваними елементами. У літописі також трапляється фігура повтору з послабленням морфологічної тотожності – поліптота, чи **поліптотон** (гр. polyptōton, лат. traductio) – дублювання слова в різних його граматичних формах. Поліптотон теж може бути контактним і дистантним. Так, дистантна поліптота наявна в останньому прикладі з парономазією, наведемо ще її зразки: *на козаковъ ради давних и новых винъ востанутъ, и ненавистію воставше со оружіемъ приидуть* (Гисторія, 2001, с. 94 – 95). Приклади контактної поліптоти: *начаша убивати **бра(т) брата** и изганяти себе о(т) о(б)ласти о(т)цемъ удѣленнои **роду по роду*** (Гисторія, 2001, с. 47), *усмо(т)ри приити **хотящая, хочещи** ити Полщу погубити, а Украину сохранили цѣлу* (Гисторія, 2001, с. 94).

Вишуканою фігурою повтору є **антистазис** (гр. antistasis, лат. commutatio) – повторення того самого слова, але в протилежному значенні: *что до короля, сего яко **пана** поситаемъ, но шляхти, и **панов** ненавидемъ, весма* (Гисторія, 2001, с. 5).

Зазначмо, що лексичними риторичними засобами ампліфікації можуть бути не лише повнозначні, а й службові слова – сполучники. Багаторазове повторення того самого сполучника утворює **полісиндетон** (гр. polysyndeton, лат. multisorula). Як фігура дистантного повтору він має назву сполучникова анафора і є досить типовим для житомирського списку літопису: *також де **и** всѣ по(л)ководци, воінство козацкое світло блестящеса с нимъ во опустѣліи градъ Кіевъ вхождаху, **и** видѣвши красоту церквей Божіыхъ **и** манстреи опустошенну, **и** на землю опрверженну, плакахуся* (Гисторія, 2001, с. 92). Полісиндетон як фігуру підкріплення (повтор близькозначних сполучникових засобів) ми не знайшли в аналізованій пам'ятці.

Отже, переходимо до наступної групи фігур додавання – фігур підкріплення, котрі є одним із основних способів риторичної ампліфікації. Скажімо, автор «Дѣйствій презѣльной... брани...» використовує

синонімію (гр. *synonimia*, лат. *congregatio*), котру М. Гаспаров відносить до фігур повтору із послабленням лексичної тотожності (Гаспаров, 1991, с. 44). На думку Ю. Кашети, синонімію можна розглядати і як фігуру підкріплення, оскільки, «відтіняючи певну змістову ознаку предмета, явища, дії тощо синоніми здатні служити засобом підкріплення певного аспекту думки» (Кашета, 2004, с. 165).

Ця фігура нерідко трапляється у Граб'янчиному творі, причому синоніми вживаються парами: *обычаи* **зрубіи бѣ**, **свирѣніи** (Гисторія, 2001, с. 40), *ляховѣ* **побѣдиша** и *Полскую землю* **повоеваша** (Гисторія, 2001, с. 46) (симбіоз із гомеотелевтоном – див. про нього нижче), *монарха* и *самодержецѣ* (Гисторія, 2001, с. 47), *смѣхъ* и *поношеніе* (Гисторія, 2001, с. 48), *в пуси(х) мѣстахъ* и *в диких поляхъ* (там само). Однак значно частіше використовується **синантроїзм** (гр. *synanttroismos*, лат. *congeries*) – нагромадження однорідних елементів (слів, зворотів, реченневих конструкцій). Це один із найулюбленіших риторичних засобів Граб'янки, що дуже часто є засобом реалізації такої фігури думки, як гіпотипозис (докладний, детальний опис). Уживаються як пари слів, так і ряди однорідних членів (останніх більше): *гадомъ* и *звѣромъ* (Гисторія, 2001, с. 47) – у симбіозі з гомеоптоном – див. про нього нижче, *гради* и *веси* (Гисторія, 2001, с. 48), **гладу же, жаждѣ, мразу, зною** и **всякимъ воздушнимъ находеніям** *велми поносни* (Гисторія, 2001, с. 49), *оружне имуть самопали, шаблѣ, обухи, луки, стрѣли, и списи* (Гисторія, 2001, с. 50), *тяжцы* и *крѣпци* (Гисторія, 2001, с. 55) – із гомеоптоном тощо.

Семантично ускладненим різновидом синантроїзму є **ауксесис** (гр. *auksēsis*, лат. *incrementum*) – рідкісна фігура в літописі. У ній елементи, що підкріплюють думку, розташовуються за принципом градації: *яко в уничиженіе прииде Росіискіи скипетръ* и **о(т) ца(р)ствія во княженіе, а о(т) княженія во воеєводство** *премѣнися* (Гисторія, 2001, с. 47) (виступає в поєднанні з анадиплозою – див. вище). У поданому прикладі маємо регресивну градацію. Наведімо приклад градації прогресивної: *по сту, по двѣстѣ* **козаковъ тамо** (Гисторія, 2001, с. 51).

2. Фігури віднімання

На відміну від описаного вище класу фігур додавання, фігури віднімання не є поширеним явищем «Дѣйствій презѣльной... брани...». Це й зрозуміло, бо принцип пропуску, що лежить в основі фігур цієї групи, суперечить тенденції до риторичної ампліфікації – характерної ознаки стилю літопису. Нам вдалося знайти лише зразки **еліпсису** (гр. *elleipsis*,

лат. *privatio*) , тобто пропуск одного чи кількох членів речення, які можна легко встановити з контексту: *и о(т) Гомера прежде нарицахуся же гомери, а о(т) грековъ квери; о(т) Римлянъ же цимѣри* (Гісторія, 2001, с. 40), *Сіє же все возвести поселъ татарскіи солтану, тои же хану* (Гісторія, 2001, с. 120). Як правило, у житомирському списку літопису еліпсис не є самостійною фігурою, він поєднується з іншими фігурами слів і, на нашу думку, служить саме їх увиразненню. Так, у першому прикладі підкреслюється паронімія (*Гомера..... гомери... квери... цимѣри*) та синтаксичний паралелізм (антаподозис – див. про нього у фігурах розміщення). У другому прикладі увиразнюється ауксесис із прогресивною градацією.

3. Фігури розміщення

Словесні фігури цієї групи увиразнюють змістові елементи через надання їм незвичайної синтаксичної позиції. Таким чином на них переноситься логічний наголос висловлювання.

Одна з найуживаніших вербальних фігур літопису – **анастрофа** (гр. *anastrophē*, лат. *inversio*). Суть її полягає у зворотному – незвичайному для даної мови – порядку слів у реченні, словосполученні з метою увиразнення цих слів. Може бути як контактною, так і дистантною.

У літописі Граб'янки анастрофа переважно контактна, змінюється порядок означуваного й означення: *рода козарска* (Гісторія, 2001, с. 40), *в суботу пятаю* (Гісторія, 2001, с. 41), *старійшину свого єдинаго* (там само), *в силѣ тяжцѣи* (Гісторія, 2001, с. 44), *бранех козацкихъ* (Гісторія, 2001, с. 46), *понуцїемъ Божїимъ* (там само), *имѣнія свого* (Гісторія, 2001, с. 47), *нужди смертнои* (Гісторія, 2001, с. 51), *муже(ст)во великое* (Гісторія, 2001, с. 52), *о(т) кочевискъ своихъ* (Гісторія, 2001, с. 53), *смуцїемъ неутѣшимъ* (Гісторія, 2001, с. 56), *зо(т)цем своимъ* (Гісторія, 2001, с. 58), *козаковъ хра(б)рихъ* (Гісторія, 2001, с. 59), *по обѣщании своимъ* (Гісторія, 2001, с. 63) тощо. Як правило, означення в цьому разі узгоджене, а контактна анастрофа такого типу трапляється фактично на кожній сторінці твору. Інколи означення може бути неузгодженим: *серце его* (Гісторія, 2001, с. 60), або іноді обставина ступеня чи міри ставиться після головного слова: *премѣнившие мало* (Гісторія, 2001, с. 45), *душею боляше зѣло* (Гісторія, 2001, с. 56), *смирить крѣпко* (Гісторія, 2001, с. 90), *изнеможе крѣпко* (Гісторія, 2001, с. 99).

Тут слід зауважити, що анастрофа, типова для літопису Граб'янки, була характерною для ділових текстів XVII-XVIII ст., де, зокрема, географічні

назви, найменування державних та військових посад, загалом офіційні назви мали інверсійний порядок слів. Можливо, за звичаєм вони уживалися в такій формі й у літописі: *єзеромъ Мезотіускимъ* (Гісторія, 2001, с. 40), *ца(р) греческіи* (Гісторія, 2001, с. 41), *князя Голшанского* (Гісторія, 2001, с. 47), *княженіє Кіевское* (там само), *цара московського* (Гісторія, 2001, с. 48), *великій князь Литовскій* (там само), *короля полского..... господаря волоского* (Гісторія, 2001, с. 51), *посланники госуда(р)скіе* (Гісторія, 2001, с. 117), *гетманъ коронніи* (Гісторія, 2001, с. 139), хоча часто трапляється й неінверсійний порядок слів: *в Бра(с) лавскомъ воеводствѣ* (там само), *великого канцлѣра* (Гісторія, 2001, с. 101), *Молдавскую землю* (Гісторія, 2001, с. 120), *Московское госуда(р) ство* (Гісторія, 2001, с. 116, 119, 120).

Другою за частотою вживаності словесною фігурою розміщення є **гіпербатон** (гр. hyperbaton, лат. transiectio) – роз'єднання взаємопов'язаних елементів синтаксичної структури та розташування їх на відстані один від одного: *по полуношнихъ разѣвѣющесея странахъ* (Гісторія, 2001, с. 40), *своє имать проименованіе* (там само), *зѣло бяху храбри* (Гісторія, 2001, с. 41), *в воинскихъ искусного дѣлехъ* (Гісторія, 2001, с. 50), *мракъ окри великъ* (Гісторія, 2001, с. 80), *не во(з)вратишася з Полци з о(т)вѣто(мъ) послове* (Гісторія, 2001, с. 82), *не зѣло о(т) Зборова далече* бѣше (Гісторія, 2001, с. 101) тощо. Іноді вживається такий різновид гіпербатону, як **діакопа** (гр. diakorē, лат. separatio), коли розбиваються стійкі вирази: *нынѣ Мертвимъ нарицається моремъ* (Гісторія, 2001, с. 40), *навикати христіанскія о(т) херсонянь вѣри* (Гісторія, 2001, с. 41), *Литва Російскимъ зао(б)ладаша престоломъ* (Гісторія, 2001, с. 47).

Окрім того, гіпербатон може бути супровідним засобом реалізації дистантної анастрофи: *бывшися с ними крѣпко* (Гісторія, 2001, с. 44), *воинства же козацкого* (Гісторія, 2001, с. 50), *вѣсть бо еше нѣкая между нихъ в ниде* (Гісторія, 2001, с. 95), *боях уся Хмелнѣцкого зѣло* (Гісторія, 2001, с. 97), *сопроша лядскіе полки зѣло* (Гісторія, 2001, с. 126).

Уживає Г. Граб'янка й фігури розміщення, що створюють ефект подібності, паралелізму. Застосування їх (як і фігур повтору) ритмічно організовує фразу, вводить своєрідний мелодійний малюнок. Залежно від того, які мовні засоби лежать в основі досягнення цього риторико-стилістичного ефекту, розрізняють види паралелізму за звучанням, за будовою, за довжиною. У літописі вживаються перші два види:

1. **За звучанням:** засобом його реалізації в літописі є **гомеотелевтон** (гр. homeoteleuton, лат. similiter desinens), тобто використання в кінці суміжних синтаксичних відтинків однакових фонетичних закінчень

дієслів – пор. *море переплавати дерзаяють*, в одно в дре(въ)нхъ суднах и многажди души свои погу(б)ляют (Гисторія, 2001, с. 51), силу ихъ великую поганскую поразиша, наконецъ же о(т) множества ту(р)ковъ ого(р)нени всѣ мечемъ умроша (Гисторія, 2001, с. 52), Трапезонъ взяша и иссѣкоша, Синопъ до основанья превратиша (Гисторія, 2001, с. 53), благочестивихъ разгра(б)ляху, самих сме(р)ти предаху, о(т) чести, и власти изганяху, суда не даяху (Гисторія, 2001, с. 67), И такъ ся роспустили, же воювати и забыли (Гисторія, 2001, с. 80), ненадежно на че(р)нь удариша, з шанцовъ козаковъ изгнаша и всѣмъ воискомъ смутиша (Гисторія, 2001, с. 87), пѣхоту нападоша, и всѣхъ мечемъ посѣкоша, та же о(б)ращишеса за полскою ездою и тѣхъ иссѣкоша (Гисторія, 2001, с. 102).

Існує й інший різновид звукового паралелізму – **гомео́птотон** (гр. homioptōton, лат. similiter cadens), що полягає у використанні в кінці суміжних відтинків мовлення однакових звукових форм – найчастіше відмінкових. Його приклади хоча й наявні в «Дѣйствіях презѣльной... брани...», але зустрічаються значно рідше, ніж гомотелевтон. Однак вони відзначаються яскравою стилістичною виразністю: *защищаючи град **тои**, аки жребій **свои*** (Гисторія, 2001, с. 41), *оружію тако искусни, яко наилучшій полській гусаринъ, и нѣмецкій **раитаринъ*** (Гисторія, 2001, с. 50), *их же **едина** пороуди мати **Украина*** (Гисторія, 2001, с. 73), *Шбачь кожній **руссине**, Украины ма(т)ки твоей **сине*** (Гисторія, 2001, с. 79), *ляхове, не надеющеса болше в мѣские **остроги**, що живо кинулись за Вислу в **ноги*** (Гисторія, 2001, с. 84). Гомотелевтон та гомео́птотон наближають прозове мовлення до поетичного, створюючи звукову звукову подібність на зразок рими.

2. **За будовою:** фігури цієї групи побудовані за принципом ідентичного розташування елементів у суміжних відтинках мовлення. Нам вдалося знайти в літописі лише прямий паралелізм – **антаподозис** (гр. antapodōsis), що полягає в однаковій синтаксичній будові суміжних відтинків мовлення (за схемою **а в с... а в с ...**). Прямий паралелізм поєднується з іншими словесними фігурами: *и о(т) Гомера прежде нарицахуся же **гомери**, а о(т) грековъ **квмери**; о(т) Римлянъ же **цимѣри*** (Гисторія, 2001, с. 40) (антаподозис + паронимазія + еліпсис), *сколько бо **коннихъ**, и столько **пѣшихъ**, и сколько в **малой Россіи** **людей**, столько и **козаковъ*** (Гисторія, 2001, с. 50) (антаподозис + паронимазія + полісиндетон).

Наше дослідження показало, що в житомирському списку «Дѣйстви́й презѣльной... брани...» фігур слів досить багато, усі їх групи наявні в літописі, однак виразно виокремлюються улюблені Граб'янкою фігури (парономазія, синантроїзм, анастрофа), досить поширені фігури (поліптота, полісиндетон, синонімія, гіпербатон, гомеотелевтон) і фігури рідкісні (анадиплоза, анафора, епіфора з діалітоном, антистазис, ауксесис, еліпсис, гомеоптон, антоподозис).

Ми бачимо також, що риторичні фігури можуть поєднуватися між собою і виступати в симбіозі, однак надуживання й надмірного їх нагромадження автор літопису послідовно уникає.

ЛІТЕРАТУРА

- ГАСПАРОВ, М. Л.: *Античная риторика как система*. In: Античная риторика: Риторическая теория и литературная практика. Москва: Наука, 1991, с. 27 – 59. ISBN 5-02-011448-0.
- Гисторія о началѣ проименованія козаковѣ*. In: Гисторія Г. Граб'янки. Лѣтопись краткій... Упор. В. М. Мойсієнко. Житомир, 2001, с. 39 – 174. ISBN 966-7057-97-6.
- ЖИТЕЦЬКИЙ, П. Г.: «Енеїда» Котляревського у зв'язку з оглядом української літератури XVIII ст. In: Житецький П. Г. Вибрані праці: Філологія. Київ: Наукова думка, 1987, с. 140 – 253. Без ISBN.
- КАШЕТА, Ю. В.: *Засоби передачі слов'яноноруського синтаксису у «простій» мові варіанта Мелетія Смотрицького (риторичний аспект)*. Дис. ... канд. філол. наук. Харків, 2007. 221 с.
- КРЕКОТЕНЬ, В.: *Українська барокова проза*. In: Українське бароко: У 2-х т. Т. 1. Харків: Акта, 2004, с. 332 – 443. ISBN 966-7021-39-4.
- ЛУЦЕНКО, Ю.: (Вступ). In: Григорія Граб'янки *Дѣйстви́я презѣльной брани Богдана Хмелницького*. Гарвардська бібліотека давнього українського письменства: Корпус текстів. Т. IX. 1990, с. xlv – lxxxviii. ISBN 0-916458-38-5.
- ЛУЦЕНКО, Ю.: *Літопис Григорія Граб'янки в працях доживтневих дослідників*. In: Радянське літературознавство, 1988, 8, с. 64 – 71. ISSN 0131-0194.
- ЛУЦЕНКО, Ю.: *Літопис Григорія Граб'янки як твір барокової історіографічної прози*. In: Радянське літературознавство, 1989, 9, с. 46 – 52. ISSN 0131-0194.
- Лѣтопись гадячского полковника Григорія Граб'янки*. In: Григорія Граб'янки *Дѣйстви́я презѣльной брани Богдана Хмелницького*. Гарвардська бібліотека давнього українського письменства: Корпус текстів. Т. IX. 1990, с. 293 – 433. ISBN 0-916458-38-5.
- МОЙСІЄНКО, В. М.: *Житомирський рукописний кодекс XVIII ст.* In: Гисторія Г. Граб'янки. Лѣтопись краткій... Упор. В. М. Мойсієнко. Житомир, 2001, с. 5 – 38. ISBN 966-7057-97-6.

- ПЛЮЩ, П. П.: *Історія української літературної мови*. Київ: Радянська школа, 1985. 423 с. Без ISBN.
- ПРОКОПОВИЧ, Ф.: *Філософські твори: У 3-х т. Т. 1: Про риторичне мистецтво. Різні сентенції*. Київ: Наукова думка, 1979. 511 с. Без ISBN.
- ФРАНКО, І. Я.: *Історія української літератури*. Часть перша: Від початків українського письменства до Івана Котляревського. In: Зібрання творів в 50-ти томах. Т. 40: Літературно-критичні праці. Київ: Наукова думка, 1983, с. 7 – 370. Без ISBN.
- ШЕВЕЛЬОВ, Ю.: *Історична фонологія української мови / Пер. з англ.* – Харків: Акта, 2002. 1054 с. ISBN 966-7021-62-9.
- ЯКОВЕНКО, Н. М.: *Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVII ст.: Навчальний посібник*. Київ: Генеза, 1997. 312 с. ISBN 966-504-021-9.

SLOVANSKÉ BOŽSTVO PERÚN Z ETYMOLOGICKÉHO HĽADISKA

Martin Pukanec

THE SLAVIC DEITY PERUN FROM AN ETYMOLOGICAL POINT OF VIEW

Abstract: This paper is an attempt to provide the etymology of the theonym *Perunъ*. The name *Perunъ* 'thunder god' cannot be derived from Proto-Slavic **per-* 'to beat'. If the connection with the deities *Perunaš*, *Parjanya*, *Fiṛgyn*, *Perkúnas*, *Pěrkūns* as well as *Párvata-* is correct, as it seems, the name *Perunъ* is of Proto-Indo-European date and means 'god of thunder/sky/stone/oak'. The Slavic mythic image of a god of thunder and stone who lives in the sky is a reflex of the Proto-Indo-European concept of the sky made of stone and stony cliffs reaching to the sky: cf. Sanskrit *aśman-* 'rock, cliff; thunder god's stone; sky', Avestan *asman-* 'stone; sky', *ákmōnas dúō* in Iliad, etc. **Keywords:** Slavic mythology, Hittite mythology, Indian mythology, Germanic mythology, Baltic mythology, Proto-Indo-European, Proto-Slavic, etymology.

O Perúnovi máme zachovaných viacero relevantných písomných zmienok, čo nám uľahčuje etymológiu jeho mena a hľadanie ďalších súvislostí. S najväčšou pravdepodobnosťou sa práve Perúna týka začiatok správy Prokopia zo 6. storočia o Slovanoch a Antoch:

„Θεὸν μὲν γὰρ ἔνα, τὸν τῆς ἀστραπῆς δημιουργὸν ἀπάντων κύριον μόνον αὐτὸν νομίζουσι εἶναι, καὶ θύουσιν αὐτῷ βόας τε καὶ ἱερεῖα ἅπαντα. Ἐιμαρμένην δὲ οὔτε ἴσασι, οὔτε ἄλλως ὁμολογοῦσιν ἔν γε ἀνθρώποις ῥοπήν τινα ἔχειν, ἀλλ' ἐπειδὴ αὐτοῖς ἐν πόσιν ἤδη ὁ θάνατος εἶη, ἢ νόσῳ ἀλοῦσιν, ἢ ἐς πόλεμον καθασταμένοις, ἐπαγγέλλονται μὲν, ἢν διαφύγωσι, θυσίαν τῷ θεῷ ἀντι τῆς ψυχῆς, αὐτίκα ποιήσιν, διαφύγοντες δὲ θύουσιν ὅπερ ὑπέσχοντο, καὶ οἶονταί τινι σωτηρίᾳ ταύτης διὰ τῆς θυσίας αὐτοῖς ἐωνῆσθαι, σέβουσι μέντοι καὶ ποταμούς τε καὶ νύμφας καὶ ἄλλα ἅττα δαιμόνια, καὶ θύουσι καὶ αὐτοῖς ἅπασιν τάς τε μαντείας ἐν ταῦτοις διὰ ταῖς θυσίαις ποιοῦνται“ (rozpr. Łowmiański, 1986, s. 82 – 83; Brückner, 1980, s. 173), čo preložil P. Kuklica takto: „Majú jedného boha, tvorcu blesku, ktorého považujú za jediného pána všetkých vecí, prinášajú mu obeť býkov a konajú iné posvätné obrady. Osud ani nepoznajú, ani neuznávajú vo všeobecnosti, že by mal vo vzťahu k človeku nejakú moc. No keď im niekedy hrozí smrť alebo choroba, alebo sa vo vojne dostanú do nebezpečenstva, sľubujú, ak z neho vyviaznu, že budú obetovať bohu obeť za svoj život. Keď sa zachránili, obetujú, ako sľúbili,

a myslia, že záchrana bola vykúpená prinesenou obeťou. Uctieujú však rieky i víly [nymfy] a ďalšie iné božstvá, prinášajú im obeť a pomocou týchto veštia“ (*Pramene k dejinám Veľkej Moravy*, 1964, s. 34).

Prokopios dal správe monoteistické zafarbenie, pretože i keď v preklade P. Kuklicu sa slovo *δαίμόνια* prekladá ako *božstvá*, používa sa rovnako vo význame '(ochranní) duchovia, zlí duchovia, čerti' (pozri Prach, 1998, s. 121). Meno najvyššieho boha Prokopios nespomína, ale na základe súčasného stavu poznania slovanskej mytológie môžeme vyhlásiť, že toto by muselo znieť *Perún*, čo je meno, ktoré sa dokonca v niektorých slovanských jazykoch apelativizovalo na *perún* 'hrom'. H. Łowmiański toto apelatívum dokonca v texte v istom zmysle vidí, pretože grécke *ἀστραπή* považuje za grécky kalk slovanského *perún* (pozri Łowmiański, 1986, s. 86 – 87). Nie je celkom zrejmé, ako to myslel, lebo akékoľvek božstvo môže tvoriť blesky i perúny, nie je to žiaden dôkaz, že išlo o Perúna. A ak by sa náhodou myslel slovanský výraz *perún* ako proprium, teda *Perún*, text by nedával žiaden zmysel, keďže τὸν δημιουργὸν je akuzatív 'tvorca' a τῆς ἀστραπῆς by bol genitív 'Perúna'. Takto by sme mali totiž až dvoch bohov, Perúna a tvorca Perúna, a Prokopios vraví len o bohu jednom. Toto všetko však nič nemení na tom, že Prokopios z Caesarey myslel tým jediným bohom s najväčšou pravdepodobnosťou práve Perúna. Postavenie i funkcia spomínaného božstva tomu s veľkou pravdepodobnosťou nasvedčujú.

Meno boha Perúna sa prvýkrát objavuje v jednom rukopise byzantskej legendy zo 7. storočia *Život sv. Demetra Solúnskeho*, kde sa slovanský vodca Chatzon pýta pred útokom na Solún orákula, aký bude výsledok boja, na čo mu bolo oznámené Pyrinom (ἕκ τοῦ Πυρήνος), že mesto dobyje (pozri Niederle, 1924, s. 99). Pre túto prácu je zaujímavým aj ďalší južnoslovanský prameň (i keď A. Brückner nevyklučuje, že je ruský; pozri Brückner, 1980, s. 101), a to starobulharský preklad Alexandreidy, vložený do prekladu Jána Malalu z 10. storočia, kde je Alexander Veľký nazývaný synom Perúnovým:

„Снѣ бжїи Пороуна велика, Царь Александръ“ (Niederle, 1924, s. 99).

Označenie v úryvku prekladu zodpovedá synovi Diovmu v gréckom origináli, čo ukazuje, že Zeus a Perún budú ekvivalentné božstvá a že Perún bude patriť do rodiny indoeurópskych hromovládnych bohov.

O Perúnovi sa možno dočítať i v textoch starých zmlúv medzi Rusmi a byzantskou ríšou z rokov 907, 945 a 971, z ktorých vyplýva, že je bohom mimoriadne významného postavenia a že je bohom aristokratickým a vojnovým.

Táto skutočnosť je najzreteľnejšia v zmluve k roku 907: „(Oleg) и мужи его по рускому закону кляшася оружьемъ своимъ, и Перуномъ, богомъ своимъ, и Волосомъ, скотьемъ богомъ, и утвердиша миръ“ (*Vyprávění*

o dávných dobách, 1989, s. 65), čo by sa dalo preložiť asi takto: „(Oleg) i muži jeho podľa ruského zákona prisahali na svoju zbraň i na Perúna, boha svojho, i Volosa, boha dobytky, a potvrdili mier“. To, že prisahali, treba chápať tak, že sa zaklínali božstvu, čo bol najväčší stupeň záväzku, prvý bol dané slovo, druhý podanie ruky, záruka (porov. heslo *klíti* v slovníku Machka, 1971, s. 257 – 258). Upozorniť treba, že Oleg a jeho vojenská družina mali svojho boha, ale boli aj ľudia, ktorí mali inú vieru. A prisahá sa na oboch bohov, aby bolo jasné, že prisahajú všetci.

Toto je ešte lepšie vidieť v zmluve k roku 945. Aby bolo jasné, že prisahajú všetci Rusi, kresťania i pohania, uvádza sa na jej konci:

„Ащели же кто отъ Князь или отъ людии Рускихъ, ли Хрестеянь, или нехрестеянь, преступить се, еже есть писано на харатьи сеи, будеть достоинъ своимъ оружьемъ умрети, и да будеть клять отъ Бога и отъ Перуна, яко преступи свою клятву“ (Полевой, 1829, s. 353), čo by sa dalo preložiť asi takto: „Ak niekto z kniežat alebo z ľudí ruských, či kresťan, alebo nekresťan, prestúpi to, čo je na tomto liste napísané, zaslúži si, aby zomrel svojou zbraňou a aby bol prekliaty od Boha i od Perúna, ak prestúpi svoju prísahu“ (porov. Niederle, 1924, s. 93).

Kronikár navyše k druhému dňu podotýka:

„Igor povolal poslov a prišiel na vrch, kde stál Perún, i odložili zbrane svoje i štítu i zlato („...и придет на холмъ где стояше Перунъ и покладоша оружье свое и шиты и золото...“) a šiel Igor k prísaha i ľudia jeho, čo bolo Rusov pohanských“ (Niederle, 1924, s. 93).

V tomto svetle treba vidieť aj text zmluvy k roku 971, ktorý je na prvý pohľad trochu nejasný:

„да имѣемъ клятву отъ Бога въ негоже вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья Бога“ (Niederle, 1924, s. 93), čo by sa doslovne preložilo asi takto: „nech sme prekliati od Boha, v ktorého veríme, v Perúna i vo Volosa, boha dobytky.“

Očakávalo by sa, že kľúčovým bude vo vete slovné spojenie *nech sme prekliati* a potom budú predložkové spojenia *od Boha* a *od Perúna* a *od Volosa*. Ťažiskom je však sloveso *veríme* (*вѣруемъ*), a teda sa dozvedáme, že Rusi verili v *Boha*, v *Perúna* a v *Volosa*, v troch významných bohov svojej doby, kresťania v židovsko-kresťanského Boha, vládca s vojenskou družinou, ako vyplýva zo zmluvy k roku 907, v Perúna a ďalší Rusi vo Volosa. Vďaka takejto formulácii prisahali všetci Rusi.

V rámci známej Dumézilovej teórie tripartity (pozri Dumézil, 1952, 1958), t. j. trojčlennosti indoeurópskeho panteónu a indoeurópskej spoločnosti, možno na základe znenia textov týchto zmlúv sformulovať záver, že Perún bol bohom vojnovým s elementom suverenity, ktorému náleží vládnuca

spoločenská vrstva s kniežatom a jeho družinou, a to popri Volosovi ako bohovi hospodárskom s elementom mágie, ktorému podlieha hospodársky produktívna väčšina obyvateľstva, a tretom type božstva s nerozvinutou funkciou, ktorému zodpovedá kňazská kasta (porov. Váňa, 1990, s. 262 – 263; Gieysztor, 1986, s. 27). Kňazská kasta sa však rozvinula len u polabsko-pobaltských Slovanov, takže tretí typ božstva u Rusov ani Praslovanov nemá zmysel hľadať. Tripartita je zrejmä najmä u Indov a Iráncov, a to ako neskorší produkt spoločenského a náboženského vývoja, u Praslovanov či Germánov môžeme hovoriť najmä o bipartite.

Výnimočnosť postavenia boha Perúna medzi ostatnými božstvami a to, že bol bohom kniežata, potvrdzuje aj Vladimírov panteón v Kyjeve k roku 980:

„И нача княжити Володимеръ въ Киевѣ единъ и постави кумиры на холму внѣ двора теремнаго: Перуна древяна а главу его сребрену а усь златъ и Хърса, Дажьбога и Стрибога и Симарьгла и Мокошь. [И] жряху имъ, наричюще я боги [и] привожаху сыны своя и дъщери и жряху бѣсомъ [и] оскверняху землю требами своими и осквернися кровьюми земля Русская и холмотъ“ (Niederle, 1924, s. 94, 117), teda „I začal vládnuť Vladimír v Kyjeve sám a postavil modly na vrchu vnútri dvorca vežatého: Perúna dreveného s hlavou striebornou a zlatým fúzom, ďalej Chърsa, Daжьboga a Striboga a Simарьгла a Mokoшь. I obetovali im, nazývajúc ich bohmi, a privádzali synov svojich i dcéry a obetovali besom. I poškvrnili zem obeťami svojimi a poškvrnila sa krvou zem ruská i vrch ten“.

Podľa ďalšej správy k tomu istému roku Vladimírov ujec Dobryňa postavil pri Novgorode nad Volchovom Perúnovu modlu, ktorej Novgorodci obetovali rovnako ako Bohu. V Lavrentjevskom letopise sa spomína len bezmenná modla, ale v ďalších je zápis: „Перуна кумиръ“ (Niederle, 1924, s. 94).

Okrem týchto správ sa zachovali z Rusi viaceré také, ktoré opisujú ničenie Perúnových modiel, a mnohé ďalšie. Niektoré z nich, ako je Beseda troch svätých či Slovo sv. Grigorija, sú významné tým, že sa v nich explicitne spomína Perúnova funkcia:

„Отчего громъ сотворень бысть? Василий рече: два ангела громная есть: елленский старецъ Перунъ и Хорсъ жидовинъ“ (Niederle, 1924, s. 120), čo by sa dalo preložiť asi takto: „Od čoho bol stvorený hrom? Vasilij riekol: Sú dvaja anjeli hromoví: helénsky starec Perún a židovský Chors“. „Два ангела громная ести и елеоньский старецъ Перунъ есть а Хорсъ есть жидовинъ“ (Niederle, 1924, s. 120).

Pre etymológiu teonyma *Perún* sú dôležité už iba dve zmienky, ktoré ho dávajú do spojitosti s dubom. Vzťah k tomuto stromu je ostatne doložený aj u iných indoeurópskych hromovládco. V liste haličského kniežata Leva Daniloviča z roku 1302 sa hovorí o hranici biskupstva takto:

„А отъ той горы до Перунова дуба горѣ Склонъ“ (Niederle, 1924, s. 97).

A. Brückner však správne upozorňuje na to, že *Perúnov dub* mohol byť iba dub, do ktorého uderil perún vo význame blesku (pozri Brückner, 1980, s. 252).

Ako úplne poslednú uvedieme už len neskorú správu Guagniniho z roku 1581:

„V tom meste (Novgorode) bola niekedy nejaká modla, tak zvaná Perún, na tom mieste, kde teraz jest Perúnsky kláštor, od tej modly nazvaný („In hac civitate erat olim quoddam idolum Perun appellatum, hoc in loco, quo nunc est monasterium Perunski monastyr ab idolo eodem dictum“; pozri Niederle, 1924, s. 95). Tá modla Novgorodčanmi nie inak než ako boh ctená bola a mala formu alebo spôsob človeka, ohnivý kameň podobný hromu v rukách držiaceho; lebo to slovíčko Perún u Rusov a Poliakov znamená hrom. Ku poctivosti a k chvále tej modly zapalovalý bol oheň z dubového dreva, ktorý horel vo dne i v noci. Ak potom oheň ten skrz neusilovnosť služobníkov, ktorí k tej povinnosti boli nariadení, uhasol, tí bez milosti na hrdle strestaní boli“ (Máchal, 1995, s. 179 – 180; do slovenčiny upravil M. P.).

Správa potvrdzuje informáciu z Novgorodského letopisu o Perúnovej modle (v Sofijskom letopise sa k tomu nachádzajú zaujímavé detaily jej odstránenia na konci 10. storočia (pozri Niederle, 1924, s. 95): „И прииде къ Новугороду архіеп. Якимъ и требища разори и Перуна посьче и повелѣ въврещи въ Волховъ. И повязавше уже, влечахуть и по калу, біюще жезліемъ и пихающе и въ то время вшелъ бѣ въ Перуна бѣсъ и нача кричати: о горе, охъ мнѣ! Достался немилостивымъ симъ рукамъ; и принуша его въ Волховъ... И заповѣда никомуже нигдѣже переняти его. Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви и отрину и шестомъ: Ты, рече, Перунице, до сыти еси ѣлъ и пиль а нынича попллови прочь, плы изъ свѣта некощное!“). Ostatné údaje z Guagniniho textu je hypoteticky možné považovať za stále živú starú tradíciu, no netreba zabúdať ani na to, že sú neskoré, a preto nie úplne spoľahlivé (porov. Váňa, 1990, s. 169). Jednoznačne proti nim vystúpil A. Brückner (pozri Brückner, 1980, s. 100). Záznam však treba považovať v zásade za blízky pravde, pretože niektoré fakty z neho potvrdil aj archeologický výskum (pozri Beranová, 1988, s. 220).

Meno *Perunъ* je doložené v listinách najmä u Rusov, menej zrejme u južných Slovanov, ale celkovo dostatočne dobre na to, aby sme videli, že ide o praslovanské a všeslovanské označenie boha, ktoré bolo známe aj u západoslovanských národov. Tak u Slovanov na Slovensku najmä vo frazeológii a tiež v toponymii, napríklad v roku 1347 sa pri dnešnej obci

Chrámec v Gemeri spomínajú vedľa seba vrchy *Paganwar*, *Mogoswarhygh* a *Purunwar*, teda 'Pohanský vrch', 'Mokošin hradný vrch' a 'Perúnov vrch', pričom zapisovateľ pripomenul, že je to *nomen Slavorum gentillum*, teda slovanský názov (pozri Horváthová, 1990, s. 154), u Polabanov sa zas ohlas Perúna vidí v slove *peründan* 'štvrtok', doslova 'Perúnov deň', a v mene *Porenutius*, vlastne *Perunic*, čo bolo božstvo, ktoré malo podľa obvyklého zvyku polabsko-pobaltských Slovanov štyri tváre a piatu na prsiach, ktorej sa ľavá ruka dotýkala čela, pravá brady (pozri Niederle, 1924, s. 98, 149): „...Quo succiso, *Porenutii* templum appetitur. Haec statua quatuor facies representas, quintam pectori insertam habebat, cuius frontem laeva, mentum dextera tangebatur...” (Moszyński, 1992, s. 57).

V etymológii v zásade platí, že výklad pomenovania by sa mal v prvom rade hľadať v domácich zdrojoch, a to sa pri mene **Perunъ* dá veľmi ľahko. Teonymum možno rozložiť na koreň **per-*, ktorý je v praslovanskom slovese **pъrati* 'prať, biť, búchať, udierať', 1. osoba singuláru je **perъ* (rekonštruované je na základe staroslovienského slovesa *pъrati*, 1. os. sg. **perъ*, srbského a chorvátskeho *prāti*, 1. os. sg. *pěrem*, slovinského *prāti*, 1. os. sg. *pérem*, bulharského *perá*, ruského *prat'*, 1. os. sg. *perú*, slovenského *prať*, 1. os. sg. *periem*, českého *prát*, 1. os. sg. *peru*, poľského *prać*, 1. os. sg. *piore*; pozri Derksen, 2008, s. 427 – 428; Rejzek, 2001, s. 496), a k tomu zosilňovaciu koncovku **-unъ*, ktorá je v slovách ako *behúň* 'rýchly bežec' (z praslovanského **bĕgunъ*), *chvastúň* (z praslovanského **chvastunъ*), *kriklúň* (z praslovanského **kriklunъ*), *škrekľúň*, *špehúň*, *šplhúň*, *ťahúň* a pod. Teonymum **Perunъ* by potom znamenalo 'ten, čo mocne bije', a teda ani sémanticky by takejto etymológii nič nebránilo, pretože hromovládca môže mocne udierať. Mnohí bádatelia túto elegantnú a zrozumiteľnú etymológiu uznávajú, ale napriek jej jednoduchosti a presvedčivosti je určite nesprávna.

V indoeurópskych náboženstvách totiž existuje príliš veľa božstiev, ktorých mená s drobnými odchýlkami takmer presne zodpovedajú menu **Perunъ* a ktorých funkcie takmer presne zodpovedajú Perúnovej funkcii, a toto jednoducho nemožno ignorovať. Ak by praslovanské **Perunъ* vzniklo z domácich zdrojov, ako by sa dala vysvetliť existencia chetitského teonyma *Perunaš*, indického *Parjanya*, staronórskeho *Fiǫrgyn*, litovského *Perkúnas* a lotyšského *Pērķūns*? Boli by len dve možnosti, a to buď že všetky tieto teonymá vznikli nezávisle od seba nejakou náhodou proprietizáciou z indoeurópskeho apelatívneho koreňa **per-*, ktorý je v praslovanskom **pъrati* (len iný ablautový stupeň), čo je maximálne nepravdepodobné, alebo sú výpožičkou z praslovančiny, čo je rovnako nepravdepodobný predpoklad a v prípade chetitčiny je priam absurdný. Etymológiu mena **Perunъ* z praslovanského

**per-* + **unъ* treba preto úplne jednoznačne vylúčiť a pokúsiť sa nájsť niečo spoločné medzi uvedenými indoeurópskymi teonymami.

Medzi chetitskou Perunaš a Perúnom možno nájsť určitú spojitosť, táto chetitská nadprirodzená bytosť sa spomína v *Piesni o Ullikumim*. Nebeské kráľovstvo podľa piesne prechádza z jednej generácie bohov na druhú, hlavní bohovia vládnu v poradí Alalu, Anu, Kumarbi a boh búrky Tešub. *Pieseň o Ullikumim* sa odohráva v čase, keď už vládne Tešub a Kumarbi by sa chcel opätovne vrátiť k moci. Kumarbi opúšťa svoju domovinu a prichádza na miesto, kde narazí na obrovskú Skalu, s ktorou súloží. A táto Skala mu dá syna Ullikummiho, ktorého telo je z kameňa a ktorý narastie až po nebesia. Od svojho syna Kumarbi chce, aby bojoval proti Tešubovi a bohom, čo ho sprevádzajú. Sedemdesiat bohov na strane Tešuba je najprv proti Ullikumimu bezmocných, ale napokon sa Tešubovi zrejme podarí zvíťaziť, hoci text o tomto sa nedochoval (pozri Güterbock, 1951, s. 138 – 140).

Matkou Ullikummiho v tomto príbehu je *Skala*, chetitsky *Perunaš*. Perunaš teda nie je hromovládny božstvom ako Perún, ale iba súložnicou bývalého kráľa bohov a kráľa nebies Kumarbiho, čo je teda značný rozdiel. Ale aj Ullikummi sa v texte volá *Kameň* (pozri Güterbock, 1951, s. 146 – 161) a Perúna treba dávať potom do súvislosti asi skôr s ním, nie s Kumarbiho milenkou. Meno *Perunaš* je vlastne totožné s rovnako znejúcim apelatívom. A. Kloekhorst vo svojom slovníku uvádza heslo *peru/perun* (neutrum) vo význame 'skala, bralo, balvan': nominatív – akuzatív singuláru neutra *pé-e-ru* (stredochetitsky), nominatív – akuzatív spol. *pé-e-ru-na-aš*, *pé-ru-na-aš* (novochetitsky) atď. Jediné príbuzné slovo z indoeurópskych jazykov, ktoré uvádza, je sanskritské *párvata-* 'skalnatý; hora' a indoeurópske východisko rekonštruuje ako **pér-ur*/**pér-un-* (pozri Kloekhorst, 2008, s. 668 – 669).

Funkciu vojenského božstva a hromovládcu v staroindickom panteóne plní, ako je všeobecne známe, predovšetkým Indra, ale ďalším božstvom hromu je *Parjanya*, ktorý je aj bohom dažďa, apelatívum *parjanya* v sanskrite znamená 'dažďový oblak'. Vzhľadom na to, že hymny, čo sú venované tomuto božstvu, sú veľmi podobné hymnom spievaným na počesť Indru, by sa asi mala pripustiť možnosť, že *Parjanya* je len iným menom boha Indru. Napríklad v 2. vete hymnu s označením LXXXIII 5. knihy Rgvédy sa o *Parjanyaovi* spieva, že „rozbíja stromy na kúsky, pobíja démonov: všetko živé sa ho bojí, jeho, čo sa oháňa mocnou zbraňou“ a v 6. vete toho istého hymnu sa nazýva „pánom nebies“ a „nebeským otcom“ (pozri *The hymns of the Rigveda*, 1889 – 1892). V hymne LXVI 10. knihy Rgvédy môžeme v 6. vete napríklad čítať: „Nech je silná obeta, nech sú silní Svätí, silní pripravovatelia obety, silní Bohovia. Nech sú mocné Nebesia a Zem, verné večnému Zákonu, nech je silný Parjanya, nech sú silní tí, čo chválorečia Silným“ (pozri *The hymns of the Rigveda*, 1889

– 1892). Často sa spolu s Indrom spomína aj Párvata, tak v hymne CXXII 1. knihy Rgvédy, v hymne CXXXII 1. knihy Rgvédy či v hymne LIII 3. knihy Rgvédy. Sanskritské *párvata*- nemá teda len apelatívnu podobu, ktorú sme spomínali, ale aj propriálnu, teda *Párvata*-, čo je meno božstva hôr. Týchto dvoch bohov, Parjanyu a Párvatu, treba vedľa Indru spomenúť preto, že slovo *párvata*- súvisí, ako už bolo uvedené, s chetitským *peru/perun* a rovnako tak *parjánya* má v sebe ten istý indoeurópsky koreň **per-*, resp. **per-g-*.

Staronórska *Fiörgyn* je Matkou zeme a matkou hromovládneho Tóra a takto čiastočne pripomína chetitskú Perunaš. Teonymum *Fiörgyn* sa spája s gótskym *fairguni* 'hora, pohorie', staroanglickým *firgen* 'hora, les' či starohornonemeckým *Fergunna* 'Krušné hory', čomu zodpovedá keltské označenie hôr v centrálnej Germánii *Ἐρκύνιος δρυμός*, *Hercynia silva*, i keď v tomto prípade zrejme pôjde o germánsku výpožičku z keltčiny (pozri Orel, 2003, s. 99; podrobnejšie Lehmann, 1986, s. 104 – 105). Sémanticky sa teda dostávame k významu slova, ktoré uvádza A. Kloekhorst ako jedinú príbuznú chetitskému *peru/perun* 'skala, bralo, balvan', a to sanskritskému *párvata*- 'skalnatý; hora'.

Litovské *perkūnas* 'hrom, úder blesku; boh hromu', lotyšské *pērkūns* a tomu zodpovedajúce staropruské *percunis* dáva E. Fraenkel do súvislosti s latinským *quercus* 'dub' atď. (Fraenkel, 1962 – 1965, s. 575), ale napríklad W. Smoczyński považuje etymológiu za nejasnú (Smoczyński, 2007, s. 451). V. Orel vidí súvislosť s už uvedenými germánskymi výrazmi (Orel, 2003, s. 99), W. Lehmann uvádza, že v prípade tohto slova môže ísť o výpožičku z východnej germánčiny, kontinuant indoeurópskeho koreňa **per-* 'udierať' alebo kontinuant indoeurópskeho **perk^w-* 'dub', kedy by mohlo byť príbuzné praslovanské **Perunъ*, ale aj chetitské *peruna-* 'skala', pričom na záver konštatuje, že diskusia o týchto baltských výrazoch bude nepochybne ešte pokračovať (Lehmann, 1986, s. 105).

Na základe teoným *Perunъ*, *Perunaš*, *Parjánya*, *Fiörgyn*, *Perkūnas*, *Pērkūns* či ešte k tomu *Párvata*- nedokážeme bez akýchkoľvek problémov rekonštruovať jednotné indoeurópske teonymum a na základe funkcií týchto božstiev nedokážeme jednoznačne zrekonštruovať ani pôvodnú funkciu tohto potenciálneho indoeurópskeho božstva. Ale podobnosť medzi týmito menami je taká veľká, že sa o to jednoducho musíme pokúsiť. Pokiaľ ide o význam a funkciu, tak praslovanské apelatívum **perunъ* značí 'hrom', tak aj baltské *perkūnas* a *pērkūns*, chetitské *perunaš* má význam 'skala, bralo, balvan', *parjánya* je 'dažďový oblak', *párvata*- 'skalnatý; hora', gótske *fairguni* 'hora, pohorie', súvisieť s nimi môžu ešte keltské *ἔρκος* 'dubový les', latinské *quercus* 'dub' (s asimiláciou), staronórske *fjor* 'strom' či starohornonemecké *fereh-eih* 'dub' (pozri viac Pokorný, 1959, s. 822 – 823) a zrejme tiež grécke *κεραυνός*

‘blesk’, čo bude rýmová náhrada za tabuizované **peraunós* (Machek, 1971, s. 445), pričom božstvá sú nejakým spôsobom spojené s hromom, Perún, Perkúnas, Pèrkūns i Parĵanya sú božstvá hromu, Párvata sa často spomína spolu s hromovládny Indrom, Fiṛgyn je matkou boha hromu a Perunaš ‘Skala’ je milenkou boha nebies, s ktorou tento splodí nepremožiteľného syna Kameňa.

T. V. Gamkrelidze a V. V. Ivanov hovoria o indoeurópskom vnímaní hôr obrovskej výšky, ktoré siahajú až do neba, čo muselo vytvoriť predstavu skalnatého neba. V indoeurópcine slová pre ‘kameň’ značia aj ‘nebo’, tak sanskritské *aśman-* má významy ‘skala, bralo’, ‘kamenný nástroj, kamenné kladivo’, ‘kameň boha hromu’, ale aj ‘nebo’, avestské *asman-* je ‘skala; nebo’. V gréčtine týmto slovám zodpovedá výraz *ἄκμων* ‘kamenná náková’, ktorý sa rovnako používa v súvislosti s nebom: *ἄκμων ὁ οὐρανός*. V *Iliade* 15.19 Zeus odkladá dve kamenné nákovy (*ἄκμωνας δύο*), t. j. dva obrovské kamene pri Heriných nohách, keď sa táto chce pozrieť z neba (v preklade M. Okála (Homéros, 1962, s. 330): „(neskrotná Héré,...) Nevieš už, ako si vo vzduchu visela, keď som ti pripäl / na nohy nákovy dve a na ruky založil putá...?“). A v pre nás najdôležitejších balto-slovanských jazykoch sa zo slovných spojení dozvedáme o kameňoch nebeských hromovládcom, ktoré títo vrhajú na zem: litovské *Perkúno akmuõ* znamená ‘Perkúnasov kameň’ a podobne tak poľské *kamień piorunowy* zas ‘Perúnov kameň’ (pozri Gamkrelidze, Ivanov, 1995, s. 575; Moszyński, 1967, s. 734). A litovské meno, ktoré zastupuje *Perkúnas*, je *Akmenis Kalvis* ‘kamenný kováč’ (pozri Gieysztor, 1986, s. 66). Spomínali sme už tiež spojenie *do Перунова дуба*, čo môže označovať ‘po dub boha Perúna’, indoeurópskym hromovládcom býval dub zasvätený, alebo ‘po dub, do ktorého udrél blesk’. Podobne má aj litovčina *Perkúno qžuolas* ‘Perkunasov dub’ (pozri *Encyclopedia of Indo-European Culture*, 1997, s. 582). Blesk určite často udieral do vysokých stromov, ako sú duby, na horách. Na celom tomto sémantickom poli treba hľadať pôvodný indoeurópsky význam. Pokiaľ ide o hláskovú rekonštrukciu mena pôvodného indoeurópskeho božstva, najpravdepodobnejším východiskom všetkých uvedených teoným bude indoeurópske **Perk^wunos*, aj keď sú s tým spojené drobné hláskové problémy.

Čo je ešte dôležité, indoeurópske božstvo **Perk^wunos*, nech už bola jeho presná pôvodná funkcia akákoľvek, by sa na základe uvedených etymologických úvah mohlo bez problémov zaradiť v rámci teórie tripartity či bipartity medzi vojenské božstvá. A mytologické paralely to rovnako len potvrdzujú. Iránsky kontinuant indoeurópskeho teonyma **Perk^wunos* nemáme, ale germánska bohyňa Fiṛgyn, ako už bolo uvedené, je matkou hromovládneho ása Tóra a indický Parĵanya je sám asurom. Tak sa to aspoň uvádza v spomínanej 6. vete hymnu LXXXIII 5. knihy Rgvédy, ktorej druhá

časť znie síce v anglickom preklade „come hither with this thunder while thou pourest the waters down, our heavenly Lord and Father“, ale v origináli je *asura*:

अर्वाङ् एतेन सतनयतिनुनेह्य अपो नषिञ्चिन्न असुरः पति नः

Z dôvodu existencie značného množstva veľmi podobných teónym v indoeurópskych jazykoch musíme teda opustiť elegantnú a presvedčivú etymológiu mena **Perunъ* z praslovanského **per-* + **unъ* ‘ten, čo mocne bije’ a etymologizovať z indoeurópskeho **Perk^wunos* s nejasným a zložitým (a pochybným) významom ‘(vojenské) božstvo hromu; nebies, kameňa, duba’. V indoeurópskom mene **Perk^wunos* sa labiovelára **k^w* zmenila na baltské a slovanské **k*, ktoré potom spolu so **s* v slovančine zaniklo, čo dalo výsledné rané praslovanské **Perun-*. V praslovančine však azda mohlo byť popri uvádzanom **Perunъ* aj **Perynъ* z **Perūn-*, ako vari naznačuje ruské toponymum *Peryň* pri Novgorode, kde V. V. Sedov odkryl v rokoch 1948 a 1951 – 1952 centrálnu svätyňu novgorodských Slovanov v podobe troch kruhovitých priekop s jamou po idole uprostred, pričom prostredný kruh patril hlavnému božstvu – Perúnovi a obidva postranné božstvám vedľajším (Váňa, 1990, s. 73 – 74), a ako vari naznačuje aj ojkonymum *Perín* na Slovensku, ktoré ako prídomek používala šľachtická rodina Perínskych (Perényi) s mimoriadne čudnou, prapodivnou neheraldickou figúrou v erbe. (Erb Perínskych síce autor tejto štúdie veľmi dobre poznal, ale jeho možné mytologické súvislosti si neuvedomoval; na tie ho dávnejšie upozornil až popredný slovenský heraldik Ladislav Vrteľ, ktorý mal v pláne venovať sa otázke týchto súvislostí podrobnejšie.) Rozhodne netreba brať pri etymologizovaní do úvahy také podoby teonyma **Perunъ*, ako je zo slovenskej frazeológie dobre známe *Parom* (*aby ťa Paromova strela skárala, sto Paromových striel do teba...*) a podobne. Správne sa uvádza (porov. Rudnickij, 1982, s. 905 – 906), že toto sú len tabuové obmeny. Ako je z jazykovednej literatúry známe, medzi tabuové hláskové zmeny často patrí predlžovanie slov dodávaním ďalších slabík alebo hlások rozmanitými hláskovými vsuvkami, predsúvaním hlások, ďalej skracovanie slov rôznymi vypusteniami jednej z dvoch po sebe nasledujúcich rovnakých alebo artikulačne podobných slabík alebo hlások na konci či vo vnútri slov a tiež hláskové substitúcie, nahrádzanie niektorých hlások inými, či rôzne prešmyknutia. Týmito procesmi mohla byť pôvodná podoba slova dostatočne zmenená, aby sa vyhlo tabuovému zákazu jeho použitia. F. Specht a po ňom ďalší autori hovoria v takomto prípade pre archaické tabu o tzv. jazykovom čarovaní (Sprachzauber; pozri Erhart, Večerka, 1981, s. 139) a až výsledkom takéhoto čarovania sú výrazy, ako je *Parom*.

LITERATÚRA

- BERANOVÁ, M.: *Slované*. Praha: Panorama, 1988. 305 s. Bez ISBN.
- BRÜCKNER, A.: *Mitologia słowiańska i polska*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1980. 384 s. Bez ISBN.
- DERKSEN, R.: *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden – Boston: Brill, 2008. 726 s. ISBN 978-90-04-15504-6.
- DUMÉZIL, G.: *Les dieux des Indoeuropéens*. Paris: Presses Universitaires de France, 1952. 144 s. Bez ISBN.
- DUMÉZIL, G.: *Lidéologie tripartite des Indo-Européens*. Bruxelles: Latomus, 1958. 122 s. Bez ISBN.
- Encyclopedia of Indo-European Culture*. Eds. J. P. Mallory and D. Q. Adams. London – Chicago: Fitzroy Dearborn, 1997. 830 s. ISBN 1884964982.
- ERHART, A. – VEČERKA, R.: *Úvod do etymologie*. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1981. 306 s. Bez ISBN.
- FRAENKEL, E.: *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter, 1962 – 1965. 1560 s. Bez ISBN.
- GAMKRELIDZE, T. V. – IVANOV, V. V.: *Indo-European and the Indo-Europeans: a Reconstruction and Historical Analysis of a Proto-Language and a Proto-Culture. Part I. The Text*. Berlin – New York: Mouton de Gruyter, 1995. 864 s. ISBN 978-3110147285.
- GIEYSZTOR, A.: *Mitologia Słowian*. Warszawa: Wydawnictwa Artystyczne i Filmowe, 1986. 272 s. Bez ISBN.
- GÜTERBOCK, H. G.: *The Song of Ullikummi. Revised Text of the Hittite Version of a Hurrian Myth*. In: *Journal of Cuneiform Studies*, Vol. 5, No. 4, 1951, s. 135 – 161. Bez ISSN.
- HOMÉROS: *Ílias*. Preložil M. Okál. Bratislava: Slovenský spisovateľ, 1962. 620 s. Bez ISBN.
- HORVÁTHOVÁ, E.: *Reminiscencie na staroslovanské božstvá v slovenských prameňoch*. In: *Studia Academica Slovaca*, 19, 1990, s. 151 – 164. ISBN 80-05-00717-5.
- KLOEKHORST, A.: *Etymological Dictionary of the Hittite Inherited Lexicon*. Leiden – Boston: Brill, 2008. 1162 s. ISBN 978-9004160927.
- LEHMANN, W. P.: *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden: E. J. Brill, 1986. 712 s. ISBN 90-04-08176-3.
- ŁOWMIAŃSKI, H.: *Religia Słowian i jej upadek*. Warszawa: Państwowe wydawnictwo naukowe, 1986. 432 s. Bez ISBN.
- MÁCHAL, J.: *Bájesloví slovanské*. Olomouc: Votobia, 1995. 217 s. ISBN 80-85619-19-9.
- MACHEK, V.: *Etymologický slovník jazyka českého*. Praha: Academia, 1971. 868 s. Bez ISBN.
- MOSZYŃSKI, K.: *Kultura ludowa Słowian II. Kultura duchowa*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967. 836 s. Bez ISBN.
- MOSZYŃSKI, L.: *Die vorchristliche Religion der Slaven im Lichte der slavischen Sprachwissenschaft*. Köln – Weimar – Wien: Böhlau, 1992. 144 s. ISBN 3-412-08591-X.
- NIEDERLE, L.: *Slovanské starožitnosti. Díl II. Svazek 1. Základy kulturních starožitností slovanských. Víra a náboženství*. Praha: Bursík & Kohout, 1924. 300 s. Bez ISBN.

- OREL, V.: *A Handbook of Germanic Etymology*. Leiden – Boston: Brill, 2003. 682 s. ISBN 90-04-12875-1.
- POKORNY, J.: *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern und München: Francke Verlag, 1959. 1184 s. Bez ISBN.
- ПОЛЕВОЙ, Н. А.: *История русского народа. Томъ первый*. Москва: Август Семен, 1829. 386 с. Bez ISBN.
- PRACH, V.: *Řecko-český slovník*. Praha: Vyšehrad, 1998. 588 s. ISBN 80-7021-285-3.
- Pramene k dejinám Velké Moravy*. Zost. P. Ratkoš. Bratislava: Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 1964. 460 s. Bez ISBN.
- REJZEK, J.: *Český etymologický slovník*. Voznice: Leda, 2001. 752 s. ISBN 80-85927-85-3.
- РУДНИЦЬКИЙ, Я. Б.: *Етимологічний словник української мови. An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. Том II. Випуски 1 – 11. Д – б*. [Ottawa: University of Ottawa Press (Українська моголиансько-мазепинська академія наук, Товариство плекання рідної мови)], 1982. 1128 s. Bez ISBN.
- The hymns of the Rigveda*. Translated with a popular commentary by Ralph T. H. Griffith. Benares: E. J. Lazarus, 1889 – 1892. Bez ISBN.
- SMOCZYŃSKI, W.: *Lietuvių klavos etimologinis žodynas. Słownik etymologiczny języka litewskiego*. Vilnius: Vilniaus universitetas Filologijos fakultetas, 2007. 798 s. ISBN 978-9955-33-152-0.
- VÁŇA, Z.: *Svět slovanských bohů a démonů*. Praha: Panorama, 1990. 280 s. ISBN 80-7038-187-6.
- Vyprávění o dávných dobách – Nestorův letopis ruský*. In: Staroruská čítanka. O. Kovačičová. Praha: Státní pedagogické nakladatelství, 1989, s. 61 – 74. ISBN 80-04-21709-5.

КОНЦЕПЦИЯ МИРА И ЧЕЛОВЕКА В ТВОРЧЕСТВЕ Л. ПЕТРУШЕВСКОЙ: СХИЗИС КАК НОРМА ЖИЗНИ

Алима Штырова

THE CONCEPT OF THE WORLD AND MAN IN L. PETRUSHEVSKAYA'S WORKS: SCHISIS AS A NORM OF LIFE

Abstract: The article approaches the paradoxicality (as a constitutive feature of L. Petrushevskaya's philosophical and esthetical thinking) on the example of a paradox dominant in her works, i.e. the deep adequacy and truth of the schizophrenic world perception. L. Petrushevskaya's ideas are introduced into the context of the West European humanistic and existential philosophy and artistic creativity enabling the verification of the following proposition: the writer's works should be analyzed within the framework of the western antipsychiatric literary and artistic movement of the 20th century. In closing, a conclusion is made about L. Petrushevskaya's place in the literary process of the Soviet and post-Soviet time: the writer's works represents the Russian type of the antipsychiatric movement.

Keywords: paradoxicality, schizophrenic perception, antipsychiatric literary.

Художественная концепция мира предполагает сведение в единый образ философско-эстетических представлений писателя о месте человека в социуме и о взаимном влиянии личности и её окружения. Л. Петрушевская одной из первых в русской (советской) литературе обратилась к запретным аспектам этой темы. Наша задача в этой статье – показать роль западной литературы в формировании концепции мира и человека Л. Петрушевской и наличие в произведениях писательницы типологических и генетических связей с «другим», то есть идеологически чуждым советской литературе искусством.

Л. Петрушевская в *Девятом томе* высказывает мысль, что психиатрия и правосудие дают темы и конфликты для эстетической категории «ужасного»: «Ужасное, однако, – это низшая, грубая форма трагедии. То, что больше подлежит суду и медицине, а не искусству. В искусстве ужасное редко. *Рассказ о семи повешенных* Леонида Андреева. *Записки приговоренного к смертной казни* Виктора Гюго. *Песнь палача* Нормана Мейлера. Это две сферы общественной жизни, где человек абсолютно бесправен: «Врачебные тайны, врачебные тайны, что происходит под вашим покровом! Роды, насилие, пытки, боль, преступления против нравственности, кровь, скрученные руки, крики, последнее отчаяние,

смерть. Санитары – это власть, это деспотия, не знающая неповиновения и милосердия, и дорого бы дал этот санитар, чтобы всадить мне укол и показать, кто здесь тля, а кто тиран и начальник» (Петрушевская, 2001, с. 77). С самого начала творческого пути Л. Петрушевская сопоставляет психиатрию, судопроизводство и семейно-бытовые отношения, выявляя их общие принципы и «зеркальность» по отношению друг к другу.

При анализе парадокса схизиса нужно выделить две плоскости: социально-политическую, действующую на уровне идеологии государственной власти, и межличностную, относящуюся к частной жизни человека. Эта дифференциация условна, она необходима в данном случае только для того, чтобы в конечном счёте показать их близость и взаимовлияние.

Аспект 1. Суть государственной власти наиболее отчётливо раскрывается на примере механизмов функционирования судебной и психиатрической систем. Этой проблеме посвящены произведения Кафки, Беккета, Фолкнера, Кизи, Буцатти, Кортасара, Дюрренматта, Сартра и др. крупнейших писателей XX века.

Л. Петрушевская непосредственно столкнулась с произволом власти и возникшим в результате этого сумасшествием. Писательница ещё в детстве, в собственной семье увидела возникновение постстрессового психоза: её дедушка Н. Ф. Яковлев, один из основателей Московского лингвистического кружка, уволенный с работы интеллигентнейший человек, профессор, сходил с ума от несправедливости, бессилия что-то объяснить, изменить, добиться истины или хотя бы просто рационально понять сложившуюся трагически-абсурдную ситуацию.

В обществе и, шире, в тоталитарной и авторитарной системах власти в отношении подсудимого действует закон «исключённого третьего»: исключаются сомнения в невиновности человека при неясной, но встречающейся в жизненной практике ситуации, когда у суда нет доказательств вины и одновременно нет доказательств невиновности. В этом случае по умолчанию действует презумпция виновности: человек считается виновным, пока не доказано обратное. Каждый является подозреваемым и признаётся виновным априорно. Для осуждающих человека судей не существует презумпции невиновности (одного из основных атрибутов демократического общества). У обвиняемого нет защитников и нет права голоса, что автоматически функционирует в пользу презумпции виновности. Всё, сказанное подсудимым, непременно будет истолковано против него, и не сказанное им тоже будет служить доказательством его вины. «Miranda warning», прописанное

в Конституционном праве США и известное своим эффективным звучанием в кинофильмах, в сфере социальных, правовых, а также бытовых, семейных, любовных отношений бездействует. Поддерживая непрерывность исторически сложившейся в 18 – 19 вв. традиции, суд принимает полудоказательства (любые предлагаемые улики) как основание считать подсудимого полувиновным: «...доказательство в судебно-правовой сфере строилось не по дуалистическому принципу: истина или ложь, – но по принципу постепенной градации: некоторая степень доказательства уже означала некоторую степень виновности, а следовательно, и какое-то наказание. Подозреваемый как таковой всегда заслуживает некоторого наказания: навлекший на себя подозрение не может быть абсолютно невиновным. [...] Подозреваемый, если он оставался просто подозреваемым, несмотря ни на что, не признавался невиновным и подвергался определённому наказанию» (Фуко, 1999).

В пьесе *Тёмная комната* Петрушевской один из героев-палачей ссылается на фильм *Двенадцать разгневанных мужчин* (*12 Angry Men*, 1957). Именно в этом фильме драматически раскрывается проблема доказанья вины или невиновности при отсутствии очевидных доказательств и того и другого.

Душное лето, самый жаркий день в году. В тесной комнате собираются 12 взрослых мужчин, одетых в строгую деловую одежду, чтобы вынести вердикт в пользу виновности или невиновности подсудимого – молодого человека, который, по неуточнённым свидетельским показаниям, убил своего отца. Эти люди не привыкли самостоятельно думать. За одних принимает решения жена, за других – босс. При этом каждый готов вынести смертный приговор – стать палачом человека, потому что он, как они слышали, «опасный убийца».

Показания свидетелей рассматриваются очень поверхностно, принимаются на веру, истинные обстоятельства преступления никого не интересуют: всем хочется поскорее выйти на свежий воздух. Но свободу они получают только после того, как вынесут единогласное решение. Все они далеки от идеи правосудия: кому-то всё ново и интересно, для кого-то этот процесс – «много шума из ничего», кто-то априори вынес смертный приговор – как превентивную педагогическую меру. Все они не профессиональные юристы, это люди, зарабатывающие на хлеб совсем иными ремёслами. И все они, между обменом репликами о бизнесе, рекламе рисовых хлопьев, производстве мармелада и спорте, должны беспристрастно решить судьбу восемнадцатилетнего юноши. При первом голосовании один голос оказывается против. Этот

человек единственный, кто признался: «я не знаю, виновен он или нет». Один против всех. Он ничего не утверждает, он один, кто просто решает, что нужно «поговорить» об этом деле: вдруг это ошибка («всё может быть»). Его оппонент уверен, что парень виноват, потому что ему 18 лет, потому что он прожил тяжёлую жизнь, потому что он много видел подобных парней из бедных районов, они всегда лгут и, в конце концов, потому, что «мы ничего не должны» этому молодому человеку. Возникает возражение: «не думаете ли вы, что у вас есть монополия на истину»? Принято решение убедить несогласного в том, что он неправ: мальчишка виновен, потому что обратное не доказано; потому что его кто-то видел; потому что так говорят свидетели; женщина на постели не могла видеть с противоположной стороны улицы, но если так говорят судьи, то так и было; один из круга пропускает свою очередь, потому что и не думает, и не сомневается; мальчика много раз избивали, и в этот раз он не выдержал; у мальчика плохая характеристика. Несогласный объясняет свою позицию тем, что поставил себя на место осуждаемого: ведь даже адвокат не вникал в суть дела своего подзащитного, всем и так всё было ясно. «Это не математика» – возражают ему, и он подтверждает: «вот именно». Он предоставляет факт: орудие убийства не является уникальным, он сам купил подобный нож накануне вечером. Все хотят уйти (ведь не ночь же просидеть за разбором этого очевидного дела!) На одной чаше весов лежит время, которое можно провести более приятным образом, на другой – жизнь человека, о которой большинство не хочет думать. Ещё один член заседания говорит, что ничего не знает, но не уверен и хочет разобраться. Снова следуют аргументы в пользу казни: парень плохо говорит на английском; адвокаты не ошибаются; адвокат не хотел обидеть старика; окружной прокурор вынес приговор. Все готовы стать палачами, кроме трёх членов. Много усилий ушло на признание главного обстоятельства: в деле много непонятного. Дважды в полилоге произносятся слова «разумное сомнение». Люди просто не хотят думать, у них нет своего мнения. Одиннадцать членов убеждены, что не знают, в чём истина, но пытаются разобраться. Самое сложное для людей – это признать факт, что они не знают, как было на самом деле, насколько достоверны доказательства. Действительно, объективно – не знают. Ещё сложнее – отнестись к чужой судьбе, как к собственной, думать, искать логику событий, мотивацию поведения не только обвиняемого, но и свидетелей, выступивших против него. Один из участников говорит, что сомнение – это одна из ценностей в их общественной системе. Один из двенадцати остается убеждён в виновности вопреки

всем аргументам, которые произносят «слабонервные», по его мнению, товарищи.

Советское общество живёт, как показывает Петрушевская, по конвенциональному принципу «двойной морали», «двойного смысла». Амбивалентность представлений, мышления одобрена, если она соответствует направлению идеологической пропаганды, и не признана, если она идёт от личности. Массовость убеждений является критерием верификации истины.

Отметим проявления шизофазии в советских песнях, служивших средством идеологической пропаганды: грамматически правильный строй речи, сопоставление в рядах однородных членов разнородных понятий, атактически повторяющиеся речевые обороты, несущие не смысловую, а манипулятивную нагрузку (хорошо откладывается в подсознании при повторении с определенным ритмом и мелодией):

*И вновь продолжается бой.
И сердцу тревожно в груди...
И Ленин – такой молодой,
И юный Октябрь впереди!*
(Н. Н. Добронравов: *Неба утреннего стяг...*)

В рассказе *Незрелые ягоды крыжовника* Петрушевская цитирует песню *Родина слышит...* на слова Евгения Долматовского, в которой проводятся идеи централизации власти и параноидального постоянного контроля под видом нежной заботы:

*Родина слышит,
Родина знает,
Где в облаках её сын пролетает.
С дружеской лаской,
нежной любовью
Алыми звёздами башен московских,
Башен кремлёвских, смотрит она за тобою,
Смотрит она за тобою.*

Припев: *смотрит она за тобою* надолго остаётся в сознании советского человека: фактически это императив с взаимопротиворечивым «double bind» (Г. Бейтсон), запрещающий антисоветское поведение («помни, за тобой следит вся страна, и Кремль видит каждый твой шаг») и оправдывающий необходимость тотального

контроля, слежки родительской и дружеской любовью. Если человека контролируют, значит, ему не доверяют, если ему не доверяют, – он уже в чём-то «полувиновен», он – потенциальный преступник, он априори в чём-то виноват и что-то должен скрывать. Буквально все следят друг за другом, а Отец народов (как «Big Brother» у Оруэлла) из Кремля следит за всей страной. Глагол *следить* имеет негативную коннотацию, связанную с существительным *слежка* и вызывающую цепь ассоциаций (*следствие* → *суд* → *осуждённый* → *тюрьма* → *изгнание из общества*). На уровне отношений «человек – государство» внушается внутренне противоречивая модель требования власти к гражданину: «ты ценен для Родины, она любит тебя и заботится о тебе, потому что ты достоин любви, уважения, заботы» – «Родина следит за тобой, потому что подозревает, что ты можешь сделать неправильный шаг, то есть ты не заслуживаешь доверия, ты уже наполовину виновен».

Логический закон исключённого третьего гласит: «из двух противоречащих мыслей одна является истинной, а вторая ложной; третьего не дано». Закон «не исключённого третьего» – это основополагающий закон социума, принимающего на веру идеи, определённые властью как истина. «Успехи партии зиждятся на том, что она создала систему мышления, где оба состояния существуют одновременно. И ни на какой другой интеллектуальной основе её владычество нерушимым быть не могло» (Оруэлл, 1990). Критерий психического здоровья и социальной успешности в обществе, таким образом, базируется на согласии человека с «законом неисключённого третьего», с имплицитным признанием себя вещью, которой манипулирует власть.

Этому в советском менталитете в большой степени способствовал диамат с формулой «тезис – антитезис – синтез». Изначально применённая Фихте по отношению к идеальным логическим объектам (*Я полагает Я и не-Я*), эта формула суждения была перенесена в сферу социально-исторической жизни (закон «отрицания отрицания» в ходе исторического развития). Будучи применёнными в изначально для этого не предназначенной сфере, закон диамата стал орудием манипулирования сознанием. «Человек невиновен» – «человек виновен» → «он полувиновен», допуская тем самым подозрения в том, что каждый – потенциальный преступник.

Позиции здорового и больного, по этой системе «тайного общественного договора», отличаются их отношением к логическому «закону (не)исключённого третьего». Человек считается здоровым, если он не хочет замечать противоречия, если ему не интересна истина и если он принимает своё положение отчуждённости от самого себя,

состояние манипулируемого предмета. Если человек соглашается с тем, что его контролируют, мотивируясь большой любовью и заботой, а на самом деле стремлением к тотальному контролю в целях борьбы с инакомыслием, он здоров, потому что принял конвенцию забвения имплицитного, реального смысла речи, её манипулятивный аспект. Попытка разобраться в имплицитных смыслах, внести ясность во внутренне противоречивые требования, в глазах власти достаточна для признания психических отклонений.

Как показывает писательница, никто не сомневается в нормальности особого типа речи – «речи начальников», а между тем она представляет собой яркий пример шизофазии (например, речь Николая Ивановича из драмы *Три девушки в голубом*, 1980): *«Ира, поставь чайку. Я просто умираю от жажды. Бегал, бегал за девушкой. Жены с дочкой нет полтора месяца. Второй срок распечатали. Тёща живёт здесь, на даче. Я в Москве ужинаю чем попало, в основном консервы. («Консервы» он произносит как «консэрвы».) Вечером едешь с работы, магазины в массе закрыты. Стал поневоле сюда мотаться. Тёща кормит хотя бы без консервантов. («Консервантов» он произносит как «консэрвантов».) У меня же сто одна болезнь. Таким образом мы с тёщей поехали вчера за клубникой. И таким образом в электричке вы на меня и наткнулись!»*). Этот «новояз» власть имущих, с его минимальным набором слов, шперрунгами, вербигерацией, стереотипностью, формализованностью, манерностью и морализаторством принимается большинством как полноценное средство речевой коммуникации. Шизофазичность бытового, обыденного мышления так же конвенционально допустима и не замечается. Перефразируя Оруэлла, эту ситуацию можно сформулировать так: *Все люди шизофреники (но некоторые более шизофреники, чем другие)*.

В коммуникативной ситуации должно существовать различие в смыслах, которое стимулирует и потенцирует общение. Если речь абсолютно понятна, то нет самого коммуникативного повода для обмена информацией, пространства для движения от известного к неизвестному. *«Когда один человек использует слово, он имеет в виду не то же самое, что подразумевает другой. [...] Было бы абсолютно пагубно, если бы люди подразумевали своими словами одно и то же. Это сделало бы невозможным всякое общение, а язык самой безнадёжной и бесполезной вещью, которую можно себе представить, так как придание значения вашим словам должно зависеть от природы объектов, с которыми вы знакомы, а поскольку разные люди знакомы с различными объектами, они были бы не в состоянии разговаривать друг с другом, если бы*

не приписывали своим словам совершенно различные значения. [...] Настаивая на языке, лишённом двусмысленностей, вы были бы не в состоянии рассказать дома о том, что видели за границей» (Рассел, 1991, с. 52). Проект создания такого пропагандистского однозначного языка, речевых стереотипов без возможности расширения семантики, переосмысления, переносного смысла был описан Оруэллом в 1984: «Это достигалось изобретением новых слов, но в основном исключением слов нежелательных и очищением оставшихся от неортодоксальных значений – по возможности от всех побочных значений. [...] Новояз был призван не расширить, а сузить горизонты мысли, и косвенно этой цели служило то, что выбор слов сводили к минимуму». Словарь В навязывал этическую и политическую позицию. «Белочёрный» – это и враг, и союзник: «double standard» позволяет интерпретировать слово в антиномическом смысле в зависимости от контекста политической ситуации. Искажение фактов с целью пропаганды допустимо.

В «карательной психиатрии» действует тот же самый закон «презумпции виновности», что и в судебно-правовой системе: «... неверно приписывать кому-либо гипотетическую болезнь с неизвестной этиологией и необнаруженной патологией, если можно доказать обратное. [...] Шизофреник – это некто, обладающий причудливыми переживаниями и (или) действующий причудливым образом – обычно с точки зрения его родственников и нас самих... То, что пациент с таким диагнозом страдает от некоего патологического процесса, есть либо факт, либо гипотеза и допущение, либо суждение. Рассмотрение в качестве факта – ложно. Рассмотрение в качестве гипотезы – законно. Нет необходимости делать допущения или высказывать суждения» (Лэнг, 1995, с. 516). После вынесения приговора: «душевнобольной», человек законно поражён в правах, ограничен в свободе, он не может принимать решения и распоряжаться своим имуществом. Он находится под постоянным контролем. Его положение – положение осуждённого преступника, который лишён свободы. Это средство управления человеком, в основе которого лежит аксиома его виновности. Суть и истина оказываются вне поля зрения. Человек осуждён (или определён как сумасшедший) на основе суждения, сделанного на основе допущения, косвенных улик.

Аспект 2. Философско-эстетическое мировоззрение Л. Петрушевской опирается на теорию множественности человеческих миров: каждый человек есть универсум со своим личным пространством и временем, со своими физическими и психическими законами, со

своим алфавитом, словарём, языковыми законами. Каждый человек – уникальная планета, которая рождается один раз и умирает тоже один раз. Личность – вселенная, которая в зависимости от своего внутреннего содержания, опыта и психологии вырабатывает свой язык, смыслы в котором могут не совпадать со словарным значением. Они передаются нулём звука, молчанием, шизофазией и шизофазическим письмом, паралогической речью. Это индивидуальный язык, и его надо понимать.

Схизис изначально заложен в амбивалентности временного потока, воспринимаемого сознанием: одновременно человек живёт в линейном историческом времени (для которого характерна идея развития) и циклическом мифологическом времени (в котором прогресса нет). Люди, как показывали З. Фрейд, Э. Берн, проживают свою жизнь по сценариям судеб разных мифологических героев. Каждый человек в своём онто- и филогенезе вновь проживает в сжатом виде всю историю человечества (мифологическое, ритуальное мышление в детстве). Л. Петрушевская в интерпретации личности учитывает все эти компоненты мотивировок формирования мировоззрения и поведения героев, но при этом не отрицает биологического, генетического, социально-исторического детерминизма.

Типичная уникальность – оксюморон, который характеризует концепцию личности, созданную Л. Петрушевской. В шизофреническом словотворчестве, бреде с присущими ему ментизмом, шперрунгами, речевыми стереотипами, вербигерацией, словесной окрошкой, резонёрством, соскальзыванием и другими нарушениями законов построения речевого высказывания непонимание между отсылателем сообщения и его получателем достигает максимума. Слишком большие лакуны остаются в понимании смысла слов здоровым человеком и шизофреником. Л. Петрушевская, как и Б. Рассел, видит в несовпадениях смыслов именно такое потенцирующее влияние речи. Согласно её концепции, поведение, эмоции, речь шизофреника, его внутреннее состояние всецело обусловлены реакцией на имплицитные противоречия в требованиях при ситуации, когда внешнее содержание не совпадает с реальным смыслом. Отвергая правила игры, конвенциональность, в гипертрофированном виде он выводит имплицитность наружу. Наблюдая за мировосприятием больных-афатиков, О. Сакс сделал интересное замечание: *«Выступление президента... не смогло обмануть ни Эмили Д., приобщившуюся к таинствам формальной прозы, ни афатиков, глухих к словам, но крайне чутких к интонациям, на вечном человеческом соблазне поддаться*

обману. [...] У нас почти не было шансов устоять. Столь коварен оказался союз фальшивых чувств и лживых слов, что лишь больные с серьёзными повреждениями мозга, лишь настоящие дефективные смогли избежать западни и разглядеть правду» (Сакс, 2010). Идея Петрушевской близка по смыслу этому наблюдению: «...люди внутри остались животными и без слов чувствуют всё, что происходит, ни одно душевное движение не остаётся без ответа» (Петрушевская, *По дороге бога Эроса*). Шизофреники, по мнению писательницы, больше «нормальных» людей требуют истины и последовательности в суждениях, требованиях, взглядах.

Основа непонимания между людьми заложена в парадоксальном, шизофренически-расщеплённом характере жизни. Жизнь, по мысли Петрушевской, есть динамика, отрицающая прогресс. За мнимым многообразием стоит однообразие: круг семейной и, шире, общечеловеческой истории замкнут. События, жизненные роли, вечные сюжеты драм, трагедий и трагикомедий (таким образом Петрушевская интерпретирует образы Гамлета, Короля Лир, Пенелопы, Одиссея и др.) бесконечно повторяются (например, рассказ *Гимн семье*, имеющий кольцевую композицию: всё многообразие вариантов жизненных сценариев сводится к немногочисленному набору бесконечно воспроизводимых, начиная с библейских времён, типических ролей). Жизнь всё время создаёт новое, но на самом деле она только стереотипно воспроизводит то же самое, уже бывшее в прошлом. Предопределённость существует внутри одного пути, одного мира (стабильно повторяемые писательницей выражения: *дорогая ясная, известное дело, учебник жизни*). При этом человек одновременно проигрывает несколько жизненных ролей (например, женщина одновременно является дочерью, матерью, женой, любовницей, Прекрасной Дамой, Клариссой и т. д.) и, соответственно, проживает несколько «пластов» жизни, но все они не сводимы к одному знаменателю, одновременно влияют друг на друга и сами по себе внутренне расщеплены. Схизис в определённом смысле адекватен реальному состоянию жизнеустройства: ведь суть жизни – многообразие, которое достигается за счёт внутреннего расщепления и амбивалентности весьма ограниченного круга процессов, явлений, событий, жизненных ролей, чувств.

Парадокс экзистенции выражается в прагматическом парадоксе обращённой речи, в которой зачастую расходятся значения и смысл, слова понимаются в зависимости от того, охотник или жертва выступают в качестве адресанта и адресата сообщения. Человек, который говорит на языке биологии, не поймёт того, кто говорит на языке духа. Он видит

свои имплицитные смыслы, из множества значений он выбирает те, которые отвечают его внутренней субъективной установке. В рассказе *Незрелые ягоды крыжовника* героиня была влюблённым ангелом, но возлюбленный Толик называет её «чёрт влюблённый». Он воспринимает её влюблённость как «двойное послание»: «мною хотят воспользоваться; посягают на мою территорию, отнимают то, чем я владею, лишают меня моей свободы и власти». Слова, идущие из духовного контекста, таким образом, интерпретируются как слова контекста биологического. В результате возникает соответственная поведенческая реакция: или торжество власти над слабым, или агрессия охотника. Как биологическое существо, в основу интерпретации смысла речи он кладёт логику выгоды, манипулирования и, соответственно, обороняется или просчитывает, как можно использовать чужие чувства в своих интересах. Парадокс: духовная высота делает «маленьким человеком», потенциальной жертвой, которую можно всё больше и больше унижать; любовь, духовное чувство, ставит человека в положение жертвы, на которую идёт охота. Любовь пробуждает в другом человеке не сочувствие, а ощущение безразмерной власти над жертвой: он автоматически исполняет роль сильного, хитрого, бессердечного охотника. Человеку остаётся только молчание. Люда стоит на неизмеримо более высокой ступени духовной эволюции по сравнению с Толиком, которым движут животные инстинкты. И она унижена своей любовью до положения жертвы, вынуждена испытывать чувства страха, зависимости, противостоять психической и физической агрессии манипулируемой им «стаи». Петрушевская рассматривает здесь типичную ситуацию возникновения шизофренической амбивалентности: первая платоническая любовь, духовное пробуждение, восхищение идеалом рождает схизис: «я люблю тебя, ты прекрасен, как настоящий принц, ты – моя душа и одновременно я боюсь тебя, ты мой враг, ты охотишься на меня со стаей твоих друзей, загоняешь меня в ловушку, чтобы унижить и убить», «любовь возвышает меня как человека – любовь делает меня беззащитной жертвой; ты моя жизнь и ты же – моя смерть».

Суд людей (судебно-правовая система и психиатрия) основан на одном базисе: конвенциональном вето на выявление истинного смысла сообщения. Подчинение противоречивым требованиям: «Будь таким, каким я тебя хочу видеть, подчиняйся моему контролю, потому что я делаю это из любви к тебе», «не имей свободной воли и при этом бери на себя всю ответственность за происходящее», есть норма. Человек чужд и себе (он не может признать свою внутреннюю суть, поскольку представления о ней есть интериоризация мнения о человеке социума),

и внешнему миру. Объявленный (полу-)виновным человек оставляет попытки объясниться и уходит в молчание, кататонию, параноид, бред.

В сфере семейных отношений, как показывает писательница, существует то же самое противопоставление, что и в рассмотренных выше системах: сильный (власть, доминанта) и подчинённый (жертва). Отношения в семье складываются по модели, суть которой была описана в исследовании итальянских психиатров: «избегание какого-либо определения взаимоотношений. Каждый должен дисквалифицировать своё определение взаимоотношений прежде, чем другой получит шанс сделать это». Правила этой игры неизменны: «на вербальном уровне даётся предписание, которое на другом уровне (обычно невербальном) дисквалифицируется; одновременно даётся другое сообщение о том, что запрещено делать комментарии, то есть метакоммуницировать по поводу неконгруэнтности предписаний на двух уровнях; наконец, сообщается, что покидать поле игры также запрещено» (Сельвини Палаццоли, 2002, с. 18). Таким образом, слабый не может ни удовлетворить сильного, потому что неясно, что тот от него хочет, ни взбунтоваться, потому что к нему не предъявили никаких конкретных требований.

Как показывает в рассказе *Круги по воде* Петрушевская, существует шизофрения конвенционально принятая (мать заботится о дочери, делает добро, тратит на неё свои деньги и время) и конвенционально не принятая (эта дочь почему-то лечится в психиатрическом отделении от своего «упрямства» и немотивированной агрессии; для читателя очевидно, что она не хочет быть орудием удовлетворения материнских амбиций). «Внешняя» речь здесь используется для агрессивного манипулирования, создания ловушки для невинной души; для создания паутины сплетен (дочь в стене молчания, мать сплетничает с подругами); для манипулирования («так, проходим трудную школу детства»). Протест человека против имплицитного насилия, как показывает Л. Петрушевская, по необходимости приобретает уродливые, асоциальные формы.

Две проекции – общественно-политическая и семейно-бытовая – выявляют общие принципы: сильный завуалированно манипулирует слабым при помощи «двойного послания»; слабый выражает свой протест против имплицитных манипуляций посредством девиантного поведения, бреда. Они пересекаются в одной точке координат: в суде (правовых органов или «ближних») и приговоре, всегда звучащем одинаково: «виновен». Психотическое поведение и мышление, по мнению Петрушевской и западных писателей, есть зеркало, в котором отражается скрытая суть общества.

Таким образом, в результате проведённого нами анализа можно сделать вывод, что художественная концепция мира и человека Л. Петрушевской сформировалась под влиянием западной, «другой» литературы: могут быть установлены типологические связи философско-эстетических идей Л. Петрушевской с творчеством Оруэлла и генетическое влияние фильма *Двенадцать разгневанных мужчин*.

ЛИТЕРАТУРА

- ПЕТРУШЕВСКАЯ, Л.: *Девятый том*. [Электронный ресурс]. URL: <http://read24.ru/read/lyudmila-petrushevskaya-devyatyiy-tom/33.html> (дата обращения: 01.05.2013).
- ПЕТРУШЕВСКАЯ, Л.: *Время ночь*. Москва: Вагриус, 176 с. ISBN 5-264-00680-6.
- ЛЭНГ, Р. Д.: *Расколотое „Я“*. Санкт-Петербург: Белый Кролик, 1995. 590 с. ISBN 5-088958-033-6.
- ОРУЭЛЛ, Дж.: *1984 и эссе разных лет*. Роман и художественная публицистика. Сост. В. С. Муравьев. Москва: Прогресс, 1989. 194 с. ISBN 5-01-002094-7.
- РАССЕЛ, Б. *Философия логического атомизма*. Томск: Водолей, 1999. 191 с. Без ISBN.
- САКС, О.: *Человек, который принял жену за шляпу, и Другие истории из врачебной практики*. Москва: Полиграфиздат, 2010. 546 с. ISBN: 978-5-17-064236-6.
- СЕЛЬВИНИ ПАЛАЦЦОЛИ, М. и кол.: *Парадокс и контрпарадокс: Новая модель терапии семьи, вовлеченной в шизофреническое взаимодействие*. Москва: Когито-Центр, 2002. 204 с. ISBN 5-89353-033-0.
- ФУКО, М.: *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: Ad Marginem, 1999. 480 с. ISBN 5-93321-010-2.

ODBORNÁ RECENZIA AKO ŽÁNER A KOMUNIKÁT

Jana Sokolová – Ján Gallo

ACADEMIC REVIEW AS A GENRE AND PART OF COMMUNICATION

Abstract: An academic review as a genre is a discursive unit that is relatively stabilized and it is part of communicative competence (and communicative intelligence) of speakers (an ethnic group, members of a language community). Next to the invariant features that unify the academic review on the highest level of its abstraction and generalization; it has also variant functional, content and formal particularities that differentiate it in its performance. The academic review as part of communication is the expression of an interpersonal interaction between the author, reviewer and academic community. A personal attitude (preferential, evaluative and modal) as a type of an interpersonal attitude is the key concept for the academic review. The interpersonal attitude of a reviewer in relation to the potential receiver is determined by the principle of cooperation; in relation to the author of the reviewed work it is determined by the principle of politeness that is realized as an affirmative or negative politeness.

Keywords: genre, part of communication, interpersonality, principle of cooperation, principle of politeness, attitudinal intentionality, preferential, evaluative and modal attitude.

Žáner je istý zovšeobecnený súbor pravidiel (žánrových noriem, štandardizácií), ktorými sa riadi tvorba konkrétnych komunikátov (útvarov, textov). Ján Findra vymedzuje žáner ako „koncový a prienikový textový model“ (Findra, 2008, s. 256). Žáner je v pozadí kategorizácie a teda aj taxonómie textov.

To znamená, že žáner je diskurzívny útvar, ktorý je relatívne ustálený, je súčasťou komunikačnej kompetencie (a komunikačnej inteligencie) hovoriacich (etnika, príslušníkov jazykového spoločenstva). Okrem invariantných vlastností, ktoré ho na najvyššom stupni abstrakcie a zovšeobecnenia relatívne unifikujú, vykazuje aj variantné funkčné, obsahové a formálne špecifiká, ktoré ho v jeho realizačnej podobe diferencujú. Idealizovaná recenzia jestvuje teda ako mentálna reprezentácia, ktorá má deontickú podstatu v tom zmysle, že zaväzuje komunikantov konať tak, ako to vyžaduje zmysel tohto žánru. Na druhej strane sa akceptuje oslabenie deontickej podstaty, ovplyvnené premenlivými podmienkami a motívmi konania komunikantov. (Poznámka: Pre úplnosť treba uviesť, že existujú aj odmietavé stanoviská,

ktoré žáner nepovažujú za lingvisticky relevantnú kategorizáciu, porov. Biber, 1988).

Oslabenie deontickej podstaty umožňuje žánrom vnútorne sa diferencovať. Lingvistické aj mimolingvistické faktory ovplyvnili tiež rozlíšenie odbornej a publicistickej recenzie. Takéto členenie nachádzame napríklad u Jozefa Mistríka (1985) aj Jána Findru (2004), ktorí medzi opisné žánre náučného štýlu zaraďujú odbornú recenziu a medzi analytické žánre publicistického štýlu publicistickú recenziu. Oba typy recenzií spája modus (písaný text) a príslušnosť k identickému žánru, ktorý sa vyvinul „reťazovým spôsobom z eseje, cez charakteristiku a kritiku“ (Mistrík, 1985, s. 391). Odlišuje ich uplatnenie rôznych funkčných štýlov (náučného a publicistického), miesto prezentácie (typ periodika) a anticipovaný adresát. Neostrosť hraníc recenzie ako žánru spôsobuje jej prekrývanie sa s tzv. rozborovou správou, ktorá je taktiež odôvodňujúca, dokladovaná a vysvetľujúca. Na rozdiel od recenzie spravidla nemá hodnotiacu dimenziu odrážajúcu osobný postoj. Vzťahy medzi recenziou, anotáciou, rozhľadom, kritikou, referátom sú predmetom záujmu v článku S. Ondrejoviča (2000, s. 198 – 203).

V našom ďalšom výklade sa sústredíme len na odbornú recenziu, ktorá patrí do sféry odbornej komunikácie a primárne sa uplatňuje v odborných a vedeckých časopisoch (za materiálovú bázu sme si zvolili texty recenzií, ktoré boli uverejňované v *Jazykovednom časopise* v rokoch 1980 – 2012). Adresátom odbornej recenzie je jednak autor recenzovanej práce a jednak odborná komunita. Pre autora posudzovanej práce recenzia funguje ako forma spätnej väzby, pre recipienta ako zdroj nových informácií. Recenzia je teda výrazom interpersonálnej interakcie medzi autorom, recenzentom a odbornou komunitou. Ak by sme pri identifikácii odbornej recenzie ako komunikátu, t. j. typu sociálnej interakcie, uplatnili Hallidayovu triádu (1978, s. 142 – 145) *poľa, tenoru a modu* (*field – tenor – mode*), potom *pole* odkazuje na žáner recenzie ako na súčasť odbornej komunikácie (a súvisí s ideačnou metafunkciou jazyka, t. j. aká komunikačná aktivita prebieha), *tenor* sa vzťahuje na komunikačné úlohy účastníkov komunikácie (a súvisí s interpersonálnou metafunkciou jazyka, spočívajúcou v uskutočňovaní komunikačných vzťahov), prostredníctvom *modu* sa recenzia realizuje ako písaný odborný interkomunikát (a súvisí s textovou metafunkciou jazyka, vyjadrujúcou úlohu, status a funkciu textu v danom komunikačnom kontexte). Uvedená klasifikácia sa odvíja od troch komunikačných funkcií (metafunkcií) jazyka, ktoré vymedzil M. A. K. Halliday, a to ideačnej, interpersonálnej a textovej.

Recenzia, ako napokon aj ďalšie komunikáty, je výrazom komunikačného aj mentálneho konania. V ďalšom uvažovaní budeme

v komunikačno-kognitívnom priestore recenzie vychádzať z modelu *reakcia – akcia – reakcia*, pretože recenzia vzniká ako reakcia (recenzenta) na istý text, má činnostný charakter a jej účelom je reakcia (adresáta). Zmyslom odbornej recenzie je vyvolať u recipienta kognitívne (sémantické), axiologické a pragmatické reakcie. Cieľom recenzie ako evaluačnej odbornej interpretácie je poukázať na hodnoty, ktoré recipienti majú alebo môžu v texte evidovať, a poskytnúť interpersonálne akceptovateľné interpretácie. To znamená, že činnosť recenzenta je predovšetkým účelová.

Oporným bodom nášho výkladu bude predovšetkým *interpersonálnosť* (*formálnosť* v terminológii A. A. Kibrika, 2009; *tenor* v terminológii M. A. K. Hallidaya). Interpersonálnosť súvisí so zaujatím osobného postoja recenzenta, ktorý v realizačnej fáze uplatňuje tak intertextové a interpretačné postupy, ako aj komunikačné princípy kooperácie a zdvorilosti. Súvislosť komunikácie a interakcie vidíme v tom, že komunikácia je výsledkom interakcie a pre svoje udržanie si vyžaduje interakciu. Rozlíšenie komunikácie a interakcie sa začína uplatňovať aj v interaktívne orientovanej štylistike, v ktorej sa komunikačný akt považuje za základnú jednotku verbálnej interakcie a text je základnou jednotkou verbálnej komunikácie (porov. Slančová, 2004, s. 18).

Interpersonálne vzťahy sú pre recenziu podkladom pre intertextové vzťahy. Tým, že text recenzie vzniká ako reakcia na iný text, nielen predpokladá, ale najmä vykazuje intertextuálnosť (intertextuálnosť ako kontinuitu medzi jednotlivými komunikátmi, porov. Čechová, 2003, s. 47). Táto skutočnosť predstavuje interkomunikátové súvislosti, referenčnú stránku intertextuality. Intertextové nadväzovanie sa začína už výberom textu a prejavuje sa v podobe: a) explicitnej alebo implicitnej referencie na text ako na žáner; b) referencie na recenzovaný text; c) referencie na iné texty. Dôležitými faktormi sa tu stávajú aj paratextové ukazovatele – v odborných časopisoch sú recenzie umiestňované do samostatných blokov, ktoré sú explicitne nazývané recenzie; referencie na recenzované texty bývajú uvádzané v podobe kompletných bibliografických záznamov, referencie na iné texty majú podobu skrátených bibliografických údajov. Referenčnú stránku intertextuality vo vnútri textu recenzie zabezpečujú odkazy, parafrázy a citácie. Napríklad v doklade (1) recenzentka uplatnila popri parafrázovaní aj odkaz na ďalšiu prácu, ktorú ďalej nekonkretizuje, keďže predpokladá, že je v danej odbornej komunite všeobecne známa:

(1) *Pri vymedzovaní slovtvorného významu je E. A. Zemská proti tomu, aby sa slovtvorný význam opisoval v priveľmi všeobecných vyjadreniach typu „proces, ktorý má vzťah k substancii“ (pri slovtvorných významoch*

slovies), aké nájdeme napríklad v akademickej gramatike ruštiny z r. 1980 (Buzássyová, 1994, s. 154).

Odkazovanie má charakter individuálnej referencie a určitej (konkrétnej) identifikácie. Je neoddeliteľnou súčasťou štandardnej obsahovej štruktúry žánru odbornej recenzie, v ktorej môže mať štatút prostriedkov endoforického alebo exoforického textového nadväzovania. Konštrukcia pri endoforickom zapojení je pevnou zložkou textu a jej elidovaním by sa narušila formálna a obsahová koheznosť a zmysel textu. Adherentné zapojenie referencie do textu súvisí s tými odkazovacími konštrukciami, ktoré slúžia na exoforickú identifikáciu informačného zdroja. Ich vypustením sa zmysel textovej sekvencie nestráca.

Medzitextové nadväzovanie sa vzťahuje aj na rovinu obsahu, aj na rovinu výrazu, t. j. rozlišuje sa tematické medzitextové nadväzovanie a jazyko-štylistické medzitextové nadväzovanie. Tematické nadväzovanie sa zakladá na vzťahu „pretext – posttext“. Z tohto aspektu sa recenzia v jej žánrovej podstate javí ako interpretovaný posttext.

Problematiku interpretácie uvedieme konštatovaním, že kvalitu textu ako komunikátu (a teda aj recenzie) ovplyvňuje komunikačná inteligencia komunikantov (podrobnejšie túto problematiku ozrejmuje J. Dolník, 2009, s. 328 – 329). Komunikačná inteligencia sa prejavuje „ako navodenie istej akomodáčnej proporcie v interakcii s danými komunikačnými podmienkami a problémami so zreteľom na ich ovládnutie“ (op. cit., s. 328). Keďže v centre interakcie je v našom prípade recenzent, jeho komunikačná inteligencia sa reflektuje v hodnote jeho komunikačnej ponuky a v jeho komunikačnej obratnosti. Hodnotu komunikačnej ponuky vo všeobecnosti určuje kongruencia motivačných svetov tvorcu a príjemcu. Motivantom pre recenzenta ako tvorcu nového komunikátu môže byť úsilie vyjadriť kvalifikovaný a kompetentný postoj k recenzovanej práci, motivantom pre príjemcu môže byť záujem získať kvalifikované a kompetentné informácie o recenzovanej práci. Komunikačnú obratnosť prezentujú komunikačné znalosti a zručnosti recenzenta, ktoré, ako uvádzame neskôr, sa odvíjajú od verbalizácie prevažne asertívnej a afirmatívnej intencionálnosti, ktorá je ovplyvňovaná uplatňovaním komunikačných princípov kooperácie a zdvorilosti. Inak povedané, predpokladom funkčnosti komunikácie je funkčnosť jej sémantického, axiologického a pragmatického priestoru. Komunikáciu možno považovať za funkčnú vtedy, keď príjemca je schopný informácie akceptovať a porozumieť im v miere, ktorá je v danom kontexte prijateľná alebo postačujúca. Informácie odstraňujú neistotu len vo sfére vymedzenej záujmom príjemcu. Ladislav Tondl (2006) v tejto súvislosti používa termíny transinformácie

a pragmatické informácie. Pragmatické informácie vyjadrujú vzťahy medzi prenášanými informáciami (transinformáciami) a kompetenciou ich používateľov. Dôležitým aspektom transinformácií je ich smerovací potenciál. Napríklad slovné spojenie *stručný pohľad*, uplatnené recenzentom vo vzťahu k autorovi, môže inferovať negatívny postoj (výčitku), kým vo vzťahu k sebe vlastnú skromnosť (a tým pozitívnu evaluáciu).

Recenzent ako súčasť interpersonálnej interakcie sa stáva konkrétnym subjektom interpretácie (akýmsi arbitrom), centrom interpretačného kruhu. Recenzia je totiž založená na interpretácii (a tu sa rozchádzame s názorom J. Mistríka, ktorý konštatuje, že „recenzia nie je ani interpretácia a ani kritika“; 1984, s. 446) a jej zmyslom je hľadanie účinných interpretácií. Interpretáciu pritom evidujeme v troch rovinách: interpretácia ako fenomén gnozeológie (kognitívny aspekt, o ktorom tu nebudeme hovoriť), interpretácia ako chápanie, porozumenie textu (recepčná interpretácia) a interpretácia ako metajazyková explanácia textu (percepčná interpretácia).

Recepčná interpretácia, ktorá zodpovedá aktivizácii porozumenia, integruje tri stránky: gnozeologickú (poznávanému sa prisudzuje zmysel), axiologickú (poznávanému sa pripisuje hodnota) a pragmatickú (činnosti sa pripisuje zmysel). Percepčná interpretácia, ktorá súvisí so spôsobmi verbalizácie, sa uplatňuje v procese výkladu textu. Dve roviny interpretácie rozlišuje aj Umberto Eco (2009). Terminologicky ich označuje ako sémantickú a kritickú. Sémantická interpretácia je výsledkom procesu, keď recipient stojí pred lineárnou manifestáciou textu a vyplňuje ju určitým obsahom (toto metaforické vyjadrenie súvisí so schémou interpretácie, ktorej polia U. Eco nazýva „metatextové nádoby“ a ktoré sú súčasťami transformácií z výrazového plánu do obsahového). Kritická interpretácia je metajazyková aktivita, ktorá si kladie za cieľ opísať a vysvetliť, z akých formálnych dôvodov určitý text produkuje danú reakciu (op. cit., 2009, s. 64).

Otázkami, ktoré vyvoláva proces porozumenia a výkladu textov (textov ako zmysluplných foriem) sa zaoberajú pomerne rozmanité teórie interpretácie (ich analýzu nájdeme u P. A. Bílka, 2003). Úspešný výklad sa má napríklad v intenciách hermeneutiky riadiť týmito zásadami: a) zásadou autonómie textu; b) zásadou celkovosti textu; c) zásadou aktivizácie porozumenia; d) zásadou adekvátnosti porozumenia. Prvé dve zásady sa týkajú textu, tretia a štvrtá procesu porozumenia. Zásada autonómie textu hovorí, že text treba akceptovať v podobe autorského stvárnenia, zásada celkovosti naznačuje potrebu začlenenia textu do širších súvislostí, zásadu aktualizácie porozumenia možno chápať ako subjektívnu aktualizáciu zmyslu textu interpretom a zásada adekvátnosti porozumenia sa týka jeho interpretačných dispozícií (porov. Sousedík, 2008). Interpretácia je teda porozumenie textu

spolu s pochopením jeho zmyslu. Zmysel textu (v intenciách hermeneutiky) „je vždy spoločným dílom toho, kto jej zanechal, a toho, kto s ním pracuje“ (Filosofický slovník, 1998, s. 168). Kvalita interpretácie je determinovaná jazykovou inteligenciou (jazykovooperačnou a komunikačnou, porov. Dolník, 2009, s. 328). Explicitná, verbalizovaná interpretácia funguje (slovami F. Mika) „ako vyhľadávaci a orientujúci faktor. Nechce z diela nič vylúčiť, nič v ňom zmeniť, sploštiť, chce len vrhnúť kus svetla na to, čo je tu cieľom, na fenomén zmyslu diela“ (op. cit., 1989, s. 161). Žánrové pravidlá recenzie ako odbornej interpretácie naznačujú kompromisné riešenie medzi pozitivistickým objektivizmom, ktorý potlačuje osobnosť interpreta, a postmodernistickým subjektivismom, ktorý sa prejavuje v absolútnom interpretačnom relativizme.

Interpersonálnosť súvisí s pozíciou aktérov v odbornej komunikácii. Keďže recenzia je súčasťou triadickej interakcie, v jej komunikačnom modeli je autor recenzovanej práce, recenzent a adresát.

Autor je v texte sprítomňovaný sprostredkovane, cez metonymicky realizované onymické nominácie, porov.: (a) *príspevok M. Dudoka; štúdia K. Buzássyovej; knižka E. Sekaninovej; učebnica S. Savičovej; preklad M. Oravcovej; štúdie V. Blanára*; (b) *Mikove úvahy; Novákov výklad; Cholodovičov článok; Erhartov príspevok; Blanárova teória; Horeckého konštatácia* (tento model sa napríklad v ruštine neuplatňuje); alebo v rámci predikatívnych konštrukcií typu *F. Daneš poukázal na...; D. Blake prezentuje...; I. Nebeská zdôraznila...; M. Krčmová venovala pozornosť...; J. Sabol vychádza z...; J. Kořenský nastolil problematiku...; J. Mlacek konštatuje...* a pod.

Recenzent v texte recenzie vystupuje zväčša ako postava v úzadí (v recenzii sa uplatňuje princíp odstupu, o ktorom budeme hovoriť neskôr), čo však nevylučuje možnosť zviditeľnenia sa, porov.:

(2) *Ako štylistik som opäť našiel mnoho podnetov v Bosákových úvahách o štýloch a o stratifikácii slovenčiny* (Findra, 1996, s. 52).

(3) *Hoci v lexikologických prácach doma i v širšom lingvistickom svete sa lingvisti občas sporia o štatúte neosémantizmov <...>, v posudzovanej príručke je – podľa mňa oprávnene – venovaná dôkladná pozornosť aj tomuto fenoménu* (Orgoňová, 2006, s. 129).

Adresátmi sú a) bližšie nešpecifikovaní čitatelia recenzie; b) autor recenzovanej práce a c) potenciálni čitatelia recenzovanej práce (doklad 4), porov.:

(4) *Zborník si so záujmom prečítajú jazykovedci, psycholingvisti a psychológovia* (Krupa, 1992, s. 74).

Recenzent explicitne indikuje v komunikačno-kognitívnom priestore recenzovanej práce jej potenciálnych adresátov. Vychádza z poznania relevantných typových vlastností recipientov a anticipácie ich možných reakcií. Aktuálny čitateľ recenzie si uplatnením kontextových implikácií (Dolník, 1993, s. 122 – 124) môže okrem iného vyvodiť, že recenzent zrejme opodstatnene vyjadruje pozitívnu reakciu (subjektívnosť), anticipuje presvedčenie, že adresáti prejavia primerané reakcie (anticipácia), keďže sa ako príslušník odbornej komunity opiera o skúsenosť, že odborníci sa oboznamujú s odbornými publikáciami (zovšeobecnenie) a že práca má vlastnosti, ktoré oprávnenne vyvolajú aj u nich záujem (kauzácia).

Vráťme sa k recenzii, ktorá ako komunikát má komunikačné parametre akoby odvodené z formuly: *niekto informuje niekoho o niečom, nejako, s nejakým zámerom a s nejakým účinkom*. Parametre *niekto informuje niekoho o niečom* naznačujú model interpersonálnej interakcie (reakcia), parametre *informuje nejako a s nejakým zámerom* (činnosť) sa premietajú do postoja percipienta (recenzenta) a parameter *s nejakým účinkom* (reakcia) je v postojovej sfére recipienta (adresáta). V tejto súvislosti poznamenávame, že recenzia ovplyvňuje postoj adresáta ako zdroj informácií a jej atraktivita súvisí s dôveryhodnosťou a autoritou recenzenta aj autora recenzovanej práce a tiež s obsahom, štruktúrou a štýlom podávaných informácií. Recenzia je teda prejavom a výsledkom egoangažovaného diskurzívneho konania. Ukazuje sa, že pre žáner odbornej recenzie je kľúčový pojem osobný postoj ako typ interpersonálneho postoja. Osobný postoj vo všeobecnosti vyjadruje vzťah k nejakej hodnote, spôsob hodnotenia a zároveň je produktom hodnotenia. Hodnota je špecificky ľudský fenomén, ktorý má individuálnu, skupinovú, inštitucionálnu, spoločenskú alebo globálnu dimenziu. Integruje znalostné a hodnotové postoje, ktoré sú dôležitou zložkou kompetencie každého komunikanta a predpokladom pre zaujatie osobného postoja. Ako sme už spomínali, hodnotový status informácií sa určuje ich smerovacím potenciálom, t. j. potenciálnou schopnosťou evokovať adekvátne rozhodovanie a konanie. Každý postoj má tri komponenty: kognitívny, emotívny a konatívny. Kognitívny komponent vystupuje ako determinant spracovania informácií. Emotívny komponent „vzniká ako výsledok významovej analýzy situácie“ (Slaměnik, 2001, s. 52) a určuje intenzitu postoja, ktorá môže byť vyjadrená pozíciou na škále postojového kontinua (porov. Nakonečný, 2009, s. 247). Z tohto hľadiska možno v komunikátoch rozlíšiť dva prípady prítomnosti emotívneho elementu: a) komunikát obsahuje prejav emócií (v recenzii sú afektívne reakcie z pochopiteľných dôvodov neadekvátne a neprípustné); b) komunikát vyvoláva u recipienta emocionálnu reakciu. Konatívny komponent implikuje rys „aktivity“ konateľa, ktorý sa na úrovni diskurzívneho

konania premieta do spôsobov verbalizácie. Postoje sú inherentnou súčasťou komunikačných funkcií (v odborných recenziách sa realizuje prevažne asertívna komunikačná funkcia). Hovorenie ako konanie sa stalo základnou tézou teórie rečových aktov. Rečové akty sú konvencionalizovanou formou konania, ktoré je determinované určitými pravidlami. Spôsob používania jazyka totiž vypovedá o preferenciách a motívoch konania (rozdiel medzi postojom a motívom spočíva v tom, že postoj ovplyvňuje spôsob konania, kým motív je jeho podnetom, príčinou). Postoje sú len relatívne stabilné, utvárajú sa a menia vždy len v určitom kontexte. K zmene postoja dochádza pri kognitívnej disonancii, keď sa vzťah medzi postojom a faktmi stáva protichodným.

Postoj je v lingvistike rozpracovaný ako postoj hovoriaceho, pričom lingvistické teórie sa rôznia podľa prístupu, a to buď z pozícií funkcie alebo výrazu: (1) z pozície teórie rečových aktov; (2) z pozície teórie modality; (3) z pohľadu syntaktických vzťahov vo vete; (4) z aspektu teórie veta – výpoved', v ktorej postojová sféra (komentár hovoriaceho) patrí do tzv. „tretej syntaktickej roviny“, t. j. do roviny „výstavby výpovede“ (Daneš, 1964). Z pozícií teórie modality vychádza M. Grepl (1998), ktorý rozlišuje štyri základné typy postojov hovoriaceho: a) epistemický, b) hodnotiaci, c) preferenčný a d) emocionálny. V našom ďalšom výklade budeme uplatňovať hľadisko postojovej intencionálnosti, keďže, ako uvedieme neskôr, v odbornej recenzii sa okrem emocionálneho postoja realizuje i preferenčný, hodnotiaci a modálny postoj, ktorý zahŕňa modalitu možnosti, nutnosti a istoty.

Postojová intencionálnosť (ilokučná funkcia) má v recenzii charakter *zdôvodňovaného odporúčania*, a to v zmysle *odporúčam*, resp. *odporúčam s výhradami* v prípadoch, keď sú splnené podmienky pre aktuálnu realizáciu preferencií. Tretí člen škály – *neodporúčam* – sa v odbornej recenzii prakticky neuplatňuje, keďže je akoby na periférii osobných preferencií recenzenta (na rozdiel od odborného posudku).

Preferenčný postoj možno veľmi všeobecne charakterizovať ako *mať/nemať záujem*. Volitívnosť sa môže realizovať aj ako explicitná volitívnosť recenzenta (doklad 5) alebo ako explicitná volitívnosť potenciálneho eventuality recipienta (doklad 6):

(5) *Na záver našich úvah o vydarenej kolektívnej monografii chceme konštatovať, že hoci táto publikácia nerieši všetky otázky a problémy ľudského faktora v jazyku, je určitým vkladom do tejto širokej problematiky a jej riešenia* (Mikluš, 1992, s. 154).

(6) *Štekauerovu príručku možno vrelo odporúčať všetkým anglistom, ale aj študentom angličtiny, ktorí sa chcú zoznámiť so základmi všeobecnej jazykovedy* (Krupa, 1995, s. 57).

Na preferenčný postoj sa vždy viaže postoj hodnotiaci (ktorý býva sprevádzaný modálnym postojom):

(7) *Slovník Nová slova v češtině. Slovník neologizmů je hodnotné, informačně nasýtené dílo, které radi odporúčame nielen lingvistom, ale aj širšej kultúrnej verejnosti* (Buzássyová, 1999, s. 44).

Hodnotiaci postoj vyjadruje pozitívne, neutrálne (ambivalentné) alebo negatívne stanovisko, ktoré je výsledkom jazykovo-sociálnych štandardizácií. Štandardizácie sú „skonvencionalizované jazykové reakcie v rámci sociálnych interakcií v istom jazykovom spoločenstve. Štandardy reprezentujú ustálené interpretácie, ktorými si dané spoločenstvo vytvorilo svoj prirodzený kultúrny svet“ (Dolník, 2009, s. 119). Hodnotenie je v odbornej recenzii často verbalizované explicitne deklaratívne (prostredníctvom tzv. komentorov /porov. ďalej/), napr.:

(8) *Oceňujeme a zrejme aj používatelia veľmi ocenia bohatú exemplifikáciu, ktorá <...>* (Šimková, 1999, s. 134).

(9) *V úvahe o motivácii dištinkívnych príznakov sa predovšetkým zmierňuje striktné odmietnutie fonetiky, lebo ako sa správne konštatuje, dištinkívne príznaky sú založené do značnej miery na spôsobe a mieste artikulácie* (Horecký, 1993, s. 150).

Modálny postoj sa v recenziách prezentuje najmä ako modalita možnosti, nutnosti a istoty. Na povrchovej rovine ho signalizujú modálne relátory typu *musieť, môcť, smieť, mať, chcieť, vedieť, ísť, dať sa, možno, nemožno, treba, netreba* a pod. a ich lexikálne a gramatické okolie.

Modalita možnosti rozlišuje modálne významy *objektívnej možnosti, očakávania a vhodnosti*, porov.:

(10) *Knihu Jazyk, veda o jazyku, societa, ktorú možno pokladať za výrazný príspevok do lingvistického myslenia na Slovensku, možno zároveň pokladať za štylistický prínos k úrovni slovenského vedeckého vyjadrovania* (Slančová, 2009, s. 89).

(11) *Pristaviť by sa dalo pri prvom prípade gramatikalizácie. V tomto kontexte by bolo prínosné spomenúť aj kategóriu limitných slovies, ktoré patria k výrazným špecifikám slovenčiny medzi slovanskými jazykmi* (Ivanová, 2011, s. 69).

Modalita nutnosti sa diferencuje na *nevyhnutnosť, očakávanie, vhodnosť* (porov. Mluvnice češtiny 3, 1987, s. 278):

(12) **Treba očakávať** rozšírenie teórie aj na tvorenie prídavných mien a slovíes (Horecký, 2000, s. 40).

(13) *Aj toto riešenie **by si však vyžadovalo** detailnejšie zisťovanie a hodnotenie situácie v aktuálnych ústnych a písomných textoch* (Findra, 2007, s. 149).

Nepriamu modalitu nutnosti vyjadrujú aj výrazy s anulatívnym záporom typu: *niet pochýb o tom, že...; netreba zdôrazňovať, že...; nedá sa nespomenúť...;* porov.:

(14) **Netreba** azda osobitne **zdôrazňovať**, že pri svojich analýzach osvedčuje J. Šikra aj širokú znalosť príslušnej literatúry, že ju nielen vhodne využíva, ale aj výrazne obohacuje (Horecký, 1992, s. 71).

(15) **Nedá mi však** v tejto súvislosti **nespomenúť** potrebu oveľa dôslednejšieho záverečného prečítania textu, tým viac, že je to text určený pre široké publikum (Slančová, 2001, s. 132).

Modalita možnosti a nutnosti bývajú implikované podnetom pre danú modalitu, porov.:

(16) *V záujme objektívnosti **musíme** však **vidieť** aj prednosti tejto práce* (Švihran – Švihranová, 1980, s. 182).

Modalita istoty indikuje rôzne stupne presvedčenia recenzenta o platnosti svojho stanoviska. Istotná modálnosť je inherentnou súčasťou asertívnych propozícií, porov.:

(17) *Zborník ukázal, že vedecká lexikografia a lexikológia patrí k tej časti slovenskej jazykovedy, kde **sa nemusíme báť** medzinárodnej konfrontácie* (Jarošová, 2003, s. 91).

(18) **Niet pochýb** o tom, že bohatá slovenská encyklopedická literatúra sa rozrástla o ďalšie hodnotné dielo (Dolník, 1994, s. 60).

Nepriamu modalitu istoty vyjadrujú tzv. anulatívne otázky. Sú to zväčša negatívne orientované rečnícke otázky, ktoré inferujú pozitívne propozície, porov.:

(19) *Nie je takýchto textov aj v našej domácej vede nejakomálo?* (Ondrejovič, 1991, s. 150).

Na rozhraní medzi istotným a preferenčným postojom sú postoje vyjadrujúce *nádej, obavy, pravdepodobnosť, zneistenie* a pod., ktoré bývajú indikované postojovými slovesami (*dúfame, že...*) alebo časticami (*azda...*):

(20) *Je azda nesporné, že zmeny predpokladaných základných konštrukcií, resp. ich transformácie nepatria k základným činnostiam hovoriaceho pri používaní jazyka, ale že sú výsledkom pozorovania a úvah analyzátora hotových textov* (Horecký, 1995, s. 45).

Z podstaty recenzie ako žánru vyplýva, že súčasne s postojovou intencionalnosťou (preferenčným, hodnotiacim a modálnym postojom) sa uplatňuje tiež persuzívna intencionalnosť. Persuzia vo všeobecnosti sleduje zmenu uvažovania adresáta, a to v súlade s presvedčením percipienta. Ako konštatuje Juraj Dolník (2009), pragmatika presvedčovania má znalostný aspekt, ktorý súvisí so znalostnými predpokladmi aktérov presvedčovania, a činnostný aspekt, ktorý súvisí s otázkou, čo sa deje pri presvedčovaní. Znalostné predpoklady recipientov recenzie sú anticipované s ohľadom na ich príslušnosť k odbornej komunite, činnostný aspekt sa odvíja najmä od hĺbkového presvedčovania, ktoré je „založené na očakávaní, že percipienti pri vnímaní obsahu príslušných komunikátov sú principiálne pripravení posunúť sa na úroveň druhostupňového hodnotenia <...>“ (op. cit., s. 324). Hĺbkové presvedčovanie je v recenziách založené napríklad aj na inferenciách, že dobrý autor napísal kvalitný text, dobrý recenzent ponúka kvalitnú recenziu, s ktorou sa čitateľ môže stotožniť.

Ako sme už naznačili, postojová aj persuzívna intencionalnosť sa v texte reflektuje aj prostredníctvom **komentorov** (v terminológii F. Čermáka, 2005). Sú to také verbálne výrazy, ktorými subjekt explicitne prezentuje svoje egoangažované konanie, vyjadruje svoj osobný evaluačný postoj a zároveň za tento postoj intervenuje. Komentory sú teda funkčne vymedzené výrazové prostriedky, ktoré tvoria akýsi preferenčný, hodnotiaci a modálny komentár k obsahu propozícií. Ich vlastnosťou je voľné použitie vo vete (ich elidovaním sa veta spravidla nedeformuje ani sémanticky, ani konštrukčne) a vzájomná zameniteľnosť, ktorá súvisí so selekčnou voľnosťou a nie s koločnou reštrikciou (Sokolová, 2003). Pragmatické efekty, ktoré sa nimi dosahujú, sú závislé od kontextu, obsahu propozícií a tých výrazových prostriedkov, ktoré určujú komunikačné funkcie týchto propozícií. Základné komunikačno-pragmatické funkcie komentorov sú: generalizačná – vyjadruje všeobecnú platnosť informácií; expresívna – odráža osobnú zaujatosť

autora vo vzťahu k informáciám; veritatívna – prezentuje presvedčenie autora o pravdivosti alebo nepravdivosti informácií; evaluačná – predstavuje hodnotiaci postoj autora k informáciám. Komentory predstavujú heterogénnu skupinu výrazov, ktoré spája význam zosilnenia (sú označované tiež ako *upgraders, intensifiers*) alebo význam zoslabenia (bývajú nazývané aj ako *hedges, mitigators, weakeners, softeners, understaters, downtoners, committers, compromisers, hesitators, scope-staters*). Jadro komentorov v recenziách tvoria lexikálne prostriedky s hodnotiacimi a/alebo intenzifikačnými komponentmi, porov.:

- adjektíva: *dôležitý, cenný, hodnotný, závažný, dobrý, vydarený, zaujímavý, fundovaný, priekopnícky, výnimočný, originálny, pozoruhodný, inšpiratívny, podnetný, sľubný, atraktívny, presvedčivý, imponantný, minuciózný, bohatý, značný, slabý*;
- príslovky: *dobré, dôstojne, tvorivo, nesporne, presvedčivo, výstižne, brilantne, premyslene, elegantne, neobvyčajne, jasne, zreteľne, nepochybne, nevyhnutne, osobitne, vrelo, šťastne, nesporne, zbytočne*;
- substantíva: *prednosti, vklad, prínos, obohatenie, príťažlivosť, záujem, pochybnosti, pochyby* (napr. v tvare *nieť pochyb*);
- slovesá: *odporúčať, vyzdvihnúť, hodnotiť, oceniť, reprezentovať, motivovať, zúročiť, (ne)znižovať, namietat'* (napr. v tvare *dalo by sa namietat'*);
- častice: *azda, však, skutočne, napokon, ešte, síce, aj a pod.*

V odborných recenziách registrujeme zreteľnú prevahu komentorov s pozitívnymi konotáciami, čo priamo súvisí s realizovaním komunikačných stratégií, ktoré sa v pragmalingvistike spájajú s komunikačnými princípmi kooperácie a zdvorilosti (a s menom H. P. Gricea). Interpersonálny postoj recenzenta je vo vzťahu k potenciálnemu čitateľovi determinovaný princípom kooperácie, vo vzťahu k autorovi recenzovanej práce dominuje princíp zdvorilosti. Recenzia vždy prezentuje kognitívno-axiologicko-pragmatickú reakciu, ktorá bola základom pre zaujatie interpersonálneho postoja (ktorý sa v recenzii realizuje v zmysle súhlasnej alebo nesúhlasnej zdvorilosti). Princíp irónie sa v odbornej recenzii spravidla neuplatňuje na úrovni žánru, ale len v ojedinelých prípadoch na úrovni propozícií (mierne ironickú tonalitu majú napríklad niektoré propozície v recenzii J. Bosáka, 1999, s. 130 – 131). Propozícia je vtedy ironická, keď na základe kontextových implikácií okrem svojho zdanlivého priameho významu vyjadruje i odlišný až opačný význam. Je tiež zrejmé, že aj princíp irónie má byť v texte tohto typu limitovaný princípom zdvorilosti. Slavomír Ondrejovič (2000) v tejto súvislosti konštatuje: „V tomto žánri je dovolené použiť, pravdaže, aj iróniu, tá sa však musí uplatniť s vkusom

a s citom pre mieru a jej prítomnosť musí zreteľne vyplynúť z argumentácie recenzenta“ (op. cit., s. 203). To znamená, že interpretačnú optiku recenzie tvoria predovšetkým komunikačné princípy kooperácie a zdvorilosti.

Princíp kooperácie eviduje štyri zásady: kvantity, kvality, relevancie a spôsobu. Kooperácia patrí popri kompetícii a konflikte k základným dimenziám interpersonálnych interakcií. Princíp kooperácie sa v istom zmysle uplatňuje akoby v dvoch rovinách – primárne vo vzťahu k adresátovi a sekundárne vo vzťahu k autorovi. Jednotlivé zásady budeme ďalej aplikovať na text recenzie.

Zásada (maxima) kvantity sa vzťahuje na rozsah textu, jeho extenziu, ktorá je prvým orientačným kvalifikátorom útvaru, ovplyvňujúcim genézu (i identifikáciu) textu. Súvisí s hľadaním rovnováhy medzi exaktnosťou a ekonomicou výrazu. Z pohľadu rozsahu sa recenzia zaraďuje medzi kratšie, resp. stredné útvary s uzavretou formou.

Zásada kvality súvisí s obsahovou a ilokučnou štruktúrou textu. Predpokladá (pravdivé) informácie o už publikovanej odbornej práci (monografii, vysokoškolskej učebnici, vedeckom zborníku, slovníku). Tu sa dostávame k prvej definičnej vlastnosti textu – informatívnosti, ktorá určuje jeho hĺbkové, obsahovo-tematické kontúry. Reflektuje jednak proces spracovania informácií – ich získanie, výber, transformáciu a usporiadanie – a jednak tematizáciu propozičných obsahov. Tematizácia sa vzťahuje na obsahovú súvislosť propozícií v texte a zaručujú ju inferencie generované princípom relevancie. Povrchová organizácia obsahu je diferencovaná a zabezpečuje ju väzba na funkčný (náučný) štýl. Medzi hĺbkovou a povrchovou organizáciou je vzťah interferencie. Ilokučná štruktúra je daná ilokučnou funkciou zdôvodňovaného odporúčania. Zásada kvality sa odvíja aj od motivácie a tiež predpokladá už spomínanú jazykovú (t. j. jazykovooperačnú a komunikačnú) inteligenciu recenzenta.

Zásada relevancie implikuje uchopenie relevantných informácií. Riadi sa ilokučnými stratégiami a realizuje sa na úrovni usporiadania propozícií (zreťazovania, konkatenácie ako druhej definičnej vlastnosti textu integrujúcej jeho lineárnosť aj kompozičnosť). Konkatenácia propozícií a segmentácia makropropozičných celkov rezultuje v makrokompozičnom členení textu, ktoré je spravidla trojčlenné a delí sa na úvod, jadro a záver (žáner textu implikuje jeho štruktúru). V úvode sú z pohľadu všeobecnej tematizácie obsiahnuté informácie o recenzovanej publikácii, jadro tvorí analýza, interpretácia jednotlivých relevantných častí práce a záver obsahuje celkové zhodnotenie. Ukončenie textu spravidla signalizuje samostatný odsek. Záver môže byť explicitne iniciovaný výrazmi typu: *na záver*, *napokon*, *súhrnne povedané*. Pre

recenziu je typická možnosť taxatívneho vymenovania častí posudzovanej práce, porov.:

(21) *Monografiu tvorí úvod, šesť kapitol, záver, anglické resumé, zoznam analyzovaných deskripcií a ďalších internetových textov, bibliografia a menný a vecný register* (Ráčová, 2011, s. 145).

Zásada spôsobu vyplýva z podoby prezentácie, ktorá je určovaná kódom komunikátu a písomnou formou komunikátu. Aj od recenzie ako výhradne písaného komunikátu sa očakávajú také rysy, ktoré na základe lingvistických analýz boli identifikované pre všetky typy písaných textov: *pripravenosť, plánovitosť, formálnosť; dominantná orientácia na obsah; zložitejšia tematika; dekontextualizácia; statickosť; retrospektívne zameranie; abstraktnosť, racionálnosť, analytickosť, logickosť; organizovanosť, usporiadanosť; komplexnosť; explicitnosť; určitosť* (porov. Čmejrková – Hoffmannová, 2011, s. 35). Keďže spôsob prezentácie informácií sa uskutočňuje v súčinnosti s funkčnými štýlmi, v odbornej recenzii sa písaný modus spája s náučným štýlom a indikatívom, v ktorom sa akceptuje striedanie informačných, opisných a výkladových pasáží, takže prirodzene vzniká „efekt rezonancie“ (porov. Kibrik, 2009, s. 15). Ten môže byť dôvodom vyššieho podielu menšej lexiky oproti slovesnej. Zásada spôsobu sa odvodzuje od spätosti textu s komunikačnou situáciou. Vychádza z komunikačného zámeru, ktorým je informovanie sprevádzané osobným postojom recenzenta. Recenzia je síce navonok monologická, vnútorne je však dialogická, keďže je určená jednak pre príslušníkov odbornej komunity a jednak pre autora. V recenzii ako písanom komunikáte sa uplatňuje „teutonský“ model vedeckého vyjadrovania, ktorý je etablovaný v kultúrnom prostredí strednej Európy, takže dochádza k „odstupu“ recenzenta od uvádzaných informácií (porov. *detachment*, Chafe, 1982; *otstrannosť*, Kibrik, 2009). To vysvetľuje preferovanie trpného slovesného rodu (opisného aj zvrätneho pasíva) s nulovým agensom (anonymizovaným alebo generalizovaným), porov.:

(22) *Konštatuje sa „hraničná príbuznosť“ sociolingvistiky a dialektológie, manifestujúca sa najmä pri empirických výskumoch objektov v teréne a pod.* (Ripka, 1994, s. 65).

Prítomnosť nulového agensa často súvisí aj so skutočnosťou, že agens (autor) je adresátovi známy a že z pohľadu recenzenta je dôležitejší paciens, t. j. prostredníctvom paciensa vyjadrený obsah nových informácií. Zmeny

v syntaktických pozíciách sú zároveň zmenami v komunikačných rangoch (porov. *kommunikativnyj rang*, Plungian, 2000). Dodajme, že v slovenčine aj ruštine má najvyšší komunikačný rang podmet vety. Keďže pasívne konštrukcie sú neodmysliteľnou súčasťou intelektualizácie textov, mierou odsúvania agensa do pozadia sa zvyšuje ich abstraktnosť.

Princíp zdvorilosti eviduje viacero navzájom sa prekrývajúcich zásad. Pre recenziu sú signifikantné zásady súhlasu, taktu, skromnosti a kontaktu. Princíp zdvorilosti je sociálne podmienený univerzálny jav sociálnej interakcie (porov. zdvorilosť ako jednu z podôb sociatívnosti v Mikovej výrazovej sústave). Prejavuje sa v stereotypne fungujúcich rečových modeloch a formulách (napríklad uplatňovanie kondicionálu vo funkcii výrazu zdvorilosti). Zdvorilosť je relatívna, premenlivá, štruktúrovaná v zmysle štruktúrovanej stupnice významov, ktorá vyjadruje hodnoty kladné (zdvorilosť v užšom zmysle slova), neutrálne aj záporné, t. j. nedostatok zdvorilosti, resp. nezdvorilosť (porov. Kraus, 2004, s. 156). Realizuje sa v rámci tzv. pozitívnych alebo negatívnych, resp. minimalizačných a maximalizačných stratégií (Leech, 1983). Zdvorilosť je súčasťou „interakčnej etikety a akceptovania istých spôsobov konania interaktantmi“ (Dolník, 2008, s. 268). V recenzii sa zdvorilosť rieši v rovine recenzent – autor a v rovine recenzent – adresát. Z jazykových identifikátorov ju signalizuje predovšetkým gramatická kategória osoby. Jej sémanticko-komunikačným podložitím sú zóny: *ja // my* – zóna recenzenta; *on, ona, oni* – zóna autora; *ty // vy* – zóna adresáta. Ide o identifikáciu a orientáciu po línii personálneho, sociálneho a komunikačného parametra. Ako konštatuje V. Krupa, „kategóriu zdvorilosti možno pokladať za manifestáciu hĺbkovej kategórie osoby“ (Krupa, 1980, s. 93). Zdvorilosť je budovaná na gradačnej škále medzi *neformálnosťou* a *formálnosťou*. V odbornej recenzii má zdvorilostná formálnosť komunikačné, textové, propozičné a lexikálno-gramatické stvárnenie.

Zásada súhlasu, súhlasná zdvorilosť sa pohybuje po škále vyjadrenia takých interpersonálnych hodnôt, akými sú *podpora*, *konformita* a *uznanie*, porov.:

(23) *Furdíkova monografia nesporne patrí na prvý regál knižnice slovenského jazykovedca* (Dolník, 1995, s. 44).

Na rozhraní medzi súhlasnou a nesúhlasnou zdvorilosťou je *benevolencia* a *odporúčanie s výhradami*, porov.:

(24) *Predložený výklad si však nevyhnutne vyžaduje doplňujúcu analýzu, ktorá by odrážala stav súčasnej slovenčiny* (Ondrejovič, 1995, s. 48).

Zásada taktu úzko súvisí s uplatňovaním princípu solidárnosti. Pripomeňme, že skupiny v odborných komunitách sú pomerne kohézne, takže sa predpokladá lojalita (ktorá môže prejsť do autocenzúry). Pod taktom sa vo všeobecnosti rozumie rešpekt voči partnerovi a citlivé sformulovanie názorových rozdielov. Nesúhlasné zdvorilostné stratégie sú akoby eliminovaním disonancií, takže bývajú spájané s formuláciami, ktoré sú vágnejšie a akoby únikové (aj preto im vyhovujú neosobné konštrukcie). Pragmatický základ propozícií tvorí forma „áno, ale...“, ktorá umožňuje zotrvanie na vlastnom názorovom stanovisku, porov.:

(25) *Zdá sa nám, že v rámci polysémie by bolo náležité podrobnejšie diferencovať typológiu lexikálnych významov <...>* (Blanár, 1995, s. 54).

(26) *Trochu prekvapuje, že v českej publikácii sa autori pridriavajú zväčša staršieho termínu (jazykový) útvar – v anglickom preklade sa častejšie používajú termíny (language) formation, variety, resp. aj vernacular* (Bosák, 1994, s. 151).

(27) *Bokom ostala hádam iba problematika neverbálnej komunikácie (kinetiky a proxemiky), ktorá sa medzičasom predsa len posunula viac do zorného poľa pragmatiky <...>* (Slančová, 2009, s. 87).

So zásadou taktu priamo súvisí používanie „upravených“ komentorov negatívneho hodnotenia (*slabé miesta* → *slabšie miesta*):

(28) *Takýto postoj však zároveň ukazuje aj na ďalšie slabšie miesto v Štekauerovej onomaziologickej teórii* (Horecký, 2000, s. 39).

Nesúhlasné zdvorilostné stratégie sú úzko prepojené so stratégiami typu zmiernenia (*mitigation*), vyhýbavého vyjadrovania (*hedging*) a s komunikačnou maximou spôsobu, porov.:

(29) *Slovensko-český/česko-slovenský slovník rozdielných výrazov nemožno, žiaľ, považovať za príliš úspešný edičný počin* (Patráš, 1999, s. 138).

(30) *Škoda, že v registri nenašli svoje miesto niektoré použité skratky (SSN, SGP). <...> Ich vysvetlenie na tomto mieste by isto čitateľom tohto typu uľahčilo štúdium knihy* (Smatana, 2003, s. 107).

(31) *Čo sa nám však zdá ako nie veľmi šťastné riešenie, je uvádzanie a spracovanie frazeológie* (Šimková, 1999, s. 134).

Negatívne zdvorilostné stratégie sú založené na konvencionalizovaných nepriamych (indirektných) implikáciách a na realizácii komunikačných funkcií, ktoré maximovali satisfaktívnej kooperácie často nielen porušujú, ale priamo popierajú (porov. Machová – Švehlová, 2001, s. 104). Vytvárajú priestor pre skrytú, implicitnú invektivnosť. So stratégiou negatívnej zdvorilosti sa stretávame najmä pri negatívnych kritikách a polemikách (pozri napríklad analýzu lingvistických polemík J. Findru, 2008).

Zásada skromnosti predpokladá také diskurzívne konanie recenzenta, v ktorom autoprezentácia nevyznieva ako samochvála. Vzťah *recenzent – autor* je často asymetrický, stupeň osobnej dôverylosti je v odbornej recenzii prakticky minimalizovaný. Na vzájomnom hodnotení partnerov dyadickej aj triadickej interakcie je založená interpersonálna valorizácia (porov. Nakonečný, 2009, s. 323). Epifenoméni tohto vzťahu môže byť v recenzii realizovaná:

- ingraciácia – zavďačovanie sa autorovi (napríklad prehnaným lichotením);
- konformizmus – manifestačné zhodovanie sa s mienkou autora;
- afiliácia – pripojenie sa k mienke iných autorov (uplatňuje sa ako prehnané odvolávanie sa na iných autorov a môže signalizovať nižšie sebavedomie);
- sebaaprezentácia – zameranie sa na sebaaktualizáciu (uplatňuje sa ako autoreklama).

Zásada kontaktu má priestorovú a zdvorilostnú stránku. Keďže recenzia je písaný komunikát (médiom je ukončený tlačенý text), princíp kontaktu (máme tu na mysli kontakt recenzenta jednak s autorom a jednak s adresátom) je predovšetkým nepriamy a sprostredkovaný. Preto z pohľadu recenzie je dôležitejšia verbalizácia tejto zásady. Využíva sa v nej totiž už naznačený princíp odstupu, ktorý spočíva v tom, že recenzent tlmočí postuláty autora práce akoby z pozície nezúčastneného aktéra interakcie. Zachovanie odstupu, úcty a priateľskosti patrí medzi pravidlá zdvorilosti, ktoré sa pri uplatňovaní interakčnej etikety prejavujú v dodržiavaní štandardizácií, vyplývajúcich z konvenčných pravidiel a žánrových noriem (vykanie; autorský plurál; negácia, kondicionál, štandardizované onymické nominácie; spisovné formulácie; záverečné formulky a pod.).

Záver: Intenciou článku bolo poukázať na skutočnosti, ktoré sú v pozadí klasifikácie (odbornej) recenzie – modus, žáner, štýl a formálnosť (v zmysle kooperačnej a zdvorilostnej interpersonálnosti). Formálnosť je budovaná na princípe odstupu, takže preferenčné využívanie diatézy je jej prirodzeným

vyznením. Recenzia je interpretovaný posttext a jej interpretačnou optikou sú princípy kooperácie a zdvorilosti. Úzkostlivé uplatňovanie zdvorilostných stratégií spôsobuje, že väčšina recenzií má charakter metatextov. Je to spôsobené aj tým, že odborné recenzie sú v našich podmienkach prevažne kolegiálnymi reflexiami, ktoré, keďže sa pohybujú v rámci štandardného vedeckého vývoja, sú reflexiami v podmienkach „normálnej vedy“ (v terminológii T. Kuhna). To znamená, že akceptujú aj „drobné“ inovatívne a nielen tie, ktoré privedú k novým vedeckým paradigmám. Je plne prijateľné aj to, že fungujú ako „trenažér“ pre začínajúcich vedeckých pracovníkov. Kvalitné recenzie si však vyžadujú kvalitné znalosti odborného textu a odborného kontextu. Vytvárajú priestor na prezentovanie solídnej analýzy, deskripcie, argumentácie a explanácie. Do odbornej komunity prinášajú nové informácie a inšpirujú k novým interpretáciám. Posilňujú princípy uplatňovania profesionálnej etiky. Nazdávame sa, že sa majú významnejšie podieľať na kultivácii zázemia odborného uvažovania.

JAZYKOVÉ ZDROJE

Jazykovedný časopis, 31 – 63, 1980 – 2012. ISSN 0021-5597 (od roku 1994).

LITERATÚRA

- AUSTIN, J. L.: *Ako niečo robiť slovami*. Bratislava: KALLIGRAM, 2004. 183 s. ISBN 80-7149-659-6.
- BIBER, D.: *Variation across Speech and Writing*. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 299 p. ISBN 0521320712.
- BÍLEK, P. A.: *Hledání jazyka interpretace (K modernímu prozaickému textu)*. Brno: Host, 2003. 360 s. ISBN 80-7294-080-5.
- ČECHOVÁ, M.: *Trans- a intertextovost v kontextu regionálním a dobovém*. In: Česká slavistika 2003. České přednášky pro XIII. mezinárodní kongres slavistů, Ljubljana 15. – 21. 8. 2003. Praha: Academia, 2003, s. 47 – 57. ISBN 978-80-2001-093-3.
- ČERMÁK, F. – HOLUB, J.: *Syntagmatika a paradigmatica českého slova. II. Valence a kolokabilita*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 2005. 191 s. ISBN 80-249-0974-6.
- DANEŠ, F.: *A Three-level Approach to Syntax*. In: Travaux linguistiques de Prague, I. Praha: Academia, 1964, p. 225 – 240. Bez ISBN.
- DOLNÍK, J.: *Preferenčný aspekt rečových aktov*. In: *Jazykovedný časopis*, 46, 1995, 1, s. 3 – 11. ISSN 0021-5597.
- DOLNÍK, J.: *Egolingvistika*. In: *Slovenská reč*, 73, 2008, 5, s. 257 – 270. ISSN 0037-6981.
- DOLNÍK, J.: *Všeobecná jazykoveda. Opis a vysvetľovanie jazyka*. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied v Bratislave, 2009. 375 s. ISBN 978-80-224-1078-6.

- DOLNÍK, J.: *Jazyk – člověk – kultura*. Bratislava: KALLIGRAM, 2010. 224 s. ISBN 978-80-8101-377-5.
- ECO, U.: *Meze interpretace*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, nakladatelství Karolinum, 2009. 330 s. ISBN 978-80-246-0740-5.
- Encyklopedický slovník češtiny*. Ed. P. Karlík, M. Nekula, J. Pleskalová. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2002. 604 s. ISBN 80-7106-484-X.
- Filosofický slovník*. 2., rozšířené vydání. Olomouc: Nakladatelství Olomouc, 1998. 464 s. ISBN 80-7182-064-4.
- FINDRA, J.: *Štylistika slovenčiny*. Martin: Osveta, 2004. 232 s. ISBN 80-8063-142-5.
- FINDRA, J.: *Problém polemiky (Na okraj lingvistických polemík)*. In: *Jazyk a jazykoveda v pohybe*. Na počesť Slavomíra Ondrejoviča. Ed. S. Mislovičová. Bratislava: VEDA, Vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied v Bratislave, 2008, s. 256 – 266. ISBN 978-80-224-1026-7.
- GREPL, M. – KARLÍK, P.: *Skladba češtiny*. Olomouc: Votobia, 1998. 503 s. ISBN 80-7198-281-4.
- HALLIDAY, M. A. K.: *Language as social semiotic. The social interpretation of language and meaning*. London: Edward Arnold, 1978. 256 p. ISBN 0-7131-6259-7.
- КИБРИК, А. А.: *Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов*. In: *Вопросы языкознания*, 2009, 2, с. 3 – 21. ISSN 0373-658X.
- KRAUS, J.: *Rétorika a řečová kultura*. Praha: Karolinum, 2004. 184 s. ISBN 80-246-0898-7.
- KRUPA, V.: *Jednota a variabilita jazyka. Systémový přístup a tzv. exotické jazyky*. Bratislava: VEDA, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied v Bratislave, 1980. 166 s. Bez ISBN.
- LEECH, G. N.: *Principles of Pragmatics*. New York: Longman, 1983. 250 p. ISBN 0-582-55110-2.
- MACHOVÁ, S. – ŠVEHLOVÁ, M.: *Sémantika & pragmatická lingvistika*. Praha: Univerzita Karlova v Praze, Pedagogická fakulta, 2001. 160 s. ISBN 80-7290-061-7.
- MIKO, F.: *Aspekty literárneho textu*. Nitra: Pedagogická fakulta v Nitre, Ústav jazykovej a literárnej komunikácie, 1989. 206 s. Bez ISBN.
- MISTRÍK, J.: *Štylistika*. 1. vydanie. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo v Bratislave, 1985. 584 s. Bez ISBN.
- Mluvená čeština: hledání funkčního rozpětí*. Ed. S. Čmejková, J. Hoffmannová. Praha: Academia, 2011. 491 s. ISBN 978-80-200-1970-7.
- NAKONEČNÝ, M.: *Sociální psychologie*. Vydání druhé, rozšířené a přepracované. Praha: Academia, 2009. 498 s. ISBN 978-80-200-1679-9.
- ONDREJOVIČ, S.: *Recenzia a jej žánrovo-kompozičné charakteristiky*. In: *Kultúra slova*, 34, 2000, 4, s. 198 – 203. ISSN 0023-5202.
- ПЛУНГЯН, В. А.: *Общая морфология. Введение в проблематику*. Москва: «Эдиториал УРСС», 2000. 383 с. ISBN 5-8360-0142-1.
- SLAMĚNÍK, I.: *Sociální psychologie emocí*. In: *Aplikovaná sociální psychologie II*. Ed. J. Výrost a I. Slaměník. Praha: Grada, 2001, s. 49 – 80. ISBN 80-247-0042-5.

- SLANČOVÁ, D.: *Vymedzenie predmetu štylistiky*. In: Slovo o slove [8]. Zborník Katedry slovenského jazyka a literatúry Pedagogickej fakulty Prešovskej univerzity v Prešove. Prešov: Pedagogická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove, 2004, s. 17 – 23. ISBN 80-903339-2-3.
- SOKOLOVÁ, J.: *Sémantika kvalifikačných adjektív*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, 2003. 100 s. ISBN 80-8050-575-6.
- SOKOLOVÁ, J.: *Tri aspekty verbálneho textu*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre, Filozofická fakulta, 2012. 144 s. ISBN 978-80-558-0156-8.
- SOUSEDÍK, S.: *Úvod do rekonstruktivní hermeneutiky*. Praha: TRITON, 2008. 171 s. ISBN 978-80-7387-239-7.
- TONDL, L.: *Racionální činnost a svět artefaktů*. Praha: FILOSOFIA – ΦΙΛΟΣΟΦΙΑ, nakladatelství Filosofického ústavu AV ČR, 2005. 126 s. ISBN 80-7007-213-X.
- TONDL, L.: *Hodnocení a hodnoty. Metodologické rozměry hodnocení*. Praha: FILOSOFIA – ΦΙΛΟΣΟΦΙΑ, nakladatelství Filosofického ústavu AV ČR, 1999. 178 s. ISBN 80-7007-131-1.

„NA POČIATKU BOLO SLOVO...“

Eva Tučná

„Na počiatku bolo Slovo...“ – a to slovo malo podobu posolstva, prosby veľkomoravského kniežaťa Rastislava adresovanej konštantínopolskému cisárovi Michalovi III. o vyslanie kazateľov „znalých slovanskej reči“. Rukopis *Život Metodov* (Moravsko-panónske legendy, s. 61) neskoršie túto udalosť rekapituluje slovami: „Božou milosťou zdraví sme; i prišli k nám učítelia mnohí, kresťania z Vlách i z Grécka, i z Nemiec, učiac nás rozlične. Ale my Slovieni prostý ľud (sme) a nemáme, kto by nás vyučil v pravde a smysel vyložil. Tak teda, vladyka, pošli takého muža, ktorý nám vštepí všetku pravdu.“ *Život Konštantínov* (Moravsko-panónske legendy, s. 41) podčiarkuje zrejme inú pasáž posolstva a hovorí: „Keďže ľud náš od pohanstva sa odtrhol a kresťanského zákona sa drží, učiteľa nemáme takého, ktorý by nám v našom jazyku pravú vieru kresťanskú vysvetlil, aby sa i iné strany, to vidiac, pripodobnili nám. Tak pošli nám, vladyka, biskupa a učiteľa takého, lebo od vás na všetky strany vždy dobrý zákon vychádza.“ Posolstvo je datované rokom 862. Vzápätí, ako dôkaz správneho pochopenia posolstva, patriarcha Fotios vybral na toto poslanie dvoch solúnskych mníchov, bratov Konštantína a Metoda. Do „krajín Moravských“ prišli s cisárskym poverením v roku 863. V *Moravsko-panónskych legendách*, v *Životopise Konštantína* (s. 43), sa hovorí: „Keď prišiel na Moravu, s veľkou ctou prijal ho Rastislav a učeníkov shromaždiac, oddal ich učiť.“ V *Pochvalnom slove Cyrilovi a Metodovi od biskupa Klimenta* (s. 103) čítame: „... všetci ľudia s radosťou vyšli v ústrety jemu (rozumej Metodovi) a tak prijali ho ako anjela božieho.“ Prijal ho (rozumej Cyrila) Rastislav, prijali ho (rozumej Metoda) všetci ľudia ako „dar väčší a čestnejší nad všetko zlato a striebro“, ako dar nepominuteľný.

Dôkazom nepominuteľnosti misie solúnskych bratov sú aj ostatné dve medzinárodné konferencie. *Konferencia Cyril a Metod v kultúrnej diachrónii*, ktorá sa uskutočnila na Univerzite Konštantína Filozofa v Nitre 29. mája 2013, a konferencia *1150. výročie svätcov Cyrila a Metoda*, ktorá sa konala v dňoch 14. a 15. júna 2013 na Univerzite v Bukurešti. Pozvánky na tieto dve významné slavistické konferencie spôsobili, že na mojom pracovnom stole sa stretli tri publikácie. Prvá publikácia, *Svätý Cyril a svätý Metod v slovenskej literatúre*, vyšla v roku 2012 na pôde Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa

v Nitre. Jedinečným spôsobom, formou výberovej antológie, sprítomňuje, a to vývinovo a dokumentačne, obraz o duchovno-kultúrnom a umeleckom pôsobení cyrilo-metodskej misie na našom území. Druhá publikácia, presnejšie periodikum, je *Historická revue – Špeciál 2013*. Na titulnej strane bližšie charakterizuje svoju určenosť: *Byzantskí vierozvestcovia – ich osudy a doba* alebo, povedané inými slovami, *Od Chazarov na Devín*. Tretia publikácia je staršieho dáta, nesie názov *Životy slovanských apoštolov Cyrila a Metoda v legendách a listoch*, vyšla zo zostavovateľskej a prekladateľskej dielne Jána Stanislava v roku 1950 vo Vydavateľstve Maticy slovenskej v Martine. Stretnutie citovaných publikácií bolo viac-menej náhodné, ale poznanie, ktoré z tejto náhody vzniklo, má podobu potreby neustálych návratov k Cyrilovi a Metodovi, ku kultúrnemu a jazykovému dedičstvu po dvoch solúnskych bratoch. K dedičstvu, na počiatku ktorého bolo Slovo. Slovo, ktoré aj napriek svojmu veku, alebo práve preto, nám ponúka nové poznania a nové uvedomovania si súvislostí.

Peter Liba a Silvia Lauková, zostavovatelia výberovej antológie *Svätý Cyril a svätý Metod v slovenskej literatúre*, otvárajú predkladaný obraz umeleckých reflexií slovami Evanjelia podľa svätého Jána, ktorými sme aj my otvorili náš príspevok: „Na počiatku bolo Slovo...“ A s trochou zveličenia, ako hovoria autori na s. 7, „...na počiatku slovenskej literatúry stálo tiež slovo či skôr

predslov – Proglas. Jeho slovami Konštantínovi-Cyriľovi a Metodovi sa podarilo „vyorať“ hlbokú brázdú do slovenskej literatúry. Hlaholika, Konštantínovo dielo, dala spisovateľom do rúk nástroj – písmo, prostredníctvom ktorého mohlo slovo pomyselné i povedané byť materializované a zachované. Lebo „reč na vodu napísaná“ je zmiznutá, slovo zachytené je slovo stratené“. Vďaka solúnskym bratom – a citujem opäť autorov antológie (s. 7)–, ktorí stáli pri kolíske našej literatúry, „môžeme stáť my tu dnes“. A ak sa aj nájdú spochybňovatelia cyriľo-metodskej misie a jej významu v súčasnej spoločnosti, nemôžu spochybníť jej líniu v dejinách slovenskej literatúry.

Pri skúmaní cyriľo-metodskej tradície v našej literatúre sa stretávame s dlhým obdobím, keď sa o nej mlčalo. V istých obdobiach akoby Cyril a Metod upadli do zabudnutia, podotýkame, že nielen v dvadsiatom storočí. Až barokoví autori ich začínajú objavovať, najskôr len opatrne, potom intenzívne. Múdroseť slova sa zásluhou solúnskych bratov stala prostriedkom upevňovania či kreovania sebavedomia v časoch začínajúceho sa národného uvedomovania Slovákov. V rôznych prehovoroch a obranách sa dokladala dlhá a slávna minulosť národa. Odvtedy je cyriľo-metodská téma neustále prítomná v slovenskej literatúre. Dôkazom tejto skutočnosti je aj citovaná antológia, ktorú autori otvárajú *Proglasom*, *Predspevom k evanjeliu Konštantína Cyrila*, najvýznamnejšou veršovanou skladbou napísanou v starosloviencine. Úryvok zo *Života Konštantína Cyrila* od Klimenta otvára dokumentačnú pasáž, podčiarkuje žitie cyriľo-metodskej témy a jedinečnosť jej rozšírenia v neskoršom kultúrnom svete Slovanov. Kliment, neznámy autor kódujúci svoje meno do akrosticha Chrabr spolu s ostatnými Konštantínovými a Metodovými žiakmi založili nádherný kult úcty a lásky k svojim učiteľom. Ich diela žijú zo živej veľkomoravskej tradície, ba nielen to, sú dôkazom, že ich tvorcovia boli umelecky a lingvisticky vzdelaní jednotlivci.

Cirillo-Metodiada od Jána Hollého v antológii *Svätý Cyril a svätý Metod v slovenskej literatúre* otvára christianizačnú misiu Konštantína a Metoda na Veľkej Morave ako veľkú tému v slovenskej literatúre. Ako fenomén, ktorý je v premenách času konštantou v slovenskej literatúre. Podotýkame však, že rezonuje v tvorbe aj v recepcii iba vo vymedzenej „nedeľnej chvíli“. No práve táto skutočnosť mu dodáva *raison d'être*, ktorému podľahli významné osobnosti slovenskej literatúry: Andrej Sládkovič, Pavol Országh Hviezdoslav, Štefan Krčméry, básnici slovenskej katolíckej moderny Gorazd Zvonický, Janko Silan, Marián Žiar, Rudolf Dilong či predstavitelia mladšej básnickej garnitúry reprezentovanej Mikulášom Kasardom, Jaroslavom Rezníkom, Milanom Rúfusom, Jánom Zamborom a i. Benedikt Szöllösi, Matej Bel, Ľudovít Štúr, Ladislav Nádaši Jégé, Jozef Horák zviditeľnili veľkú slovanskú tému v prozaickej tvorbe. Mohli by sme menovať i ďalších básnikov, prozaikov, dramatikov, ktorí dostali priestor v antológii *Svätý Cyrila svätý Metod v slovenskej literatúre*, keďže v premenách času sprítomňovali fenomén „cyrilo-metodiády“ v slovenskej literárnej tvorbe.

Aké poznanie prináša antológia *Svätý Cyril a svätý Metod slovenskej literatúre*? Naša literatúra je vývinovo viazaná na „zlato a striebro“, na dar, ktorý zanechali Konštantín-Cyril a Metod. Ich dielo, ako ukázala antológia, je súčasťou slovenskej literatúry, našej kultúry, nás samotných, a to aj napriek tomu, že téme „cyrilo-metodiády“ je v tomto premennom priestore a čase venovaná len „nedeľná chvíľa“.

Ukazuje sa (a javí sa to dnes v našom stredoeurópskom priestore), že tému „cyrilo-metodiády“ nemožno považovať za partikulárnu. V tomto duchu sa nesie aj úvodný predslov Tatiany Štefanovičovej, významnej slovenskej historičky a archeologičky, vedeckej garantky *Historickej revue – Špeciál 2013*. Vedecky striedma Tatiana Štefanovičová otvára svoj vstup do témy konštatáciou, že misia učeních bratov z gréckeho Solúna má pre nás veľký význam dodnes. Tieto „nedeľné slová“ otvárajú *Historickú revue – Špeciál 2013*, prinášajúcu tri témy: 1. *Cyril a Metod*, 2. *Veľká Morava*, 3. *Slovania*. Spomedzi trinástich štúdií nás obzvlášť zaujali dve: *Význam byzantskej misie v slovanských dejinách* od Richarda Marsinu (s. 22) a *Kultúrna identita Slovanov na Veľkej Morave* od Jána Zozuláka (s. 30). Ján Zozulák, teológ a historik, zdôrazňuje potrebu upriamenia pozornosti na korene našej kultúrnej identity. Hovorí, že Cyril a Metod, vedení Svätým Duchom, vykonali Božie dielo. Okrem kresťanskej viery priniesli Slovanom aj byzantskú kultúru, vďaka čomu sa Slovania zaradili medzi kultúrne národy Európy. Autor cituje z kázne Jána Pavla II.: „Uholný kameň zjednotenej Európy nestretávame len v Monte Cassine, kde sa svätý Benedikt odovzdal upevneniu latinskej Európy, ale aj na Morave, kde Cyril a Metod, Gréci z macedónskych Thesaloník, vryli grécku a byzantskú

tradíciu do histórie Európy.“ Grécka a byzantská tradícia v histórii Európy... Túto skutočnosť si musíme práve dnes uvedomovať. A to je ďalšie poznanie v čase, keď stojíme pred perspektívou ideologických, technologických a spoločenských zmien, ktoré významným spôsobom ovplyvňujú život a kultúru malých národov. Dielo Konštantína a Metoda nepatrí len Veľkej Morave, patrí všetkým slovanským národom, pretože kultivuje cestu Slovanov spojených slovom i písmom, ktoré otvorili „uši hluchých a oči slepých...“ a ktoré musia počuť i vidieť aj veľké národy.

Richard Marsina, popredný historik, v štúdiu *Význam byzantskej misie v slovenských dejinách*s prítomňuje svoje uvažovanie konštatáciou: „Blížiac sa 1150. výročie príchodu byzantskej misie do krajiny našich predkov je príležitosťou opätovne sa zamyslieť nad jej zástojom v slovenských národných dejinách“ (s. 22). V citovanej úvahe sleduje aktivity Cyrila a Metoda pred príchodom, počas pobytu na našom území, ale, a to dôrazne, aj odchod ich najbližších žiakov, kňazov a klerikov, z nášho územia, keďže neboli ochotní zrieknuť sa používania slovanského jazyka v liturgii. V dôsledku tejto skutočnosti, ako hovorí Marsina, nezaniklo na Veľkej Morave kresťanstvo, ale pokračovalo v tej forme, akú malo pred príchodom byzantskej misie. Je potrebné, apeluje autor v závere svojej štúdie, uvedomiť si časový horizont pôsobenia Cyrila a Metoda na našom území. Hovorí: „Hoci pôsobenie byzantskej misie bolo u nás z hľadiska historického vývoja krátkou, 22-ročnou epizódou (863 – 885), na asi 6 rokov prerušenou odchodom jej hlavných protagonistov v roku 867, mala veľký význam pre upevnenie kresťanstva na našom území“ (s. 28). Kresťanstvo sa stalo novým fenoménom, a to ich zásluhou. Podľa Marsinu znamenalo „úplnú zmenu spoločenského života vo verejnej sfére, prispôsobenie aj celej právnej a kultúrnej oblasti“.

Aké poznanie prináša *Historická revue – Špeciál 2013? Význam misie solúnskych bratov* je nedoceneniteľný. Zachovanie ich odkazu, ako hovorí v tom istom periodiku, no na inom mieste Peter Žeňuch (s. 39), je „prejavom duchovnej zrelosti a vyspelosti, znakom vysokej úrovne kultúry Slovákov...“. A my dodávame, že Slovanov vôbec.

Na mojom stole zostala ešte posledná publikácia *Životopisy slovanských apoštolov Cyrila a Metoda v legendách a listoch*. Publikácia, ktorá vyšla z rúk Jána Stanislava pred viac ako polstoročím. Môžete namietat, prečo o tomto „skvoste“, ako martinský vydavateľ nazval toto dielo, hovoríme na konci. Možno preto, že zostavovateľ v záverečných poznámkach konštatuje: „Najkrajšie vari hovoríme o Cyrilovi a Metodovi, keď hovoríme slovami pred 1150 rokmi napísanými, slovami ich žiakov a prvých ctiteľov. Čitateľ uvidí, koľko je v ich skladbách kúzla a poézie, môže vypozerovať aj vyspelosť slovienskeho jazyka...“ Možno preto, že informácia publikovaná na záložke

hovorí: „...o činnosti slovanských apoštolov Konštantína a Metoda nehovorí ani jeden historický záznam západoeurópskeho pôvodu.“ Informácia pochádza z dielne sovietskych historikov z roku 1945 a je varujúca. Môžeme ju prijať či neprijať? Môže nás viesť k poznaniu, že je čoraz potrebnéšie uvedomovať si veľkosť svojej zložitej histórie, jedinečnosť svojej kultúry, jazyka a literatúry, jedinečnosť Slova, ktoré bolo na počiatku a ktoré musíme šíriť i dnes. Jedinečnosť Slova, ktoré je tiež „uholným kameňom“ európskej vzdelanosti.

„Na počiatku bolo Slovo...“ – a to Slovo malo podobu posolstva. Všetky tri citované publikácie sú posolstvá. Posolstvá, ktoré prostredníctvom cyrilo-metodskej témy, jedinečného fenoménu, sú a budú prítomné aj naďalej v slovenskej literatúre.

LITERATÚRA

Životy slovanských apoštolov Cyrila a Metoda v legendách a listoch. Zostavovateľ a prekladateľ: Ján Stanislav. Turčiansky svätý Martin: Matica slovenská, 1950. 224 s. Bez ISBN.

Historická revue – Špeciál 2013. Vydáva Slovenský archeologický a historický inštitút – SAHI Bratislava. 82 s. ISSN 1335-6550.

Svätý Cyril a svätý Metod v slovenskej literatúre. Výberová antológia. Zostavili Peter Liba a Silvia Lauková. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa; Filozofická fakulta; Katedra slovenskej literatúry, 2012. 234 s. ISBN 978-80-558-0240-4.

TIBENSKÁ, E.: *Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov. Slovački jezik u zrcalu unutrašnjih i vanjskih odnosa*. Zagreb: Filozofski fakultet Sveučilišta u Zagrebu, FF press, 2012. Tlač: Rapos, Trnava. 152 s. ISBN 978-953-175-456-9.

Po monografii *Sémantická štruktúra slovenskej vety* (2012) predkladá Eva Tibenská, docentka na Katedre slovenského jazyka a literatúry Filozofickej fakulty Univerzity sv. Cyrila a Metoda v Trnave, v rokoch 2007 – 2012 lektorka slovenského jazyka a kultúry na Univerzite v Záhrebe, slovenským i zahraničným slovakistom a slavistom ďalšiu knižnú publikáciu s názvom *Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov* a ekvivalentným podtitulom v chorvátčine *Slovački jezik u zrcalu unutrašnjih i vanjskih odnosa*. Je v nej obsiahnutých trinásť štúdií z jednotlivých oblastí súčasnej spisovnej slovenčiny i komparatívne slovensko-slovanské lingvistické príspevky, ktoré boli predtým publikované v zahraničných zborníkoch a časopisoch. V súvislosti s tým obsahovo-tematickú štruktúru monografie autorka

rámčuje dvoma kapitolami. V prvej analyzuje vybrané jazykové javy súčasnej spisovnej slovenčiny, akcentujúc najmä dynamiku v systéme súčasnej slovenčiny spôsobenú zmenami spoločensko-politického a ekonomického systému na Slovensku, ktoré ovplyvnili myslenie a komunikačné správanie nositeľov slovenčiny koncom minulého storočia. Druhá kapitola obsahuje šesť komparatívne koncipovaných štúdií, pričom prevažujú slovensko-chorvátske syntaktické porovnávania; predmetom jednej state je porovnanie vetných štruktúr prezentujúcich zmyslové vnímanie sveta v kategóriách farba, priestor, čas v slovenčine, poľštine a chorvátčine.

Tematicky pestrejšia je prvá kapitola s názvom *Štúdie o súčasnej podobe slovenčiny a vývinových zmenách v nej*, obsahujúca príspevky z oblasti

syntaxe, teórie spisovného jazyka, jazykových kontaktov, lexicológie a štylistiky. V obidvoch častiach monografie však prevažuje syntaktická problematika, ktorá je doménou jazykovedného bádania E. Tibenskej.

V úvodnej štúdii s názvom *Zmeny v jazykových podsystemoch (čiastkových normách): syntaktická rovina* sa E. Tibenská venuje jednak metodologickým otázkam výskumu slovenskej syntaxe a vývinu syntaktického myslenia na Slovensku od konca 50. rokov minulého storočia, jednak zmenám v syntaktickej rovine slovenčiny, pričom konštatuje „pretrvávajúcu výraznú tendenciu po systémovej ustálenosti vzťahu medzi významom a formou“ (s. 12). Niektoré autorkine konštatovania v tejto časti práce majú však všeobecný, resp. zovšeobecňujúci charakter, čo vyplýva z celkového zamerania tejto štúdie. Pokiaľ ide napríklad o konkurenciu akuzatívu a genitívu vo funkcii predmetu v determinatívnej objektivej syntagme, všeobecné konštatovanie o tendencii nahrádzať partitívny či záporový genitív akuzatívom sa žiada konkretizovať. Naše výskumy tohto javu (Vaňko, J.: *K dynamike v pádovej a predložkovej sústave súčasnej slovenčiny*. In: *Jazykovedný časopis*, 61, 2010, 1, s. 43 – 56. ISSN 0021-5597) založené na dokladoch zo Slovenského národného korpusu (SNK) potvrdzujú, že používatelia slovenčiny rozlišujú medzi prípadmi, keď sa vo výpovedi nevyjadruje, resp. nezdôrazňuje kvantita, ale do

popredia sa vysúva samotná substantia (napríklad jeden druh oproti druhému), od prípadov, keď sa vyjadruje kvantita (bez kvantitatívneho determinátora). V prvom prípade sa použije akuzatív, kým v druhom prípade sa dáva prednosť genitívu, porov. *Vrtuľník môže totiž nabrať vodu z minimálne dvojmetrovej výšky.* (SNK, *Korzár*) – *Z potoka nabrala vody až po vrch.* (SNK) – *Tu si posádka oddýchla, nabrala vody aj potravín a tretieho apríla pokračovala...* (SNK). Podľa SNK konkurencia akuzatívneho a genitívneho predmetu je vzácnou vyrovnaná napr. v spojeniach *nabrať vodu* (31x): *nabrať vody* (32x). Pokiaľ ide o záporový genitív, ten sa drží najmä v ustálených alebo frazeologizovaných slovných spojeniach: *to nemá konca-kraja, nevedieť/nedať si rady, nedať pokoja, nepoznať zľutovania*. Túto skutočnosť konštatuje aj E. Tibenská.

Podobnými zmenami v štruktúre slovenskej vety sa autorka zaoberá aj v štúdii *Vývinové tendencie v súčasnej syntaxi*, kde si navyše všima aj prejav ekonomizácie v oblasti syntaxe. V príspevku *Štandard a subštandard na rôznych úrovniach jazykového systému* sa autorka venuje otázke subštandardov z pohľadu kritérií J. Horeckého, odlišujúcich subštandardy a štandardy na jednej strane od nesprávnych či defektných jazykových javov na druhej strane, porov. napríklad v hovorených prejavoch frekventovanú spojku *ako-náhle* (spisovne *len čo*), ktorá sa aj

autorke „prešmykla“ (na s. 33, s. 101) do ináč dobre štylizovaného jazykového prejavu. Podobnými otázkami sa E. Tibenská zaoberá aj v príspevku *Ekonomizácia, globalizácia v jazyku kontra spisovnosť*, v ktorom sa zamýšľa nad tým, „či všetky prebiehajúce zmeny (rozumej zmeny v jazyku – naša poznámka) môžeme jednoznačne hodnotiť ako progresívne a či je vôbec také hodnotenie namieste“ (s. 38). Autorka si všíma zmeny vo vnútornej štruktúre jazyka a postupne ich komentuje podľa jednotlivých jazykových rovín; veľkú pozornosť venuje najmä výslovnosti anglicizmov v súčasnej slovenčine. Čo sa týka ekonomizácie hovorených i písaných prejavov, ktorá sa na syntaktickej úrovni prejavuje zhusťovaním vetnej konštrukcie, veta *Minister rozhoduje o veľkej zákazke*. (s. 42) nie je obsahovým ekvivalentom súvetnej konštrukcie *Minister rozhoduje o tom, či bude prijatá veľká zákazka*. (týmto ekvivalentom by bola veta *Minister rozhoduje o prijatí veľkej zákazky*). Ináč autorka prináša v tejto stati zaujímavé postrehy a poznámky o zmenách v jazyku a štýle jazykových prejavov rozličnej štylistickej proveniencie. Otázkou zmien v jednotlivých štýloch slovenčiny (náučnom, administratívnom, hovorom, umeleckom, publicistickom

a rečníckom), spôsobených najmä kontaktom s angličtinou, sa autorka podrobne zaoberá v štúdiu *Zmeny v slovenskej štylistike spôsobené „globalizáciou“*, pričom namiesto označenia tendencie vo vývine jazykov „proces globalizácie v súčasných jazykoch“ navrhuje použiť pomenovanie „anglicizácia jazykov“ (s. 73).

V druhej kapitole monografie E. Tibenskej s názvom *Slovensko-slovenské komparatívne štúdie* dominuje syntaktická problematika z porovnávacieho hľadiska a v jej rámci hlavne komparácia syntakticko-sémantickej stavby niektorých vetných typov v slovenčine a chorvátčine. Štúdie v tejto časti práce sú o to hodnotnejšie, že syntaktická a sémantická štruktúra slovenskej vety sa u nás len zriedka skúma z komparatívneho hľadiska, pričom absentuje najmä konfrontácia syntaktických javov v slovenčine s južnoslovanskými jazykmi.

Monografia E. Tibenskej *Slovenčina v zrkadle vnútorných a vonkajších vzťahov*, zahŕňajúca autorkine príspevky uverejnené iba v zahraničí, poslúži nielen zahraničným slovakistom, ale umožní poznať dosiaľ neznáme práce autorky aj širšej jazykovednej pospolitosti na Slovensku.

Juraj Vaňko

SOKOLOVÁ, J.: *Tri aspekty verbálneho textu*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta, 2012. 144 s. ISBN 978-80-558-0156-8.

Z problematiky lingvistickej analýzy a interpretácie textu

Hoci sa pojem textu v lingvistike už dávno nepocituje ako nový, problematika jeho analýzy a interpretácie je stále aktuálna: najnovšie to potvrdzuje aj nitrianska lingvistka Jana Sokolová svojou piatou knižnou monografiou *Tri aspekty verbálneho textu*.

V tejto knihe nenájdeme ďalšiu ucelenú koncepciu lingvistiky textu, s akou sme sa v domácich slovenských reláciách po prvýkrát stretli v knihe *Textová lingvistika* (1998) od autorskej dvojice Juraj Dolník – Eugénia Bajzíkova, ani systémový model textu podobný tomu, ktorým našu teóriu textu obohatil František Miko (posledná známa verzia jeho jedinečného funkčného modelu textu známeho ako výrazová

sústava pochádza z roku 1989). V knihe J. Sokolovej ide o niečo iné – o „transparentnenie“ jednotlivých stránok textu, a to z troch hľadísk: z aspektu extratextuality (komunikácie), z aspektu intratextuality (prototypových, definičných znakov textu ako komunikátu) a z aspektu intertextuality (vzájomných vzťahov medzi textami). V zhode s mottom knihy, v ktorom figuruje Mikov výrok o tom, že *o niektorých súvislostiach nevieme, lebo sú buď utajené, alebo samozrejmé*, sa v nej z perspektívy týchto troch aspektov otvárajú priehľady do súčasnej textovej lingvistiky i teórie textu a zároveň sa naznačujú mnohé vzájomné súvislosti medzi rozličnými stránkami textu vrátane takých, ktoré tieto dve

disciplíny dosiaľ neodhalili alebo ich nepovažovali za hodné reflexie.

Sokolovej kniha sa vyznačuje snahou reflektovať jednotlivé stránky textu nielen zhrnujúco, súhrnne, v ich vzájomnom prepojení, ale zároveň aj dostatočne prehľadne, pričom je zjavné, že kniha predpokladá istú zorientovanosť v problematike lingvistickej analýzy a interpretácie textu aj na strane jej čitateľa. To umožňuje, aby „obraz“ textu, ktorý postupne vystupuje z prehľadného súhrnu doteraz viac či menej rozšírených vedomostí o texte, jeho autorka obohatovala prekvapivými postrehmi, spresňujúcimi poznámkami a vhodne volenými príkladmi – úryvkami textov citovaných v ruskom origináli. Jana Sokolová je vysokoškolskou učiteľkou ruštiny: vedecky i pedagogicky sa zaoberá disciplínami systematickej a gramaticky orientovanej lingvistiky (morfológiou a lexikológiou ruského i slovenského jazyka), no venuje sa – ako potvrdzuje aj recenzovaná kniha – aj „nesystemovej“ textovej lingvistike.

Kniha o troch aspektoch verbálneho textu z jej autorskej dielne však nie je žiadnym úvodom do tejto disciplíny. Študenti, ktorí by ju chceli použiť ako základnú príručku textovej lingvistiky, by sa s ňou podľa môjho názoru poriadne potrápili. Čitateľa, ktorý má už základy tejto disciplíny za sebou, môže, naopak, inšpirovať k ďalšiemu štúdiu a úvahám, keďže má do činenia s teoretickou rozpravou o texte vrchovato nasýtenou

informáciami, odvolávajúcou sa na mnohé relevantné zdroje, a to nielen lingvistickej, ale aj literárnovednej a umenovednej proveniencie.

Obsah knihy J. Sokolovej je dvojvrstvový. Jedna jeho vrstva je analytická, sústredená na rozbor jednotlivých činiteľov komunikačného procesu (autor, kód, text, kanál, adresát/komunikačná situácia) a štruktúrnych vlastností textu (textové vzorce, typy textov atď.), druhá vrstva je interpretačná, sústredená na prítomnosť informácie v texte, na jeho sémantiku a zmysel. Tieto vrstvy nie sú rovnocenné – a aj v tejto knihe „silnejšia“ analýza prevažuje nad interpretáciou textu.

Text je jedným z tých pojmov, ktoré majú v sebe istý stupeň interdisciplinárnosti, resp. multidisciplinárnosti. Ak odhliadneme od rétoriky, v teoretickej reflexii textu ako štruktúrovaného jazykového útvaru sa dlhodobo, od desiatych rokov 20. storočia, angažuje najmä literárna teória, ktorá sa však zaujíma výlučne o „svoj“ typ textov – o texty literárne, umelecké. Naopak, lingvistikou literárne texty dlho zaujímali len ako prameň poskytujúci vhodný materiál na výskum fónických, gramatických, lexikálnych a štylistických javov, nie ako východisko skúmania textu ako celostnej jazykovo-tematickej štruktúry so zámerným usporiadaním viet, resp. výpovedí. Tento stav trval, ako je známe, zhruba do šesťdesiatych rokov, keď sa text stal aj objektom lingvistickej analýzy

a interpretácie, pričom umelecká literatúra rozvíjajúca estetický potenciál jazyka zostala „služiť“ lingvistike ako výskumný materiál ďalej. Aj v knihe J. Sokolovej sa operuje literárnymi textami, najčastejšie ukážkami z diela Daniila Charmsa, Vasilija Šukšina, Tatiany Tolstej a viacerých ďalších ruských prozaikov a básnikov, no objektom jej záujmu sú aj iné typy textov – texty administratívne (obchodná korešpondencia), odborné, resp. vedecké, no i publicistické, t. j. napospol neinteraktívne (lineárne), písané (nie hovorené), monologické verbálne komunikáty s pomerne vysokým stupňom kohézie.

Pojem text sa približne od sedemdesiatych rokov používa v oveľa širšom rozsahu, ako je to bežné v lingvistike, ba aj v literárnej vede. Za hranicami týchto disciplín sa pod týmto pojmom už nerozumie iba písomný verbálny výtvor, ale každý komunikát vznikajúci na základe toho istého mechanizmu označovania, ktorý bol pôvodne identifikovaný v prirodzenom jazyku. Za znakové systémy schopné ustanoviť význam usporadúvaním znakov do reprezentácií sa dnes považujú nielen slová, ale aj obrazy, zvuky, predmety (napr. oblečenie) a činnosti (napr. šport alebo tanec). V súčasnosti sa čoraz častejšie pojem textu vzťahuje aj na fenomény primárne nekomunikačnej povahy typu sen, pamäť, identita, mýtus, mesto (napr. česká teoretička literatúry Daniela Hodrová rozlišuje dokonca medzi textom mesta

a mestským textom; in: *Citlivé město: Eseje z mytopoetiky*. Praha, 2006). V nedávno vydanom *Slovníku nejnovější literární teorie* (Praha, 2012) sa text definuje už len zo semiotického, znakového hľadiska: „... text je znakový, materiálne fixovaný prostriedok komunikácie vznikajúci výberom jednotiek zo škály paradigmy a ich syntagmatickým zretazením.“ Hneď za touto definíciou sa v príslušnom predmetnom hesle (s. 521 – 524) uvádzajú základné charakteristiky, ktoré sa k textu priradujú práve z iniciatívy textovej lingvistiky a teórie textu: znakovosť, informatívna povaha, zámernosť/intencia, kohézia a koherentnosť, vyjadrenosť, štruktúrovanosť, relatívna ohraničenosť a uzavretosť, komunikačná úplnosť, pragmatická a komunikačná prijateľnosť, intertextualita, kontextová situovanosť, štýlová a funkčná utváranosť. Autor hesla Jan Matonoňa zároveň podotýka, že literárny umelecký text tieto tradične uvádzané rysy textovosti svojimi tvarovými a sémantickými aspektmi narušuje. Reflexia tejto špecifickej stránky literárneho textu, ktorá sa považuje za zdroj jeho literárnosti, je však výlučne v kompetencii teórie, resp. estetiky literatúry. Úlohou textovej lingvistiky je rozpoznať tie stránky verbálneho prejavu, ktoré z neho „robia“ text, celkovú jednotku jazykovej (verbálnej i neverbálnej) komunikácie – preskúmať jeho textovosť a komunikatívnosť (ako jeho prototypové vlastnosti).

Jana Sokolová sa vo svojej knihe od hlavnej úlohy svojej vednej disciplíny nenecháva odľákať aktuálnymi trendmi, bokom napr. necháva kreolizované typy textov založené na kooperácii obrazu a slova; disciplinovane sa zaoberá tradičným lineárnym, písmom fixovaným typom verbálneho textu a pri prehľade jeho rozličných stránok z troch aspektov, ktoré si vytýčila hneď na začiatku svojej evidencie, aby sa v realite týchto stránok a vo výsledkoch ich doterajšej teoretickej reflexie spoľahlivo orientovala, sa týchto troch aspektov nielenže dôsledne pridrižiava, ale ich aj trojnásobne zmnožuje. Kniha *Tri aspekty verbálneho textu* pozostáva z rámcujúceho úvodu a záveru a troch hlavných kapitol, pričom každá z nich sa tiež skladá z úvodu a ďalších troch kapitolek. Obsah knihy je potom štruktúrovaný takto: Úvod. – 1 Text z aspektu komunikácie: 1.1 Verbálna a neverbálna textová informácia. 1.2 Explicitná a implicitná textová informácia. 1.3 Invariantnosť a variantnosť v textoch obchodnej komunikácie. – 2 Text z aspektu intratextuality: 2.1 Výstavba textu. 2.2 Viazanosť textu. 2.3 Členenie textu. – 3 Text z aspektu intertextuality: 3.1 Intertextualita a odborný text. 3.2 Intertextualita a publicistický text. 3.3. Intertextualita a literárny text. – Záver.

Triadický princíp, t. j. rozčlenenie jednej celkovej jednotky na tri čiastkové jednotky a ich následný opis či výklad alebo v opačnom slede

zastrešenie troch špecifických momentov reflektovanej skutočnosti jedným pojmom fungujúcim v úlohe ich spoločného menovateľa, ku ktorému Sokolová zjavne inklinuje – v súpise jej knižných monografií nájdeme knihu *Tri aspekty jazykovej nominácie* (Nitra 2002), ale „triády“ sa pomerne často v texte recenzovanej knihy vyskytujú aj vo vnútri jednotlivých kapitol –, jej umožňuje do reality sledovaného objektu, jeho prvkov a vzájomných súvislostí medzi nimi, ako aj doterajších vedomostí o nich vnieť istý poriadok, nie však hierarchiu a systém. V tomto ohľade môže na stav poznania textovo fixovaný práve v tejto knihe kedykoľvek nadviazať a svoj osobný výskum textu posunúť na úroveň systémového myslenia.

Sokolová sa k textu stavia ako ku komunikátu, teda ako k jazykovému útvaru, prostredníctvom ktorého sa realizuje proces komunikácie. Za kľúčový moment – v plnom súlade s povahou komunikácie – považuje transfer informácií, pričom na ne nazerá ako na jadro (obsah) komunikačných funkcií. V kontexte jej knihy (a hádam aj v širšom kontexte samotnej textovej lingvistiky) sa ako osobitne závažný vyjavuje taký samozrejмый fakt, že „zmyslom jazykovej (rečovej) komunikácie je odovzdať príjemcovi primerané množstvo sémantickej a/alebo pragmatickej informácie“ (s. 29). V súlade s týmto faktom sa v centre autorkinej pozornosti ocitá sémantická (významová)

a pragmatická (recepčná) stránka textu. Kapitoly o narážke ako implicitnej podobe textovej informácie, o odkazovaní na informačné zdroje, čiže o citovaní a parafrázovaní v odborných a publicistických textoch, alebo o hyperbolizovanej podobe intertextuality v poviedke Tatiany Tolstej *Sujet* sú najautentickejšími pasážami knihy, keďže sa v nich autorka opiera o svoje osobné interpretácie konkrétnych postupov či prejavov medzitekstového nadväzovania. Alúzia (narážka), citát a parafráza ako prejavy intertextuality bežne prítomné nielen v literárnych, ale aj neliterárnych textoch sa v slovenskej textovej lingvistike – v porovnaní napr. s českou štylistikou a lingvistikou

textu (J. Homoláč, P. Mareš a iní) – reflektujú len výnimočne, hoci dnes sa už intertextualita, pred časom chápaná len ako fakultatívny príznak textu, považuje za jeden z hlavných garantov textovosti jazykového prejavu. Jana Sokolová ju vo svojej knihe bez váhania povýšila na jeden z troch hlavných aspektov verbálneho textu – na roveň aspektu jeho komunikácie a aspektu jeho vnúrotextovej previazanosti. Aj vďaka tomu je jej monografia o tradičnom lineárnom, písanom fixovanom type verbálneho textu aktuálna...

Mária Valentová

AUTORI ČÍSLA

PaedDr. Ján Gallo, PhD.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jgallo@ukf.sk

doc. Olga Geraschenko, CSc.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
ogeraschenko@ukf.sk

prof. PhDr. Ivo Pospíšil, DrSc.

Ústav slavistiky Filozofickej fakulty Masarykovej univerzity v Brne (ČR)
ivo.pospisil@phil.muni.cz

Mgr. Martin Pukanec, PhD.

Katedra slovenského jazyka Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa
v Nitre (SR)
mpukanec@ukf.sk

Alima Shtyrova, CSc.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jshtyrova@ukf.sk

prof. PhDr. Jana Sokolová, CSc.

Katedra rusistiky Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
jsokolova@ukf.sk

PhDr. Mária Valentová

Ústav literárnej a umeleckej komunikácie Filozofickej fakulty Univerzity
Konštantína Filozofa v Nitre (SR)
mvalentova@ukf.sk

prof. PhDr. Eva Tučná, CSc.

Katedra slovenskej literatúry Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa
v Nitre (SR)
etucna@ukf.sk

prof. PhDr. Juraj Vaňko, CSc.

Katedra slovenského jazyka Filozofickej fakulty Univerzity Konštantína Filozofa
v Nitre (SR)
jvanko@ukf.sk

Pokyny na formálnu úpravu príspevkov

Ďakujeme za Váš záujem publikovať v časopise **SLAVICA NITRIENSIA**. Dovoľujeme si Vás požiadať o dodržanie formálnej úpravy príspevkov (textový editor **Microsoft Word**, font **Arial**, veľkosť písma **11**, riadkovanie **1,5**). Súčasťou štúdie, diskusného alebo rozhľadového príspevku je názov príspevku v angličtine, abstrakt v angličtine v rozsahu 100 – 200 slov a zoznam kľúčových 5 – 8 slov v angličtine.

Základné zásady formátovania:

- nastavenie okrajov pre celý dokument: 2,5 cm zo všetkých strán;
- celý text treba zarovnať do bloku;
- slová nedeliť ani nepodčiarkovať;
- *kurzívu* používať len v obmedzenej miere na odlíšenie vlastných príkladov, príp. ilustračných pasáží textu a pod. (citáty zo sekundárnej literatúry neuvádzať kurzívou);
- **tučné písmo (bold)** používať na zvýraznenie kľúčových pojmov;
- začiatok nového odseku vždy signalizovať odsadením textu zľava pomocou tabulátora v šírke 1,25 cm;
- tvrdý koniec používať iba na konci odsekov;
- úvodzovky používať len na citácie;
- v texte za každým interpunkčným znamienkom urobiť medzeru;
- na literatúru sa v texte odkazuje priezviskom autora, rokom vydania a číslom strany v okrúhlej zátvorke (Dolník, 2010, s. 150);
- číslo poznámky sa v texte označuje horným indexom, text poznámky je potrebné uviesť na konci príspevku.

Rozsah a charakter príspevkov:

Rozsah príspevkov by sa mal pohybovať v rozmedzí 15 až 20 strán pri vedeckých štúdiách, 10 až 15 strán pri odborných článkoch, 7 až 10 strán pri rozhľadoch a materiáloch (vrátane abstraktu, zoznamu kľúčových slov a použitej literatúry), 1 až 5 strán pri recenziách a 1 až 5 strán pri správach z konferencií a vedeckých podujatí (bibliografické údaje uvádzať priamo v texte recenzie alebo správy).

LITERATÚRA

Zoznam autorov sa uvádza vždy v abecednom poradí. V prípade, ak sa na publikácii spoločne podieľali dvaja alebo traja autori, oddeľujú sa pomlčkou. Ak je pri publikácii zastúpených viac autorov ako traja, uvedie sa prvý autor a za týmto údajom nasleduje skratka a kol.

• **Knihy, monografie:**

VAŇKO, J. – KRÁĽ, Á. – KRALČÁK, Ľ.: *Jazyk a štýl súčasnej slovenskej publicistiky*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta, 2006. 152 s. ISBN 80-8050-957-3.

АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. – КОРИНА, Н. Б.: *Проблемы когнитивной лингвистики*. Нитра: Университет им. Константина Философа в Нитре, Философский факультет, 2011. 216 с. ISBN 978-80-8094-987-7.

• **Štúdia v časopise:**

FINDRA, J.: *Elektronická komunikačná sféra a jazyk internetovej komunikácie*. In: *Kultúra slova*, 2009, 43, 1, s. 11 – 18. ISSN 0023-5202.

КИБРИК, А. А.: *Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов*. In: *Вопросы языкознания*, 2009, 2, с. 3 – 21. ISSN 0373-658X.

• **Štúdia publikovaná v zborníku, príp. kolektívnej monografii:**

SIPKO, J.: *Lingvokulturologické a prekladateľsko-tlmočnické centrum excelentnosti v systéme vysokoškolského vzdelávania*. In: *Nová koncepcia univerzitného vzdelávania prekladateľov a tlmočníkov na Slovensku*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta, 2010, s. 70 – 80. ISBN 978-80-8094-746-0.

ГОЛИКОВА, Л. П.: *Образно-смысловые реминисценции русской литературы в творчестве Светозара Гурбана-Вайанского*. In: *Славянская филология: Исследовательский и методический аспекты: материалы II Международной научной конференции*. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009, с. 52 – 56. ISBN 978-5-89428-438-5.

Elektronické dokumenty – monografie, zborníky:

GROMOVÁ, E. – ŠOLTÝS, J.: *Odborný preklad 2. Materiály zo seminárov Tvorba a využívanie prekladových, terminologických a výkladových slovníkov*. Bratislava: AnaPress, 2006. 180 s. ISBN 80-89137-24-5. [Cit. 2011-10-08]. Dostupné na internete: http://www.sspol.sk/files/op_2.pdf.

• **Články v elektronických časopisoch, zborníkoch a iné príspevky:**

KAČALA, J.: *Praktická jazyková kultúra z rozmanitých strán.* In: *Kultúra slova*, 44, 2010, 4, s. 193 – 201. ISSN 0023-5202. [Cit. 2011-05-07]. Dostupné na internete: <http://www.juls.savba.sk/ediela/ks/2010/4/ks2010-4.pdf>.

Potrebné identifikačné informácie na konci príspevku:

Na konci príspevku prosíme uviesť identifikačné údaje:

meno a priezvisko autora aj s titulmi,

pracovisko,

aktuálny e-mailový kontakt.

Требования к оформлению статей

Благодарим Вас за участие в журнале **SLAVICA NITRIENSIA!** Просим соблюдать требования к оформлению статей (текстовый редактор **Microsoft Word**, тип шрифта **Arial**, кегль **11**, межстрочный интервал **1,5**).

Составной частью статьи, заметки или обзора является аннотация на английском языке объёмом 100 – 200 слов и список 5 – 8 ключевых слов на английском языке.

Требования к форматированию:

- Поля во всем документе: 2,5 см со всех сторон;
- Весь текст выравнивается по ширине;
- Не пользоваться переносом слов и подчёркиванием;
- *Курсивом* пользоваться ограниченно – для графического различения примеров или иллюстративных отрывков текста (в цитатах курсивом не пользоваться);
- **Жирный шрифт** использовать для выделения ключевых понятий;
- Новый абзац всегда начинать с красной строки с помощью табулятора с шириной шага 1,25 см;
- Переводить строку с помощью клавиши Enter разрешается только в конце абзаца;
- В тексте после каждого знака препинания ставить пробел;
- Ссылка на литературу в тексте оформляется в круглых скобках, указывается фамилия автора, год издания и номер страницы (Dolník, 2010, s. 150);
- Номер сноски в тексте обозначается с помощью верхнего индекса, текст сноски размещается в конце статьи (концевая сноска);
- В материалах на русском языке **обязательно** графическое различение буквы Ё.

Объём и характер статей:

Принимаются материалы следующего объёма: научные статьи монографического характера: 15 – 20 страниц, стандартные статьи: 10 – 15 страниц, обзоры и материалы: 7 – 10 страниц (включая аннотацию, ключевые слова и библиографию), рецензии: 1 – 5 страниц, информация о конференциях и научных мероприятиях: 1 – 5 страниц (библиографические данные приводятся прямо в тексте рецензии или сообщения).

ЛИТЕРАТУРА

Список литературы всегда приводится в алфавитном порядке. В случае, если у публикации два или три автора, их фамилии разделяются тире (не дефисом). Если у публикации более трёх авторов, указывается фамилия первого из них, а затем даётся сокращение *и колл.*

!!! Внимание !!! В библиографических сведениях о публикации необходимо указывать не только место и год издания, но и **издательство, количество страниц** всей публикации и (в случае статьи в журнале или сборнике) через тире номера страниц данной статьи, а также код **ISBN для неперIODических изданий** (монографии, сборники) или **ISSN для периодических изданий** (журналы) согласно следующему образцу:

- **книги, монографии:**

VAŇKO, J. – KRÁL, Á. – KRALČÁK, L.: *Jazyk a štýl súčasnej slovenskej publicistiky*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta, 2006. 152 s. ISBN 80-8050-957-3.

АЛЕФИРЕНКО, Н. Ф. – КОРИНА, Н. Б.: *Проблемы когнитивной лингвистики*. Нитра: Университет им. Константина Философа в Нитре, Философский факультет, 2011. 216 с. ISBN 978-80-8094-987-7.

- **статья в журнале:**

FINDRA, J.: *Elektronická komunikačná sféra a jazyk internetovej komunikácie*. In: *Kultúra slova*, 2009, 43, 1, s. 11 – 18. ISSN 0023-5202.

КИБРИК, А. А.: *Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов*. In: *Вопросы языкознания*, 2009, 2, с. 3 – 21. ISSN 0373-658X.

- **статья в сборнике или коллективной монографии:**

SIPKO, J.: *Lingvokulturologické a prekladateľsko-tlmočnicke centrum excelentnosti v systéme vysokoškolského vzdelávania*. In: *Nová koncepcia univerzitného vzdelávania prekladateľov a tlmočníkov na Slovensku*. Nitra: Univerzita Konštantína Filozofa, Filozofická fakulta, 2010, s. 70 – 80. ISBN 978-80-8094-746-0.

ГОЛИКОВА, Л. П.: *Образно-смысловые реминисценции русской литературы в творчестве Светозара Гурбана-Вайанского*. In: *Славянская филология: Исследовательский и методический аспекты: материалы II Международной научной конференции*. Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009, с. 52 – 56. ISBN 978-5-89428-438-5.

- **электронные документы – монографии, сборники:**

GROMOVÁ, E. – ŠOLTÝS, J.: *Odborný preklad 2. Materiály zo seminárov Tvorba a využívanie prekladových, terminologických a výkladových slovníkov*. Bratislava: AnaPress, 2006. 180 s. ISBN 80-89137-24-5. [Cit. 2011-10-08]. Dostupné na internete: http://www.sspol.sk/files/op_2.pdf.

• **статьи и материалы в электронных изданиях:**

KAČALA, J.: *Praktická jazyková kultúra z rozmanitých strán*. In: *Kultúra slova*, 44, 2010, 4, s. 193 – 201. ISSN 0023-5202. [Cit. 2011-05-07]. Dostupné na internete: <http://www.juls.savba.sk/ediela/ks/2010/4/ks2010-4.pdf>.

Поскольку список литературы входит в общий ограниченный объём статьи, просьба включать в него только те публикации, ссылки на которые содержатся в тексте статьи.

Необходимая информация об авторе в конце материала:

В конце материала укажите данные об авторе:

- Ф. И. О. автора, его степени и звания (титулы);
- место работы;
- действующий адрес e-mail.